

ШИЦЗИН

Книга
песен
и
гимнов

ШИЦЗИН

Книга
песен
и
ГИМНОВ

*Перевод с китайского
А. ШТУКИНА*

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

1987

БК84.5Кит
Ш65

Редакционная коллегия

ДЕЛЮСИН Л. П.
РЕДЬКО Т. П.
СОРОКИН В. Ф.
СЕРЕБРЯКОВ Е. А.
ТИТАРЕНКО М. Л.
ФЕДОРЕНКО Н. Т.

ЭЙДЛИН Л. З.

Подготовка текста и вступительная статья
Н. ФЕДОРЕНКО

Комментарии
А. ШТУКИНА

Оформление художника
М. МЕЛИК-ПАШАЕВА

4703000000-032
Ш _____ 209-87
028(01)-87

© Статья, оформление. Изда-
тельство «Художественная ли-
тература», 1987 г.

ДРЕВНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК ПОЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Благодаря памятникам материальной культуры прошлого, памятникам истории и литературы минувшие эпохи постоянно обращены к последующим поколениям. Они предстают перед нашими глазами и мыслью, напоминая нам о глубине времени, о корнях человеческой родословной. В этом нельзя не заметить связь времен, неотвратимость исторического процесса, как нескончаемость художественного творчества, словесно-речевого искусства.

Проблемы слова и его выразительности занимали человечество с незапамятных времен. То, что говорилось во времена античности, в Греции и Риме, в древнем Китае или Индии, во многом сохраняет свое значение и поныне. В наше нынешнее входит непременно часть от прошлого и какая-то часть от будущего. И разве взаимодействие и противоборство этих составляющих частей не является тем, что мы называем современностью? Но что представляет собой понятие времени для литературы? Время — это прежде всего человек, типы и образы людей. Человек в самой своей сущности и есть живое воплощение времени, истории. Многое, бездна самих предпосылок идет от прошлого. И поэтому невозможно осмыслить настоящее без знания минувшего, знания наследия прошлого. Нельзя увидеть и будущее.

У каждой исторической эпохи свой взгляд на минувшее, на творцов духовных ценностей прошлого. По словам Гейне, каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза и видит в старинных созданиях человеческого духа много нового. Движение времени, то есть жизни, в литературе определяется тем, что в ней возникают характеры, типы, образы, которые, в сущности, воплощают в себе, помимо прочего, приметы времени, черты эпохи. И нередко на типичных этих персонажах как бы

лежит ответ будущего. Будущее возникает, разумеется, из настоящего, но настоящее — не единственный его источник. Будущее происходит также из минувшего, из опыта всего нескончаемого числа предшествующих поколений. Прошлое и настоящее постоянно сосуществуют в каждом человеке. Мы несем в себе прошлое, которое неотвратимо проявляет свою сущность. Не все уходило и уходит бесследно, хотя трудно определить, что остается и что исчезает, навсегда уносится рекою времени...

Удивительна роль, которую в течение веков играли в Китае искусство слова, поэзия, как неотторжимая часть каждодневного существования человека. Свод народных песен и древних гимнов «Шицзин», который приобрел значение классического канона, на протяжении тысячелетий занимал особое место как книга откровений и жизненного опыта. Литературные источники сохранили наставление Конфуция своему сыну — читать и изучать «Шицзин». «Почему не учите вы стихи?» — вопрошал мудрец и указывал на незаменимость этого поэтического источника в постижении окружающей реальности, на то, что «стихи могут возбуждать дух, могут раскрывать человека, могут способствовать общению, могут вызвать негодование».

«Шицзин», содержащий триста пять поэтических произведений, состоит из четырех разделов, или частей: «Гофын» («Нравы царств»), «Сяо я» («Малые оды»), «Да я» («Великие оды») и «Сун» («Гимны»). Вне всякого сомнения, песен этих было намного больше. В китайских литературных источниках встречаются ссылки на то, что именно Конфуций, который восхищался поэзией древности и видел в ней огромный нравственный потенциал, из трех с лишним тысяч известных песен отобрал лишь одну десятую часть и свел ее в единый памятник — «Шицзин»¹. И если это так, то подход и оценки Конфуция, разумеется, не могли быть свободны от личных вкусов, симпатий или антипатий.

Иероглиф и слово «ши» в древнекитайском языке означают: стихотворение, песня, поэзия, ритмическое, озвученное рифмами произведение, исполняющееся обычно под аккомпанемент музыкального инструмента. Первоначально иероглиф «цзин», входящий в название «Шицзин», обозначал «основу ткани». Впоследствии именно отсюда взяло свое начало производное понятие — основополагающие канонические книги конфуцианской школы. Песня «ши» — древнейшая форма китайской лирической поэзии,

¹ В «Исторических записках» первого китайского историка Сыма Цяня, в биографии Конфуция, говорится: «В древности стихотворений «ши» было более трех тысяч. Конфуций отбросил негодные и взял то, что соответствует правилам («ли») и должно му («и»).

стихотворение, как правило, предназначенное для пения. «Ши» состоит обычно из нескольких строф или куплетов, нередко с рефреном. Песни «ши», судя по «Шицзину», складывались в народе одновременно с их музыкальной мелодией и, в сущности, были органически связаны с музыкой, движениями и жестами, которые часто сопровождали их исполнение в процессе полевых работ, во время религиозных и бытовых обрядов, народных празднеств, гуляний, игр.

Каждый из разделов «Шицзина», в сущности, представляет собой самостоятельную книгу со своими темами, особой эмоциональной атмосферой и средствами художественного изображения. Все вместе поэтические произведения «Книги песен и гимнов» охватывают весьма значительный период развития китайского народа, приблизительно с раннего этапа Западного Чжоу (XII—X вв. до н. э.) и до конца эпохи «Чуньцю» («Весны и осени», VIII—V вв. до н. э.). В этом смысле «Шицзин» представляет собой своеобразную энциклопедию китайской древности, которая словно впитала в себя все поэтические краски этого мира.

Первая часть «Шицзина» — «Гофын» («Нравы царств») ¹ содержит сто шестьдесят произведений пятнадцати различных царств Китая того времени, — это свод древнейшей китайской лирики периода Чжоу. «Гофын», с нашей точки зрения, имеет наибольшую литературную ценность, ибо здесь собраны главным образом народные песни и припевки, сохраняющие как по содержанию, так и по форме целомудренную простоту народного вкуса. Творцы песен «Шицзина» скромно жили в гуще человеческих общин, неизвестные, неразличимые. Их песни звучали в народе, они разливались всюду, доходили и до пастуха и до правителей, которые стремились в фольклорном этом искусстве углыдеть умонастроения простого народа.

В эту часть памятника вошли лирические, любовные песни, с их обаянием и радостными чувствами молодости, с их задушевностью; трудовые песни, глубоко уходящие своими корнями в щедрую почву народного творчества. «Гофын» воссоздает яркую и колоритную картину общественной жизни и быта китайского народа в эпоху его раннего развития. С них, с этих правдивых песен, глубоко связанных с жизнью, некоторые исследователи на-

¹ «Гофын» в дословном переводе означает «местные мелодии», то есть мелодии песен различных земель, появившиеся в районе, расположенном на территории современных провинций Шэньси, Шаньси, Хэбэй, Шаньдун и северной части провинции Хубэй.

чинают порой историю реалистических традиций китайской литературы.

Каждая песня целенаправленна, имеет законченный сюжет. Каждая песня отличается цельностью, единой внутренней темой — человек и его отношение к явлениям природы, окружающему миру, людям. И в русле этой темы ощущение связи таких понятий, как красота, добро, правда, искренность и человечность. Касаясь различных сторон реальной жизни, песни являют собой как бы слепки с мира чувств и явлений, роившихся в умах земледельцев, скотоводов, охотников. Читатель нередко ощущает себя живущим в мире, где и травы, и птицы, и звери только что получили свои названия. В этом великое искусство песенного слова «Шицзинна», передающее ощущение человека, только что явившегося в мир и впервые называющего предметы и явления.

Глубокого социального звучания исполнена песня «Удары звучат далеки, далеки...» (I, IX, 6), в которой обличаются угнетатели, праздная их жизнь за счет простых тружеников:

Удары звучат далеки, далеки...
То рубит сандал дровосек у реки,
И там, где река омывает пески,
Он сложит стволы и сучки...
Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда —
Откуда ж зерно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг —
Стрела не летела из ваших рук —
Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благородным могли б считать,
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

Здесь выражаются мысли, представляющие различные стороны жизненного и художественного опыта, непосредственного и зоркого видения окружающей авторов этой песни реальности. И похоже, что у создателей ее уже было ощущение того, что поэтическое слово едва ли не наиболее могущественное из искусств: оно обладает неизмеримой емкостью, не ограничено масштабом, не стеснено рамками пространства, времени, иными обстоятельствами.

Обращает на себя внимание песня «Большая мышь» (I, IX, 7), в которой, вероятно, впервые в китайском поэтическом творчестве применяется иносказание. Ненавистные народу силы, его жестокие поработители аллегорически изображаются в виде большой мыши, жадно пожирвающей все плоды труда землепашцев. Лейтмотивом песни, проникнутой оптимистической верой в торжество

пародной справедливости, является мечта тружеников о «счастливой земле», в которой не будет «жадных мышей».

Некоторым песням этой части памятника свойственна определенная сатирическая направленность. Их мысли столь же остры, как и смелы. Песни эти приобретают особую действенность благодаря своей предельно краткой форме, выразительности и неподдельной искренности. У творцов этой песенной поэзии нет выспренных слов. Подобно многим другим песням «Шицзяна», они прославляют труд простых людей и осуждают знать, выражают недовольство судьбой бесправных и зависимых.

Интересна в этом отношении песня «Вышел я из северных ворот...» (I, III, 15):

Службой царскую гнетут меня,
Многие дела томят меня,
А приду к себе домой — опять
Все наперебой корят меня.
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

А вот песня безысходной тоски земледельца, угнанного на войну. Народные творцы песенно-поэтических произведений умели придать простейшим жизненным фактам большую значимость и глубокий смысл, сочетать мудрость с наивной непосредственностью, лирику чувств с суровой правдой жизни:

Жизнь или смерть нам разлука песет,
Слово мы дали, собираясь в поход.
Думал, что, руку сжимая твою,
Встречу с тобою я старость мою.

Горько мне, горько в разлуке с тобой.
Знаю: назад не вернусь я живой,
Горько, что клятву свою берегу,
Только исполнить ее не могу (I, III, 6).

Значительное место в разделе «Гофын» принадлежит песням труда, посвященным теме сельскохозяйственных работ — главному занятию древних китайцев. Таковы «Песня о седьмой луне» (I, XV, 1), «Подорожник» (I, I, 8).

«Ветер с дождем...» (I, VII, 16). Чтобы убедительнее показать радость супружеской любви, полноту чувства, в песне изображается картина ненастья:

Ветер с дождем холодны, словно лед...
Где-то петух непрерывно поет.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве тревога в душе не замрет?

О «Шицзине» в целом можно сказать, что это антология боли и невзгод. Но творцам песен (в разделе «Гофын») не чужд был и вкус счастья. Преобладают произведения лирического звучания. Они уводят нас в поле, к зарослям, к берегам реки; они будят мысли, волнуют чувства, рождают образы... В них близко знакомимся мы с тружениками полей, поселенцами древних побережий, от которых веет ароматом разнотравья, луговых цветов, зноем страдного солнца... Да, древние творцы этих песен умели поселить в своих стихах и гнев, и любовь, и презрение, и уважение к добру. Их песни рождались в реальных жизненных конфликтах, в которых они участвовали, в диалектике чувств, в борьбе со злом и своекорыстием окружающих и стоящих над ними людей.

Песни на любовную и свадебную тему представлены в «Нравах царств» широко и щедро. Лиризма и торжественности исполнена песня о девушке, ставшей невестой и совершающей свадебный обряд. Характерны предельно скупые изобразительные средства, лаконизм, фразеологические повторы, рефрены («Выезд невесты». I, II, 1).

Трогательно звучит тема любви в песне «Чжуна просила я слово мне дать...» (I, VII, 2). Неодолимым препятствием встали на пути юных сердец традиции семейного уклада. Девушка боится нарушить волю родителей, боится, что ее осудят братья, страшится «недоброй в народе молвы». Движимая чувством тревоги и страха, она вынуждена склониться перед неумолимостью домо строя. В строках, исполненных чувства безысходности, обличается бессердечность патриархальных семейных канон.

Песням раздела «Гофын» присущи лаконизм, богатство экспрессии, стилистическое совершенство. Они исполнены аллегорий, символики и олицетворений, которые вообще характерны для античной песни. Язык песен с веками обрел афористичность. Как искры, сверкают в них афоризмы, рожденные то вековой мудростью народа, то горьким опытом и закрепленные, увековеченные народными певцами «Шицзина».

Вторая часть «Шицзина» — «Малые оды» («Сяо я») ¹ — включает в себя главным образом произведения придворных стихотворцев. «Сяо я» — форма лирической поэзии для выражения

¹ Перевод слова «я» (изящное, утонченное, возвышенное), как «ода» условен. В древности греческое слово «ода» не определяло какого-либо поэтического жанра, оно обозначало вообще песню, стихотворение. Античные филологи прилагали его к различного рода лирическим стихотворениям и подразделяли оды на хвалебные, плясовые, плачи и проч.

восторженного чувства по поводу какого-либо торжественного случая, для восхваления заслуг и достоинств, воспевания добродетелей и подвигов древних правителей, полководцев, героев. Поэзию раздела «Малые оды» (в настоящем издании приводятся семьдесят четыре отдельных текста) трудно подчас отличить от песенно-поэтического фольклора из раздела «Нравы царств». Часть ее имеет полуфольклорный, полулитературный характер. Вероятно, сперва она возникла в устной форме, а затем была закреплена иероглификой. Темы «Малых од», высота их пафоса, как правило, не столь значительны, как темы и пафос «Великих од».

Среди произведений придворной поэзии значительное место занимают оды на тему о преданной службе царю, о верноподданнических чувствах приближенных царя, славословия верховному правителю («Славословие царю». II, I, 6); песни о ратных подвигах в походах против гуннов; о царской охоте, на которой господствовали чопорная обрядность, иерархический церемониал:

По четверке коней в колесницы князей впряжены,
И одна за другою четверки приходят на стан.
Наколенники алые, в золоте туфель сафьян,
Собираются гости, блюда и порядок и сан.

(«Царская охота». II, III, 5)

Есть оды радушному хозяину, не поскупившемуся на щедрое угощение (II, II, 3); длительному пиршеству в царских покоях (II, II, 10); славословия «достойным гостям», которым хозяин желает жизни «на века и века» (II, II, 7).

Символом веселья, торжественной трапезы, славного пиршества стала известная ода «Встреча гостей» (II, I, 1).

Отдельные произведения отразили высокомерное отношение к женщине (прежде всего в аристократической среде). Вот как это выражено в придворной оде «Новый дворец» (II, IV, 5):

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят...

Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!
Зла и добра им вершить не дано,
Пищу варить им да квасить вино,
Мать и отца не заставит страдать.

Критика господствующего режима, открытое недовольство недеянием, пассивностью правителя, переставшего править страшной, гневом встречающего правдивое слово, звучит в «Оде благородного Цзя Фу, обличающей царя и царского советника Иня» (II, IV, 7). Похожие мысли выражены в «Оде ушедшим от смуты в ивие земли» (II, IV, 10). Этим произведениям близка по содержанию прославленная «Ода о клеветниках» (II, V, 6), гневно обличающая «лживые слова» льстецов и «мастеров клеветы»:

Причудливо вьется прекрасный узор —
Ракушками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превосшли вы искусство ткача...
Клеветующих, лгущих хватал бы я сам
И лютым бы тиграм бросал и волкам...

Следует, однако, иметь в виду, что господствующие классы, а знать, а также их идеологи, — в частности, представители конфуцианства, — нередко стремились использовать в своих корыстных интересах как памятники фольклорного поэтического творчества, так и деятельность художников слова, живших в различные исторические периоды. Недовольство и критика исходили нередко от тех представителей аристократии, которые стремились к захвату государственной власти. Именно в этой связи и должна рассматриваться критика правящих кругов, содержащаяся в разделе придворной поэзии «Шицзина», в отличие от критики и жалоб, звучащих в произведениях чисто народных.

Прекрасный образец поэтического искусства — «Ода о дружбе» (II, I, 5). Построенная в значительной степени в соответствии с принципами народного песенно-поэтического творчества, она не может быть в полной мере отнесена к литературной или фольклорной поэзии. Ода «Большое поле» (II, VI, 8), в которой славится земледельческий труд, ставятся вопросы общественных отношений, — явно фольклорного происхождения. И характер ее и тематика близки песням из книги «Нравы царств». В том же ключе написаны печальные строфы о походе людей через пустыню — «То гуси летят» (II, III, 7):

То гуси летят, то летят журавли
И свищут, и свищут крылами вдали...
То люди далеким походом идут,
И тяжек, и труден в пустыне поход.
Достойные жалости люди идут,
О горе вам, сирый и вдовый народ!

Скорбью пронизана поэма о войне, в ожидании которого «тоскою поражено сердце жены». Грустные чувства навеивает ода

«В ожидании мужа, ушедшего в поход» (II, I, 9). Социальный протест, протест против бездельников, жадно толпящихся у царского трона, слышится в «Жалобах воинов, слишком долго задержанных на службе царю» (II, IV, 1), в «Оде о несправедливости» (II, VI, 1).

Третья часть «Книги песен» — «Великие оды» («Да я»), которых насчитывается в «Шицзине» тридцать одна, — представляет собой, в сущности, книгу поэтических произведений племени чжоу. Китайская литературная традиция считает их высокими образцами придворного поэтического творчества. Эти произведения исполнялись в сопровождении соответствующей музыки. Их отличает довольно богатая словесная орнаментация, которая усугубляет впечатление торжественности, подчеркнутой высокопарности, восторженности.

«Великие оды» проливают свет на известные исторические события, важные факты. Так, кровопролитная битва чжоусцев с шан-иньцами, сопровождавшаяся рукопашными схватками, ожесточенными столкновениями, стала неиссякаемым родником героических сказаний, трагических легенд, вдохновенных преданий. О далеких этих событиях повествует «Ода о царях Вэнь-ване и У-ване и о покорении царства Инь-Шан» (III, I, 2). Следующая за ней «Ода о переселении племени чжоу» (III, I, 3) рассказывает об истории племени чжоу, переселившегося с запада в район бассейна реки Хуанхэ.

Вошедшие в этот раздел произведения исторического плана можно, на наш взгляд, рассматривать как образцы древней китайской эпической поэзии.

Многие из «Великих од» прославляют древних государей — У-вана (царя Воинственного), его отца Вэнь-вана (царя Просвещенного), Хоу-цзи (государя Зерно); осуждают бездарных правителей и их приближенных. Таковы «Ода в поучение беспечному царедворцу» (III, II, 10), ода «Народ страдает» (III, II, 9):

Народ наш страдает ныне от трудов —
Удел его пусть будет облегчен.
Подай же милость сердцу всей страны,
Чтоб мир снискать для четырех сторон.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб всяк недобрый был предупрежден.
Закрой пути злодеям и ворам —
Небесный ведь не страшен им закон.
Дай мир далеким, к близким добрым будь,
Да укрепится этим царский трон!

Грозное предупреждение о том, что в стране «мира не стало и смута родится», что «всюду лишь горе и пепел заметишь!», звучит в «Оде бесчестным правителям» (III, III, 3).

В «Оде о засухе» (III, III, 4) повествование ведется от имени самого царя. В духе конфуцианского учения он принимает на себя ответственность за страшные несчастья, обрушившиеся на страну и народ. Он считает, что причина всех бед в нем самом, в его неумении править. Впрочем, признание вины имеет скорее условный, оправдательный характер: «Всем духам я моления возношу, жертв не жалея»; «Я жертвы непрестанно возношу, переходя с мольбой из храма в храм»; «У стран земли моля обильный год, я жертвы в срок вознес на алтарях».

Самый суровый приговор выносится преступным сановникам, разорителям народа, в «Оде бесчестным советникам царя» (III, III, 11), завершающей книгу «Великих од».

В «Шицзи» («Исторических записках») Сыма Цяня читаем следующие строки об одах «Шицзина»: «В «Да я» говорится о том, каким образом добродетели великих людей во времена Вэнь-вана и Гун Лю доходили до простого народа; а из «Сяо я» можно узнать, как простые люди через неудачи и успехи достигали вершин. Поэтому хотя слова в этих книгах различны, но в них равно звучит добродетель»¹.

Четвертую часть «Шицзина» составляют «Гимны» («Сун») — сорок древних торжественных и хвалебных храмовых песнопений и культовых гимнов в честь духов, предков и мудрых царей китайской древности. В них содержится перечисление чудесных подвигов и добродетельных поступков древних правителей, царствовавших ванов, особенно основателя Чжоуской династии Вэнь-вана. Тексты насыщены хвалебными эпитетами, сравнениями и олицетворениями, в строки вплетаются торжественные восклицания и молитвенные заклинания.

Произведения этой заключительной части памятника в большинстве своем были сложены придворными стихотворцами в честь «доблести царя Просвещенного» (Вэнь-вана), которому «будем из всех наших сил подражать», в честь его мудрого правления: «Ясны законы царя Просвещенного, вечно да будет блистать!» Гимны воспевали также заслуги его сына, царя Воинственного — У-вана: «Силой и мощью владеет наш предок У-ван; в славе заслуг с ним поспорить никто бы не мог». Среди гимнов и песнопений на другие темы — «Повеление царя надсмотрщикам за полевыми работами» (IV, I, 2), «Приветствие гостям» (IV, II, 3), «Приготовления к жертвоприношению» (IV, III, 7). Выделяются яркие, видимо фольклорного происхождения с позднейшей лите-

¹ Сыма Цянь. Избранное. М., ГИХЛ, 1956, с. 325.

ратурной обработкой, гимны «Урожай» (IV, III, 5) и «Благодарение за урожай» (IV, III, 6). Художественные образы этих двух произведений свидетельствуют о знании конкретных особенностей полевых работ и характерных примет времени разных трудовых процессов, живо, реалистически отображенных здесь поэтическими средствами. Приведем для полноты картины все восемь быстро сменяющихся строф-фрагментов последнего из указанных гимнов.

I

Соху наточим — она и добра и остра:
Ныне на южные пашни собираться пора.

II

Всякого злака посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

III

Вас повидать мы на южные пашни придем,
Круглых корзин и прямых мы с собой принесем,
Мы вас накормим сегодня отборным пшеном.

IV

Шапки бамбуковые вдруг в движенье пришли,
Врезались в землю мотыги, мелькают в пыли,—
Горькие травы повыдернут все из земли.

V

Горькие травы повяли на месте — и вот
Просо метелками пышно и буйно растет.

VI

Режем серпами колосья, пока не темно,
В плотные, плотные груды ссыпая зерно,
В груды высокие, как крепостная стена,
Гребню густому как будто подобна она.
Двери раскрыты у сотен домов для зерна.

VII

Полными хлеба стали в селенье дома:
Дети ликуют, ликует хозяйка сама!

Ныне зарежем мы с черною мордой быка,
Кривы рога его будут и рыжи бока;
В жертву, как прежде бывало, его принесем,
Нашим отцам подражая всегда и во всем.

Заслуживают внимания высказывания ряда филологов и искусствоведов о том, что некоторые гимны «Шицзина» связаны с ритуальными плясками, исполнявшимися во время храмовых обрядов. Обрядовые танцы, как известно, означали, по сути дела, не что иное, как всякого рода заклинания, смысл которых состоял в том, чтобы угодить духам и богам и тем самым добиться хорошего урожая, удачной охоты, отвести засуху или наводнение.

Таким образом, подобные храмовые танцы тесно были связаны с жизнью и трудовыми процессами древних и часто носили религиозный, мистический характер. Божественные силы и духи, которым поклонялись древние китайцы, в действительности олицетворяли собой силы природы с ее загадочными явлениями, непостижимыми тайнами — ветром, дождем, водой, огнем. Люди стали обожествлять эти силы в борьбе со стихиями природы, в стремлении покорить ее могущество, обратить на службу человеку. Интересно отметить, что свидетельством взаимной связи танца и труда в древнем обществе Китая служит старинное начертание иероглифического знака «у» — «танец», «танцевать» в виде фигуры человека, пляшущего с бычьими хвостами в руках. Судя по расшифрованным надписям на предметах старины, в далеком прошлом китайцы исполняли танцы, держа в руках хвост быка или перья птицы, что символизировало успешную добычу и охоту («Песня танцора». I, III, 13).

С народными песнями и плясками связано в своих истоках и театральное искусство Китая. Именно в «Шицзине» содержатся свидетельства существования в Китае в начале II тысячелетия до новой эры обрядовых песенно-плясовых представлений, совершавшихся при исполнении храмовых ритуалов и при жертвоприношениях.

Огромный поэтический опыт, обобщенный в «Шицзине», совершенство художественной формы, подчиненной решению идейных задач, богатство художественно-изобразительных средств сделали этот памятник подлинной академией поэтического мастерства, через которую прошли многочисленные поколения китайских поэтов.

Природа «Шицзина» не только определяет его историко-лите-

ратурную ценность, но вместе с тем ставит ряд теоретических и эстетических проблем, выходящих за пределы этого поэтического памятника и имеющих отношение ко всему кругу произведений данного жанра и к важнейшим явлениям словесного искусства в Китае во всем дальнейшем движении. «Шицзину» на протяжении многих столетий было суждено оказывать огромное воздействие на развитие поэтической мысли и словесного искусства, влиять на литературные вкусы, своеобразие мироощущения.

История сохранила многочисленные высказывания мыслителей и поэтов Китая о поэзии. В большинстве из них утверждается мысль, что поэтическое слово — это слово, рожденное глубокими эмоциями, подлинными движениями души. Филолог и мыслитель средневекового Китая Чжу Си подчеркивал, что «поэзия дает нам возможность выразить нашу волю». Древний ученый Цзянь Вэнь писал: «Поэзия — это мысли и слова. Мыслью называется движение наших дум и сознания. Мысль сохраняется в речи. Когда мысль выражена словами — это поэзия, когда она выражена музыкой — это песня. Стихи и песни имеют единое начало». Памятны слова известного теоретика китайской литературы Лю Се (V в.): «Звук — это тело музыки, душа же музыки — поэзия». В словах «поэзия выражает волю» можно усматривать указание на то, что главным в поэтическом произведении является воля автора, его мысль, побуждения, идейная устремленность. Из этого легко заключить, какое значение в китайскую старину придавали художники слова поэтическому творчеству.

Вопрос о художественной форме памятника заслуживает специального разбора.

Конфуцианские начетчики обычно затемняли и искажали подлинный смысл текстов «Шицзина». Конфуцианское учение о «Шицзине» препятствовало исследованию чисто художественных достоинств памятника. Если сам Конфуций видел в «Шицзине» свод не просто песен с глубоко моральным, дидактическим содержанием, но песен высокохудожественных, то ханьских схоластов конфуцианского толка прежде всего интересовала здесь лишь этическая сторона, и они рассматривали этот памятник как книгу моральных наставлений, а иные даже истолковывали его в духе мистифицированного учения об инь и ян. Были, впрочем, отдельные попытки проанализировать песни, оды и гимны с точки зрения художественных методов их создания. Первая такая попытка была предпринята в «Предисловии к «Шицзину», в «Маоши»¹,

¹ «Маоши» — название древнейшего из трех списков «Шицзина». Вошел в литературу как традиционный текст, который, собственно, только и сохранился до наших дней.

где говорится, в частности, что «Шицзин» построен на шести началах («лю и»). Можно утверждать, что под ними подразумевались, с одной стороны, уже известные нам основные жанры, представленные в «Шицзине», — «фын», «я» и «сун»; с другой стороны, это важнейшие изобразительные средства в языке памятника, использованные безымянными авторами при создании этих жанров — «фу», «би» и «син». Вокруг трех последних на протяжении многих веков велась оживленная полемика, определение сущности изобразительных средств изменялось и оттачивалось. В конце концов под «фу» стали понимать метод прямого, непосредственного, без применения сравнений, описания явлений и предметов, событий и фактов. «Би» — это сравнительный метод, состоящий в сопоставлении предметов и явлений, иначе говоря — сравнение. «Син» объяснялось как заимствование постороннего предмета для того, чтобы повести читающего или слушающего к исходному моменту события, о котором будет сообщено в следующей строке, то есть запев, зачин, риторическая фигура, общепозитическое вступление — распространенный в народном творчестве художественный прием. В песнях «Шицзина» «син» встречается не только в начале стихотворения, но часто и в начале каждой или нескольких составляющих его строф. Примером такого зачина могут служить две первые строки первой песни «Шицзина» — «Встреча невесты» (I, I, 1):

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной,
Селезень с уткой слетелись на остров речной...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой.

Две первые строки песни не связаны непосредственно с содержанием последующих двух строк, но в них есть сравнение или скорее посылка, намек, являющийся образным введением к последующему раскрытию темы. В данном случае утки, олицетворяющие в Китае супружескую верность, наводят читателя на мысль, что далее речь пойдет о супружестве.

Формы и виды риторических фигур в «Шицзине» многообразны, и различна выполняемая ими роль. Безвестные авторы черпали их во множестве из мира живой природы: цветы, деревья, насекомые, птицы, ветер, облака, дождь... В «Песне о невесте» (I, I, 6), например, находим такие строки запева:

Персик прекрасен и нежен весной —
Ярко сверкают, сверкают цветы.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Дом убираешь и горницу ты.

Персик прекрасен и нежен весной —
Будут плоды в изобилие на нем.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Горняцу ты убираешь и дом...

В ста шестидесяти песнях раздела «Гофын» зачин как художественный прием встречается семьдесят два раза!

Риторические фигуры вместе с риторикой и эфонией поэзии «Шицзина» свидетельствуют о том, что создатели песен и од этого памятника мастерски владели всей музыкальной и живописной силой образного языка. И в этом раскрывается мир их эстетических взглядов столь далекой от нас эпохи древнего Китая и вместе с тем так понятной и в наше время. Творцы «Гофына» словно обладали какой-то загадочной силой художественного творчества, вдохновляясь волшебством поэтического гения, который только им и вверял свою музу.

«Шицзин» ценен для нас и тем, что дает определенное представление о системе художественных образов в китайской поэзии и показывает пути становления канонической поэтики классической поэзии. Мерой художественной ценности поэтического произведения является система выразительных средств.

Традиционные символы китайской поэзии, как бы выступая вместо конкретных образов, позволяют художнику обобщать, передавать определенные понятия, намеки, фиксировать личное отношение автора к окружающему миру. Эта поэтика условностей и иносказаний привносит скрытый смысл, создает свой подтекст с переносными значениями, скрытыми сравнениями, а нередко таит в себе связь с явлениями историческими, социальными, бытовыми.

Такова природа образа китайской поэзии. Аллегория, опосредствованное выражение идеи, олицетворение и другие разновидности символики не только придают поэтической речи некую загадочность, привлекательную недосказанность, но и побуждают читателя к своеобразному соучастию, к сотрудничеству, к домыслению того, что намеренно не договорил автор.

Приемы сопоставления, метафоры и народная символика, щедро рассыпанные в песнях и одах «Шицзина», не всегда, однако, легки для понимания и правильного истолкования. Это объясняется, в частности, тем, что представления древних китайцев о живой природе и естественных явлениях отличались от нашего понимания, от современного видения вещей. Сказались здесь и национальное своеобразие, этнографическая специфика, самобытность нравов и обычаев древнего народа. Так, бамбук символизирует стойкость и благородство, лотос и орхидеи олицетворяют

утонченность, духовное сходство, подобное изысканному запаху этих цветов; ветвь дикой сливы — дыхание весны, время исполнения желаний; черепаха — символ долголетия; дракон — гений могущества и добродетели...

Но и этим не ограничиваются средства художественной выразительности, использованные в «Шицзине». Отличительная особенность памятника — четкая ритмическая организация его произведений, которая, в свою очередь, свидетельствует о связи их с песенно-музыкальным фольклором.

Многовековой поэтический опыт китайского народа, предшествовавший появлению «Шицзина», выработал в соответствии с фонетическими особенностями древнего китайского языка, в котором слово имело моносиллабический характер, определенные средства ритмической организации стихотворной речи. Стих «Шицзина» обычно содержит четыре моносиллабических слова (встречаются исключения — три, пять, шесть и семь слов). Ритмическая организация, основанная на определенном количестве односложных слов в стихе, усилена и другими ритмическими элементами — рифмой и цезурой.

Часто и с большим мастерством используется повтор, усиливающий ритмичность строфы. Повторяются с определенной очередностью стихи, части стихов, отдельные слова. Вот как звучит «Песня девушки, собиравшей сливы» (I, II, 9), в которой использован этот ритмообразующий прием:

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.

Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.

Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

Лирическое повествование в «Шицзине» полно простоты и безыскусности, однако простота эта не примитивность, а, наоборот, результат большой художественной культуры, богатой фольклорной традиции, упорного гранения поэтической формы.

В поэтических текстах мы находим сравнения — прямые и отрицательные, а также гиперболы. На художественном преувеличении построена, например, песня «Уйду ли, мой милый, на сбор конопли» (I, VI, 8).

Создатели «Шицзина», следуя фольклорной традиции построения песен, выработали самобытные приемы композиции, которыми пользовались впоследствии поэты других эпох. Стихи «Шицзина» содержат неодинаковое количество строф — от трех до восьми. И строфы насчитывают от двух до тридцати и более строк. Естественно, что композиция произведения тесно связана с его темой и идейным замыслом, с его объемом. Композиционной особенностью некоторых, обычно небольших, в три строфы, песен является изменение мотива в третьей, последней, строфе. Под изменением мотива имеется в виду определенный поворот темы, развитой в двух первых строфах. Такое построение видим мы в песнях «Стебли простерла далеко кругом конопля» (I, I, 2), «Убитая лань на опушке лесной» (I, II, 12), «Северный ветер» (I, III, 16), «Тихая девушка» (I, III, 17), «Новая башня» (I, III, 18). В структуре большинства песен, как правило, отчетливо различимы основные композиционные узлы — начало, изложение, завершение. В песнях, состоящих из пяти строф, основная идея часто заключена в третьей строфе. Так, в той же «Встрече невесты» замысел автора раскрывается именно в третьей, центральной строфе, где говорится о чувствах юноши.

Поэзия «Шицзина» преимущественно поэзия песенная, художественно выраженная действительность в словесно-музыкальных образах. Звуковой рисунок песен особенно важен. Здесь искусство звучания слова органически сопоставлено с песенной мелодией, с ритмической структурой стиха. Поэзия «Шицзина», звучащая непринужденно, без напряжения, содержит в себе следы триединого искусства: стиха, музыки, танца. Мы вправе также говорить о живописи мыслей и чувств. Для жизнеощущения авторов «Книги песен» поэзия прежде всего песня, музыка, гармония. В древнекитайской теории поэтическое и музыкальное начало разделить практически невозможно. Лирические стихи пелись, а гимны, оды исполнялись под музыкальный аккомпанемент. Музыка искони была языком человеческих чувств, и творцы «Шицзина» умело пользовались богатейшей палитрой красок (звуков), создавая свои музыкальные образы. Пение, однако, не есть лишь благозвучие. Оно относится к мысли, воображению, к человеческому духу и обращено к чувству, к сердцу людей. Поэтому песня требует при ее прочтении должной эмоциональной

окраски звука скрытой за ним мыслью и чувством, понимания значимости слов и образов.

В древнекитайском трактате «Юэцзи» («Записки о музыке») Гунсунь Ни-цзы, ученик Конфуция, писал: «Когда чувства внутри вас возбуждены, они проявляются в звуках голоса, и когда эти звуки образуют комбинации, возникает то, что мы называем мелодиями... Музыка возникает из движения души человека... Когда ваши чувства возбуждены под воздействием внешнего мира, вы их выражаете своим голосом, то есть ваш голос должен соответствовать возникшим чувствам».

Автор утверждал, что музыка создается модуляциями голоса, а ее источником является воздействие вещей на душу человека. И шел в своих рассуждениях еще дальше: когда в мире царит порядок, то мелодии спокойны и тем самым выражается радость по поводу гармоничности правления; когда в мире царит беспорядок, то в мелодиях звучит недовольство и тем самым выражается гнев по поводу того, что правление порочно; в государстве, которое гибнет, мелодии печальны, и в них выражаются переживаемые народами трудности. «Таким образом,— заключал Гунсунь Ни-цзы,— существует взаимосвязь между мелодиями песен и характером управления страной». И еще: «Мы должны уметь различать музыку для того, чтобы знать характер правления, и тогда мы полностью овладеем методами поддержания хорошего порядка».

Воззрения эти представляют интерес именно потому, что основаны они главным образом на песенном творчестве «Шицзина», древнейшего поэтического и музыкального памятника.

Музыка в контексте «Шицзина» указывает на то, что она была более чем стихией человеческих чувств, более чем выражением раздумий, печали или лирических настроений. Музыка стала государственным культом и приобрела государственное значение: она служила средством не только постижения, но и воздействия, воздействия на нравы и настроения народа, на управление людьми, удержание их в покорности и смирении. Вывод о взаимной связи между музыкой и образом политического правления имел для конфуцианства существенное значение. Отсюда ясно вытекала необходимость постоянного наблюдения за фольклорным песенно-поэтическим творчеством в целях изучения настроения народа и характера политического правления страной.

«Шицзин» оказал огромное влияние на дальнейшее развитие китайской поэзии. Примечательно, что в китайском языке само

слово «поэт» («шижэнь») этимологически означает «человек ши» или «человек Шицзина». В историю китайской литературы вошли имена многих поэтов, но трудно назвать даже одного из них, который бы прямо или косвенно не испытал на себе влияние «Шицзина». Первые два его раздела стали источником создания «Чуских строф» Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.), его поэмы «Лисао», которая, в свою очередь, оказала воздействие на дальнейшее развитие поэзии в Китае. В танскую эпоху поэт Чэнь Цзыан отмечал, что пятьсот лет художественная литература идет «скверным путем» и поэты не пишут стихов, подобных песням «Шицзина». Позднее Ли Бо сокрушался, что «давно уже не творятся великие оды». Таким образом, двенадцать столетий спустя после оформления «Шицзина» в единый свод стихи его рассматривались выдающимися китайскими поэтами как образец совершенного, содержательного и близкого к жизни художественного творчества. Заметно воздействие древнего памятника и на поэзию позднейших эпох.

Не будет преувеличением сказать, что китайская поэзия в своей основе вышла из «Книги песен и гимнов», что ей в значительной мере обязана она и многообразием своего содержания и совершенством художественной формы. В глубоко органической связи с «Шицзинпом» по сущности и духу отображения и критике действительности находится большинство выдающихся литературных произведений, исполненных народности и социальных мотивов, начиная с «Чуских строф» и песенно-поэтического творчества «Юафу» («Музыкальная палата») периода Ханьской династии.

«Шицзин» раскрывает древнюю эпоху истории китайского народа, быть может, полнее и глубже, чем многие другие работы о китайской античности, и приближает ее к нам в неповторимой поэтической самобытности. Каждое искусство — продукт своего времени. В этом смысле оно неповторимо.

«Шицзин» — литературный памятник, истинно национальный и по духу, и по языку, и по всему строю своих необыкновенных песен и од, и по необычайной широте их содержания, охватывающего быт, нравы, многообразные явления духовной и социальной жизни. Здесь словно бы поворачиваются самоцветы, высвечиваются картины и образы. Здесь раздумья о тяжком человеческом труде, об извечном назначении земледельца и скотовода, рыбака и охотника. Стихотворения этой великой книги не просто перепечатывались на протяжении веков. Ими вдохновлялись, жили ими, видя в них совершенное искусство песен, которое сохранило свою силу, яркость красок, меткость наблюдений, эмоциональную непосредственность.

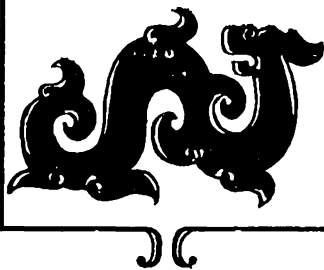
С тех пор как были созданы песни «Шицэива», прошло не одно тысячелетие. Но песни о том далеком времени и людях созвучны были множеству поколений. В известной мере созвучны они и нам, нашим сердцам. Настоящее человечества растет из его прошлого, которое, в свою очередь, обращено к будущему. Речь, конечно, идет не о благоговейно-музейном отношении к классике, к наследию культурного прошлого. Обращение к великому первоисточнику может быть оправдано стремлением использовать его духовную глубину.

И. Федоренко

Гофын

I

НРАВЫ
ЦАРСТВ

I. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖОУ¹ И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

(I, I, 1)

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной,
Селезень с уткой² слетелись на остров речной...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Справа и слева кувшинки, срываю я их...
Тихая, скромная, милая девушка ты.
Спит иль проснется — к невесте стремится жених.

К ней он стремится — ему недоступна она,
Спит иль проснется — душа его думой полна;
Долго тоскует он, долго вздыхает о ней,
Вертится долго на ложе в томленьи без сна.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы.
Справа и слева мы их соберем до конца...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
С цитрой и гусями³ встретим тебя у крыльца.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Мы разберем их, разложим их в дар пред тобой⁴.
Тихая, скромная, милая девушка ты...
Бьем в барабан мы и в колокол — радостный бой.

**СТЕБЛИ ПРОСТЕРЛА ДАЛЕКО
КРУГОМ КОНОПЛЯ**

(I, I, 2)

Стебли простерла далеко кругом конопля,
В самой долине покрыла собою поля.
Вижу густые, густые повсюду листы;
Иволги, вижу, над нею летают, желты.
Иволги вместе слетелись меж частых дерев.
Звонкое пенье несется ко мне сквозь кусты.

Стебли простерла далеко кругом конопля,
В самой долине покрыла собою поля.
Вижу, листва ее всюду густа и пышна,
Срезав, ее отварю — созревает она.
Тонкого, грубого я наткала полотна,
Платьям из ткани домашней останусь верна!

Старшей над нами я все доложила — она
Скажет супругу, что еду в родные края.
Дочиста платье домашнее вымою я.
Будет сполоснута чисто одежда моя.
Только не знаю, какой же наряд полоскать.
Еду проведать отца и родимую мать.

«МЫШИНЫЕ УШКИ»

(I, I, 3)

В поле травы — там «ушки мышиные» рву я,
Но корзины моей не смогла я набрать.
О любимом моем все вздыхаю, тоскую,
И корзину кладу у дороги опять...

Подымаюсь ли вверх по скалистому склону —
Истомились кони и труден подъем.
Я вина наливаю в кувшин золоченый,
Чтобы вечно не думать о милом моем.

Еду ль вверх, по крутым подымаюсь отрогам —
У коней побурели от пота бока.
Наполняю вином тяжкий рог носорога,
Чтобы сердце не ранила больше тоска.

Еду ль на гору я — за горою мой милый,
Но коней обессилила горная даль,
И возница теряет последние силы,
И на сердце такая печаль.

НА ЮГЕ У ДЕРЕВА ДОЛУ
СКЛОНЯЮТСЯ ВЕТВИ

(I, I, 4)

На юге у дерева долу склоняются ветви —
Ползучие травы кругом обвивают его ⁵.
О, радость моя — только он — этот муж
благородства,
Пусть благо и счастье всегда окружают его.

На юге у дерева долу склоняются ветви —
Ползучие травы укрыли так плотно его!
О, радость моя — только он — этот муж благородства,
И верность, и счастье да будут оплотом его.

На юге у дерева долу склоняются ветви —
И травы кругом постепенно обвили его.
О, радость моя — только он — этот муж
благородства!
Пусть благо и счастье навеки возлюбят его.

САРАНЧА

(I, I, 5)

Ты, саранча, распростершая крылья,
Стаей несметной летаешь всюду.
Пусть же всегда у тебя в изобилие
Дети и внуки рождаться будут ⁶.

О саранчи крылатые стаи,
Мерно в полете крылами звените.
Пусть ваши внуки, вечно летая,
Род ваш продлят непрерывной нитью.

Ты, саранча крылатая, всюду
Вместе летаешь сплошную тучей.
Дети и внуки твои да будут
Вечно роиться роем могучим!

ПЕСНЬ О НЕВЕСТЕ

(I, I, 6)

Персик прекрасен и нежен весной —
Ярко сверкают, сверкают цветы.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Дом убираешь и горницу ты.

Персик прекрасен и нежен весной —
Будут плоды в изобилие на нем.
Девушка, в дом ты вступаешь женой,
Горницу ты убираешь и дом.

Персик прекрасен и нежен весной,
Пышен убор его листьев густых.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Учишь порядку домашних своих.

ОХОТНИК

(I, I, 7)

Заячью сеть он искусно расставить сумел,
Колья вбивает — удар за ударом звучит.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Нашему князю он прочная крепость и щит!

Заячью сеть он искусно расставить сумел
В месте, где девять путей разбежались вокруг.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Нашему князю он добрый товарищ и друг.

Заячью сеть он искусно расставить сумел,
Заячья сеть протянулась по чаще лесной.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Сердцем велик он и доблести с князем одной.

ПОДОРОЖНИК

(I, I, 8)

Рву да рву подорожник —
Все срываю его.
Рву да рву подорожник —
Собираю его.

Рву да рву подорожник —
Рву все время его.
Рву да рву подорожник —
Чищу семя его.

Рву да рву подорожник —
Вот в подол набрала.
Рву да рву подорожник —
В подоле понесла.

РЕКА ХАНЬ ШИРОКА

(I, I, 9)

Там, под деревом юга с прямым стволом,
Не укрыться в тени никогда.
Бродит девушка там над рекою Хань —
Недоступна она и горда.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

Я вязанку высокую дров нарубил,
Я добавил терновника к ней.
В дом супруга сегодня вступаешь ты —
Покормлю на дорогу коней.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

Я вязанку высокую дров нарубил,
Чернобыльником крыта она.
В дом супруга сегодня вступаешь — я дам
Лошадям твоим резвым зерна.

Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

ВДОЛЬ ПЛОТИНЫ ИДУ

(I, I, 10)

Вдоль плотины иду я над водами Жу⁷.
Там срезаем мы ветви и рубим стволы.
О супруг мой, давно я не вижу тебя!
И, как голод, страданья мои тяжелы.

Вдоль плотины иду я над водами Жу.
Там я ветви рублю и побегу у пней.
О супруг благородный, я вижу тебя!
Ты вернулся, не бросил подруги своей.

Лец устал — покраснели уж перья хвоста⁸.
Царский дом нас, как зной, истомил неспроста.
Но хотя он томит нас как будто огнем,
Слишком близок к огню наш родительский дом.

ЛИНЬ-ЕДИНОРОГ

(I, I, 11)

Линя стопы милосердья полны⁹ —
То благородные князя сыны.
О линь-единорог!

Как благородно линя чело —
Ныне потомство от князя пошло.
О линь-единорог!

Линь, этот рог у тебя на челе —
Княжеский доблестный род на земле.
О линь-единорог!

II. ПЕСНИ ЦАРСТВА ШАО¹ И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

ВЫЕЗД НЕВЕСТЫ²

(I, II, 1)

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка поселится в нем.
В пути повобрачная, сто колесниц
Встречают ее с торжеством.

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка его займет.
В пути новобрачная, сто колесниц
Ей вслед выступают в поход.

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка займет его.
В пути новобрачная, сто колесниц
Венчают ее торжество.

КУВШИНКИ ИДЕТ СОБИРАТЬ ОНА

(I, II, 2)

Кувшинки идет собирать она,
В пруду их срывает у островков.
Она приготовит свои цветы,
И жертвенник князю будет готов.

Кувшинки идет собирать она
В протоке среди сжатых горами вод.
Она приготовит свои цветы
И в княжеский храм сама принесет.

Она в пакладной прическе стоит,
В храме до света — смиренно молчит.
Неспешно и тихо идет назад:
Вернется она, исполнив обряд.

**ЦИКАДА В ТРАВЕ ЗАЗВЕНИТ,
ЗАПОЕТ
(I, II, 3)**

Цикада в траве зазвонит, запоет,
И прыгнет кузнечик зеленый — сверкнет!
Супруга давно уж не видела я,
И сердце тоскует — скорбит от забот.
Я знаю: лишь только увижу его,
Как боль в моем сердце утихнет — пройдет.

На южную гору взшла я — пора
Там папоротник молодой собирать.
Давно уж супруга не видела я —
Устало уж скорбное сердце страдать.
Я знаю: лишь только увижу его,
Лишь только с дороги я встречу его,
Как в сердце мне радость вернется опять.

На южную гору взшла я, теперь
Там папоротник собираю давно.
Супруга давно уж не видела я,
Поранено сердце — тоскует оно.
Я знаю: лишь только увижу его,
Лишь только с дороги я встречу его,
Как сердце утешится, мира полно.

**ТРАВЫ ВОДЯНОЙ НАБРАЛА
(I, II, 4)**

Травы водяной набрала и полыни
В потоке, бегущем по южной долине.
Прилежно зеленые руппии рвет
У края струящихся медленно вод.

Растения собраны, нужно сложить их
В корзинах прямых и овалом плетенных;
В корзины сложила и будет варить их
В треножниках медных, в котлах плоскодонных.

Для жертвы опа установит все это
Под окнами храма с востока и с юга.
О, кто же блюдет так усердно все это?
То юная, чистая сердцем супруга.

ПАМЯТЬ О ДОБРОМ ПРАВИТЕЛЕ

(I, II, 5)

Пышноветвистая дикая груша растет;
Ты не руби, не ломай ее пышных ветвей —
Шао правитель под ней отдыхал на траве.

Пышноветвистая дикая груша растет;
Листьев не рви, не ломай ее веток рукой —
Шао правитель под нею изведal покой.

Пышноветвистая дикая груша растет;
Ты не ломай ее пышные ветви, не гни —
Шао правитель садился под нею в тени.

ПЕСНЯ НЕВЕСТЫ, ОТВЕРГАЮЩЕЙ ЖЕНИХА

(I, II, 6)

Этой ночью роса увлажнила пути,
Рано ночью возможно ль идти?
Я скажу ему: много росы на пути.

Кто же скажет: у птичек рога не растут?
Воробьи под пробитою кровлей живут.
Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной?
Ты меня призываешь на суд³.
Пусть меня призываешь на суд, говорят,—
Не закончен наш брачный обряд.

Кто же скажет: клыков нет у мыши лесной,
Что прогрызла ограду в саду?
Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной?
Ты меня призываешь к суду⁴.
Что же, пусть ты меня призываешь к суду,—
За тебя все равно не пойду.

**В ШУБАХ ОВЧИНЫХ ИДУТ
ОНИ В РЯД
(I, II, 7)**

В шубах овчинных идут они в ряд...
Шелком пять раз перевит ваш наряд,
Яства отведают от князя домой
Мирно уходят, и радостен взгляд.

Шубы из шкурок барашка новы,
Шелком прострочены белые швы...
С видом довольным из княжьих ворот
Яства отведают выходите вы.

Шелком прошитая шуба добра!
Взгляд благосклонен — ведь кушать пора.
Шелком пять раз ваш наряд перевит —
С княжьего вышли степенно двора.

**ГУЛКО ГРОХОЧЕТ ГРОМ
(I, II, 8)**

Гулко грохочет гром —
Там, от Наньшаня на юг.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Ты отдохнуть не посмел, супруг!
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

Гулко грохочет гром —
Там, где Наньшаня склоны круты.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Но задержаться не смеешь ты.
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

Гулко грохочет гром —
Там, у Наньшаня, внизу.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Дома побыть не посмел в грозу.
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ,
СОБИРАВШЕЙ СЛИВЫ

(I, II, 9)

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.

Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.

Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

ЗВЕЗДЫ

(I, II, 10)

Сколько малых звезд на небосводе!
Ярких — три или пять на весь Восток.
К князю я спешу, лишь ночь приходит...
С князем я — рассвета близок срок...
Звездам дал иное счастье рок.

Много малых звезд на небосводе,
Светит Мао, Шэнь уже видна⁵.
К князю я спешу, лишь ночь приходит,—
Одеяло принесет жена...
Звезд судьба и наша — не одна!

ДЕВУШКА ШЛА К ЖЕНИХУ

(I, II, 11)

Так с Цзяном сольется потока волна...
Та девушка шла к жениху.
С собою нас брать не хотела она,
С собою нас брать не хотела она,
Потом стосковалась одна.

Так воды сливаются за островком...
Та девушка шла к жениху.
С собой ты нас взять не хотела в свой дом⁶,
С собой ты нас взять не хотела в свой дом,
Была ты нам рада потом.

Тэ в Цзян возвращает поток своих вод⁷...
Та девушка шла к жениху.
Она собралась, только нас не берет,
Да жалко ей стало, что нас не берет,
Тоскует теперь и поет.

УБИТАЯ ЛАНЬ НА ОПУШКЕ ЛЕСНОЙ

(I, II, 12)

Убитая лань на опушке лесной,
Осокою белой обвил ты ее.
У девушки думы на сердце весной —
О юный счастливец, пленил ты ее.

В лесу низкорослый дубняк шелестит.
Убитый олень на опушке лежит,
Он белой осокою плотно обвит.
А девичья прелесть, как яшма, блестит.

«Потише, потише, не трогай меня,
Коснуться платка не позволила я,
Не трогай — залает собака моя».

СВАДЬБА ЦАРЕВНЫ

(I, II, 13)

Как дикая вишня густа и пышна,
Одетая ныне в цветочный наряд...
И разве не скромная строгость видна
В строю колесниц этой внучки царя?

Как слива и персик густы и пышны!
Цветы распустились сегодня на них.
То внучка Пин-вана⁸, невеста-краса.
Сын циского князя⁹ — царевны жених.

Что нужно тебе, чтобы рыбу удить?
Из шелковых нитей витая леса!¹⁰
Сын циского князя — царевны жених,
То внучка Пин-вана, невеста-краса.

ЦЗОУ-ЮЙ (БЕЛЫЙ ТИГР) ¹¹

(I, II, 14)

Как пышно разросся камыш над рекой...
Пять вепрей убиты одною стрелой...
Вот, Белый наш тигр, ты охотник какой!

Густой чернобыльник стоит как стена.
Стрела — пятерых поразила одна...
Вот, наш Цзоу-юй, ты охотник какой.

III. ПЕСНИ ЦАРСТВА БЭЙ '

ПЕСНЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕНЫ

(I, III, 1)

I

Так кипарисовый челн уплывает легко —
Он по теченью один уплывет далеко!
Вся я в тревоге и ночью заснуть не могу,
Словно объята тяжелою тайной тоской, —
Не оттого, что вина не нашлось у меня
Или в забавах найти б не сумела покой.

II

Сердце — не зеркало, всей не раскроет оно
Скорби моей, что таится в его глубине.
К братьям пойти? Но и братья родные мои
Быть не сумеют надежной опорой мне!
Как я пойду им поведать печали одни,
Зная, что встречу у них лишь неправедный гнев?

III

Сердце мое — ведь не камень, что к почве прилип,
Сердце мое ведь не скатишь, как камень с холма!
Сердце мое — не вплетенный в циновку тростник,
Сердце мое не свернуть, как циновки в домах!
Вид величав мой, поступки разумны всегда —
В чем упрекнуть меня можно? Не знаю сама.

IV

Сердце мое безутешной печали полно.
Толпы наложниц меня ненавидят давно!
Много теперь я познала скорбей и обид.
Сколько мне тягостных бед испытать суждено!
Думы об этом в глубоком молчанье таю.
Встану и в грудь себя быю — не заснуть все равно,

V

Солнце на небе, и месяц по небу поплыл —
Мрак, почему не луну ты, а солнце сокрыл?
Точно нечистой одеждой, тоской облеклось
Сердце мое, и печаль мою сбросить нет сил.
Думы об этом в глубоком молчанье таю,
Птицей бы я улетела, да не дано крыл!

ОДЕЖДА ЗЕЛЕННОГО ЦВЕТА

(I, III, 2)

Одежда на вас зеленого цвета,
Вы желтый мой шелк для подкладки избрали².
Печаль моего одинокого сердца —
О, где же конец постоянной печали?

Супруг мой, одежду зеленого цвета
На желтой сорочке вы носите всюду.
Печаль моего одинокого сердца —
О, как же тоску и печаль позабуду?

Одежды — зелеными были шелками,
Шелка для одежд выбирали вы сами.
Я, древних людей вспоминая, стараюсь
Беречься, виновной не быть перед вами.

Я в холст облакаюсь то в тонкий, то в грубый,
Мне в стужу согреться под ним не под силу.
Я, древних людей вспоминая, стараюсь
Вновь бодрость обрести в своем сердце унылом.

ТО ЛАСТОЧКИ

(I, III, 3)

I

То ласточки, вижу, над нами летают кругом,
Их крылья неровные, вижу, мелькают вдали.
Навеки она возвращается ныне в свой дом!..
Ее провожаю до края родимой земли.
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
И слезы мои, избыльны, как дождь, потекли³.

II

То ласточки, вижу, над нами летают кругом...
То падают вниз, то взлетают опять в вышину.
Навеки она возвращается ныне в свой дом...
Далеко ее провожаю в родную страну!
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
Стою неподвижно, и слезы струятся опять.

III

То ласточки, вижу, над нами летают кругом,
Их крики то ниже, то к небу поднимутся вдруг...
Навеки она возвращается ныне в свой дом,
Далеко, далеко ее провожаю на юг...
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
И сердце мое преисполнено боли и мук.

IV

Правдива душою была она, Чжун-госпожа,
Была беспредельною сердца ее глубина.
Всегда благородной душою тепла и добра,
Была непорочной, к себе была строгой она,
И памятью князя, покойного мужа, всегда
Бодрила подругу, что доблестью сердца бедна!⁴

ПЕСНЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕНЫ

(I, III, 4)

Солнце и месяц, вы свет земле
Шлете, плывя в вышине!
Древних заветы забыл супруг,
Стал он суров к жене.
Или смирить он себя не мог —
Взор свой склонить ко мне?

Солнце и месяц, не вы ль с высот
Льете на землю свет?
О, почему же любви ко мне
В сердце супруга нет?
Или смирит он себя? Найдет
Чувство мое ответ?

Солнце и месяц, радует нас
Вашим восходом восток!
Слава худая идет о том,
Что муж мой со мной жесток.
Если бы смог он себя смирить,
Забыть меня разве бы мог?

Солнце и месяц, с востока вы
Всходите день за днем!
Мать и отец! Ведь вам меня
Не прокормить вдвоем.
Разве он может смирить себя?
Отклик найду ли в нем?

ВЕТЕР ВСЕ ДУЕТ...

(I, III, 5)

Ветер все дует... Он и порывист и дик.
Взглянешь порою и мне улыбнешься на миг.
Смех твой надменен, без меры насмешлив язык!
Скорбью мне смех твой в самое сердце проник.

Ветер все дует, клубится песок в вышине...
Нежен порою, прийти обещаешь ко мне;
Только обманешь, ко мне ты забудешь прийти! —
Думы мои бесконечно летят в тишине.

Ветер все дует — по небу плывут облака,
День не истек, все плывут и плывут облака.
Глаз не сомкнуть мне — я ночью заснуть не могу.
Думы и вздохи о нем, и на сердце тоска.

В тучах все небо, нависшие тучи черны,
Глухо рокочет, гремит нарастающий гром...
Глаз не сомкнуть мне, я ночью заснуть не могу —
Все мои помыслы, все мои думы — о нем!

ЛИШЬ БАРАБАН БОЛЬШОЙ
УСЛЫХАЛ
(I, III, 6)

Лишь барабан большой услышал —
Сразу вскочил, оружие взял.
Рвы там копают в родной земле,
В Цао⁵ возводят высокий вал.

К югу идем мы за рядом ряд,
Сунь благородный ведет солдат,
Мир уже с царствами Чэнь и Сун⁶ —
Все ж не хотят нас вести назад!

Горе сердца сжимает нам.
Здесь отдохнем, остановимся там...
Вот распустили коней своих,
Будем их долго искать по лесам.

Жизнь или смерть нам разлука несет,
Слово мы дали, собираясь в поход.
Думал, что, руку сжимая твою,
Встречу с тобой я старость мою.

Горько мне, горько в разлуке с тобой,
Знаю: назад не вернусь я живой.
Горько, что клятву свою берегу,
Только исполнить ее не могу.

**ПЕСНЬ О СЫНОВЬЯХ,
КОТОРЫЕ НЕ СУМЕЛИ ПОКОИТЬ
СТАРОСТЬ МАТЕРИ**

(I, III, 7)

Южного ветра живительный ток
Веет, лелея жужуба росток.
Стали красивы и нежны ростки —
Высохла мать от забот и тоски.

Южного ветра живителен ток,
Вырос жужуб, теплым ветром согрет.
Ты, наша мать, и мудра и добра,
Добрых детей у тебя только нет!

В местности Сюнь есть источник один —
Много несет он студеной воды.
Семь сыновей нас, а мать и теперь
Тяжесть несет и труда и нужды.

Иволга блещет своей красотой,
Тонкие трели выводит вдали.
Семь сыновей нас у матери, мы
Дать ее сердцу покой не смогли!

**КАК ПЕСТРЫЙ ФАЗАН
ДАЛЕКО УЛЕТАЕТ**

(I, III, 8)

Как пестрый фазан далеко улетает —
Медлителен крыл его плавный полет.
Супруг благородный, всем сердцем любимый,
Не он ли мне горе разлуки несет?

Фазаний самец далеко улетает,
Крик слышен то снизу, то вдруг с высоты...
Не сам ли, супруг благородный, любимый,
Мне сердце наполнил страданием ты?

Взгляну ли на солнце, взгляну ли на месяц⁷,
Все думы мои лишь о нем, лишь о нем!..
Но в путь он собрался, я знаю, далекий.
Когда же он снова вернется в свой дом?

Да кто ж из людей благородных не знает,
Что доблестен муж мой в поступках и строг?
Нет алчности в нем, нет завистливой злобы!
Недоброе сделать он разве бы мог?

У ТЫКВЫ ЗЕЛЕННЫЕ ЛИСТЬЯ
ГОРЬКИ...

(I, III, 9)

У тыквы зеленые листья горьки...
Вот брод — переход через воды реки.
Глубок — я в одеждах пройду по нему,
А мелок — край платья тогда подниму.

Поток набухает, разлиться готов;
Фазаночки слышу настойчивый зов.
Колес не покроет разлив этих вод...
Фазаночка милого долго зовет.

Лишь солнце взойдет поутру горячей,
Согласные слышатся крики гусей.
В дом мужа уходит невеста, пока
Еще не растаял весь лед от лучей.

Зовет перевозчик меня на беду!
Все в лодку садятся, а я не иду...
Все в лодку садятся, а я не иду...
Я друга желанного жду!

ПЕСНЬ ОСТАВЛЕННОЙ ЖЕНЫ

(I, III, 10)

I

Ветер с восточной подул стороны,
Дождь благодатный принес, пролетев...
Сердцем, в согласии жить мы должны,
Чтоб не рождались ни злоба, ни гнев.

Репу и редьку мы рвали вдвоем —
Бросишь ли репу с плохим корешком?..⁸
Имя свое не порочила я,
Думала: вместе с тобою умрем.

II

Тихо иду по дороге... Гляди,
Гнев и печаль я сокрыла в груди.
Недалеко ты со мною прошел,
Лишь до порога меня проводил.
Горьким растет, говорят, молочай —
Стал он мне слаще пастушьей травы!⁹
Будто бы братья, друг другу верны,
С новой женою пируете вы!

III

Мутною кажется Цзин перед Вэй,
Там лишь, где мель, ее воды чисты.¹⁰
С новой женою пируете вы,
Видно, нечистою счел меня ты?
Пусть на запруду не ходит она
Ставить из прутьев бамбуковых сеть...
Брошена я, что же будет со мной? —
Некому стало меня пожалеть!

IV

Если поток и широк, и глубок —
К берегу вынесут лодка иль плот;
Если же мелок и узок поток —
Путник легко по воде побредет...¹¹
Был и достаток у нас, и нужда,
Много я знала трудов и забот.
Я на коленях служила больным
В дни, когда смерть забирала народ.

V

Нежить меня и любить ты не смог,
Стал, как с врагом, ты со мною жесток.
Славу мою опорочил, и вот —
Я, как товар, не распроданный в срок.
Прежде была мне лишь бедность страшна,
Гибель, казалось, несет нам она...
Сызмальства в доме твоём возвращена,
Стала отравой для мужа жена.

VI

Как он велик, мой запас овощей!
Зимней порой защитит от беды.
С новой женою пируете вы —
Я лишь защитой была от нужды.
Грубый со мною да гневный такой,
Дашь мне заботы, одаришь тоской.
Или забыл ты, что было давно?
Что лишь со мною обрел ты покой?

**ЗАЧЕМ, О ЗАЧЕМ МЫ НИЧТОЖНЫ,
БЕДНЫ
(I, III, 11)**

Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны
Вдали от родимой своей стороны?
Иль здесь не для вас собрались мы, о князь,
Где едкая сырость и жидкая грязь? ¹²

Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны
Вдали от родимой своей стороны,
Назад не идем? Из-за вас без вины
В росе и грязи мы здесь мерзнуть должны!

ВЗРОСЛА КОНОПЛЯ
НАД ПОЛОГИМ ХОЛМОМ

(I, III, 12)

Взросла конопля над пологим холмом,
Уж стелются юркие стебли кругом.
О старшие родичи наши, увь,
Прошло столько дней, мы всё помощи ждем!

Зачем же в поход не собирается рать,
Иль, может быть, помощи надобно ждать?
Так долго зачем не выходит она?
О, верно, тому быть причина должна!

Из лис наши шубы сносились не в срок.
Иль шли колесницы не к вам на восток? ¹³
О старшие родичи наши, от вас
Сочувствия нет, ваш обычай жесток.

Остатки, осколки мы рати былой —
В скитаньях не знаем приюта себе.
Улыбчивы, старшие родичи, вы,
Однако не внемлете нашей мольбе.

ПЕСНЬ ТАНЦОРА

(I, III, 13)

Я плясать всегда готов
Так свободно и легко...
Над высокою площадкой
Солнце в полдень высоко.

Рост могучий, я — танцор,
Выхожу на княжий двор...
Силой — тигр, берет рука
Вожжи — мягкие шелка.

Вот я в руки флейту взял
И перо фазанье сжал,
Красен стал, как от румян, —
Князь мне чару выпить дал.

На горе орех растет
И лакрица средь болот...
Думы все мои о ком?
Там, на западе, есть дом,
В нем красавица живет —
Там, на западе, живет!

**ПЕСНЬ ЖЕНЫ ОБ ОСТАВЛЕННОМ
РОДНОМ ДОМЕ ¹⁴**

(I, III, 14)

Поток выбегает к далекому Ци ¹⁵.
Стремится волна за волной.
Так сердце, тоскуя о Вэй, что ни день
Исполнено думой одной.
Прекрасные милые сестры, под стать
Нам дружный совет меж собою держать.

Нам в Ци по дороге пришлось ночевать
И чару прощальную в Ни выпивать... ¹⁶
Коль девушка замуж выходит, она
Отца оставляет, и братьев, и мать.
Теперь бы я теток увидеть могла
И с старшей сестрой повидаться опять!

В пути ночевать мы остались бы в Гань,
Распили бы чару прощальную в Янь, ¹⁷
Мы б смазали медь на концах у осей,
Чтоб шли колесницы обратно живей,
Мы б скоро домчались обратно до Вэй —
Коль зла не боялись для чести своей!

Одна Фэйцюань в моих думах — река,
Ей вечные вздохи мои и тоска.
Там помню я Цао и Скуй ¹⁸ города —
К ним сердце в печали стремилось всегда.
Коней бы запрячь мне и мчаться туда,
Чтоб скорбь разлилась, как из чаши вода!

ВЫШЕЛ Я ИЗ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

(I, III, 15)

Вышел я из северных ворот,
В сердце боль от скорби и забот.
Беден я, нужда меня гнетет —
Никому неведом этот гнет!
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой.
Что скажу, коль это жребий мой?

Службой царскою гнетут меня,
Многие дела томят меня,
А приду к себе домой — опять
Все наперебой корят меня.
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой.
Что скажу, коль это жребий мой?

Службы царской гнет назначен мне,
Он все больше давит плечи мне,
А приду к себе домой — опять,
Кто из близких не перечит мне?
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой.
Что скажу, коль это жребий мой?

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

(I, III, 16)

Северный ветер дыханьем пахнул ледяным,
Снежные хлопья упали покровом густым...
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — вместе отсюда бежим.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Северный ветер... Пронзительный слышится вой —
Снежные хлопья летят над моей головой.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — в путь мы отправимся свой.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Край этот страшный — рыжих лисиц сторона.
Признак злоедей — воронов стая черна.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — у нас колесница одна!
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

ТИХАЯ ДЕВУШКА

(I, III, 17)

Тихая девушка так хороша и нежна!
Там, под стеною, меня ожидает она.
Крепко люблю я, но к ней подойти не могу;
Чешешь затылок, а робость, как прежде, сильна.

Тихая девушка так хороша и мила!
Красный гуань¹⁹ в подарок она принесла.
Красный гуань сверкает, как будто в огне;
Как полюбилась краса этой девушки мне.

С пастбища свежие травы она принесла.
Как хороши и красивы побеги травы!
Только вы, травы, красивы не сами собой —
Тем, что красавицей милой подарены вы!

НОВАЯ БАШНЯ

(I, III, 18)

Светла эта новая башня, ярка,
Под ней полноводная плещет река...
Ты к милому мужу стремилась — и вот
Больного водянойкой нашла старика.

Там новая башня чистейшей стеной
Над ровною высится гладью речной...
Ты к милому мужу стремилась, тебе
Старик стал супругом — опухший, больной!

Для рыбы речная поставлена сеть,
Да серого гуся поймала она...
Ты к милому мужу стремилась — и вот
В супруги больного взяла горбуна!

ДВОЕ ДЕТЕЙ САДЯТСЯ В ЛОДКУ

(I, III, 19)

Двое детей садятся в лодку простую,
Тени, я вижу, на глади колеблются вод,
Думаю только о детях, тянусь к ним душою,
В сердце сомненье, в сердце тревога растет.

Двое детей садятся в лодку простую,
Лодка, колеблясь, уходит по глади воды.
Думаю только о детях, тянусь к ним душою,
В сердце тревога: не было б с ними беды.

IV. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЮН¹

КИПАРИСОВЫЙ ЧЕЛНОК

(I, IV, 1)

Кипарисовый этот челнок унесло,
И плывет он средь глади речной...
Ниспадали две пряди ему на чело,
Был он муж мне, и клятва осталась со мной:
Я другому до смерти не буду женой.
Ты, о мать моя, вы, небеса в вышине,
Отчего вы не верите мне?

Кипарисовый этот челнок унесло
Вдоль по краю реки, без весла...
Ниспадали две пряди ему на чело,
Он единственный мой был, я клятву дала,
Что до смерти не сделаю зла.²
Ты, о мать моя, вы, небеса в вышине,
Отчего вы не верите мне?

ЧЕРТОПОЛОХ

(I, IV, 2)

Так по стене чертополох пополз —
Не справится с колючками метла.
Что о гареме нашем говорят —
Я никому поведать не могла.
Когда б о том поведать я могла —
Как много было б и стыда и зла!

Так по стене чертополох пополз,
Что и не вырвешь, заросла стена.
Есть про покои женские молва —
Ее передавать я не должна.
О, если все я передать должна —
Я знаю, будет речь моя длинна.

Так по стене чертополох пополз —
Его колючки не связать в пучок.
Что про покои наши говорят —
Никто из нас пересказать не мог.
Когда б об этом ты проведать мог,—
О стыд! — тогда бы был твой суд жесток!

**С СУПРУГОМ ВМЕСТЕ
ВСТРЕТИШЬ СТАРОСТЬ ТЫ**

(I, IV, 3)

С супругом вместе встретишь старость ты...
В подвесках к шпилькам яшмы белизна,
В наколке ты — спокойна и стройна,
Как горный пик ты, как река плавна.
В наряд узорный ты облачена.
Но если в сердце нет добра — зачем
В наряды облачается жена?

Он ярко блещет — пышный твой наряд,
Фазанами распитый, расписной!
И словно туча чернь твоих волос —
В прическе нет ни пряди накладной,
И яшмовые серьги у тебя,
Слоновой кости гребень твой резной,
Твое чело сияет белизной.
И кажется: с небес явилась ты,
И кажется: вот дух передо мной!

И ярко-ярко, точно яшмы блеск,
Твои одежды пышные горят,
Сорочку тонкую из конопли
Обтягивает плотно твой наряд.

И вижу я, как твой прекрасен лоб,
Округлены виски и ясен взгляд.
О, эта женщина! Подобной ей
Красы в стране нет больше, говорят.

В ТУТАХ
(I, IV, 4)

Вот иду собирать я повилику-траву,
На полях, что за Мэй³, повилики нарву.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Ах, прекрасною Цзян ту подругу зову.
Цзян меня поджидает в роще тутов одна,
Цзян в Шангуне сегодня встретить друга должна,
Цзян, меня ты проводишь над рекою — над Ци!

Время сбора пшеницы, ухожу я за ней —
Я ее собираю там, на север от Мэй.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Ах, прекрасная И — имя милой моей.
И меня поджидает в роще тутов одна,
И в Шангуне сегодня встретить друга должна,
И, меня ты проводишь над рекою — над Ци.

Репу рвать выхожу я, репа нынче крупна —
Там, от Мэй на восток, созревает она.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Юн красавицу эту называют у нас!
Юн меня поджидает в роще тутов одна,
Юн в Шангуне сегодня встретить друга должна,
Юн, меня ты проводишь над рекою — над Ци!

ЧЕТОЙ ПЕРЕПЕЛКИ КРУЖАТ
У ГНЕЗДА
(I, IV, 5)

Четой перепелки кружат у гнезда;
Четою повсюду сороки кружат.
Недобрый он был человек, говорят,
А мной почитался как старший мой брат.

Четою повсюду сороки кружат,
Четой перепелки кружат у гнезда,
Недобрый он был человек, говорят,
Его господином считал я всегда.

СОЗВЕЗДИЕ ДИН ВЫСОКО НАКОНЕЦ⁴

(I, IV, 6)

Созвездие Дин высоко наконец,
Он в Чу воздвигать начинает дворец.
По солнцу, по тени размерил шестом
Пространство и чуский он выстроил дом.
Орех и каштан посадил он кругом,
И тис, и сумах, и катальпу над рвом —
На цитры и гусли их срубят потом.

Поднялся на древний разрушенный вал
И чуские земли кругом озирал.
Он долго взирал и на Чу, и на Тан⁵,
Он смерил и тень от горы, и курган,
Тутовник осматривать в чуский свой стан
Сошел... На щите черепахи гадал⁶,
И добрый ответ был властителю дан!

Дожди благодатные пали с весны —
Приказ дал вознице властитель страны
Коней на звезде заревой запрягать:
В поля надо ехать, где туты видны.
Не прям ли душою властитель страны? —
В нем помыслы все глубоки и ясны.
Прекрасны большие его табуны!

РАДУГА

(I, IV, 7)

Радуга встала в небе с востока —
Никто не смеет рукой указать...⁷
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и отца, и мать.

Радуга утром на западе всходит —
Будет все утро дождь без конца.
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и мать, и отца.

Брака с любимым желает дева!
Видишь: в слиянье с солнцем вода,
Не знаешь ни воли небесной, ни гнева
И, верно, совсем не знаешь стыда!

ТЫ НА КРЫСУ ВЗГЛЯНИ...

(I, IV, 8)

Ты на крысу взгляни — щеголяет кожей,
А в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей!
Коль в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей,
Почему не умрешь ты, на людей не похожий?

Посмотри ты на крысу — у нее есть зубы,
А ведь ты человек без удержу, грубый,
Если ты человек без удержу, грубый,
Чего ждешь, кроме смерти? Что тебе любо?

Посмотри-ка: все слажено в теле крысином.
Ты — не знаешь обряда и не славен ты чином.
Коль ни чина нет у тебя, ни обряда,
Что же, ранняя смерть для тебя — не награда?

ВСТРЕЧА ЗНАТНОГО ГОСТЯ

(I, IV, 9)

Высоко-высоко вознеслись бунчуки —
За Сюнь, за селеньем полки далеки...
Шнуры были белого шелка у них,
Добры были кони в четверках у них.
Со свитой приехал прекрасный наш гость,
Какими дарами встречаем мы их?

И сокол подвially на ткани знамен,
То в наших селеньях он был вознесен!
Шнурами повиты знамена у них,
И кони в пятерках могучи у них.
Со свитой приехал прекрасный наш гость,
Какими встречаем подарками их?

И в перьях цветных в высоте засверкал
Их знак, лишь взошли колесницы на вал.
На знаке белели шнуры — для него,
Их кони в шестерках добры — для него.
Со свитой приехал прекрасный наш гость.
О чем же рассказы пойдут у него?

МЧАЛАСЬ УТЕШИТЬ ⁸

(I, IV, 10)

I

Мчалась утешить, коней подгоняла бичом,
К вэйскому князю спешила в родимый свой дом.
Лошади вскачь, но дорога княгини длинна —
Города Цао достичь не сумеет она.
Скачет чрез реки и степи вельможа за ней —
Он догоняет, и грудь ее болью полна!

II

Думы мои не считаете добрыми вы —
Я не могу возвратиться в родимое Вэй.
Вижу сама, как меня осуждаете вы, —
Думы мои не избуду в печали моей.
Думы мои не считаете добрыми вы —
Мне не вернуться чрез реки из скойской земли.
Вижу сама, как меня осуждаете вы,
Только вы думы мои оборвать не смогли!

III

Вот поднялась я на этот обрывистый холм,
Царских кудрей, чтоб рассеять печаль, набрала⁹.
Много желаний в женской тaitся груди —
Если б я эти желанья исполнить могла!
В княжестве Сую мой народ осуждает меня —
Все вы, как дети, безумны от гнева и зла!

IV

Едет назад меж полей колесница моя,
Вижу, как пышно желтеет пшеница кругом.
Помощь мне надо искать у сильнейшей страны¹⁰,
Кто мне опора, найду я прибежище в ком?
Вы, о вельможи! И вы, благородства мужи!
Не осуждайте напрасно княгини своей.
Много советов, я знаю, у вас, но для Вэй
Лучше их всех исполнение воли моей!

V. ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ¹

У МЕНЯ ЕСТЬ МИЛЫЙ

(I, V, 1)

I

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци, --
Что так пышно одеты бамбуком зеленым, густым.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Словно рог он резной, что обточен искусным резцом,
Как нефрит ограненный, до блеска натертый песком!
Величав он собою, степенен и важен на вид,
Он достоинства строгого полон и нравом открыт.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня.
Мне его не забыть, он вовеки не будет забыт!

II

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци!
Бирюзово-зеленый бамбук отразила вода.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Два прекрасных нефрита в ушах его блещут всегда
И расшитая яшмою шапка его, как звезда!
Он степенен и важен, собой величав он на вид,
И достоинства строгого полон, и нравом открыт.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня,
Мне его не забыть, он вовеки не будет забыт!

III

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци!
Как на ложе диновка, густеет зеленый бамбук.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Словно золото чист, будто олово светел мой друг,

Как нефритовый жезл он, как княжеский яшмовый

круг! ²

Сколь душою широк он, как сердцем безмерно велик!
Он стоять в колеснице с двойною опорой привык ³.

Посмеяться умеет — он шутки искусство постиг, —
Но жестоким и грубым его не бывает язык.

ТАМ РАДОСТЬ ЯВИЛАСЬ...

(I, V, 2)

Там радость явилась — в долине, где плещет поток...

О, как величав ты и как ты душою широк!

Ты спишь иль проснешься, но все ж без меня одинок.

Клянись: никогда бы забыть эту радость не мог!

Там радость явилась, где холм возвышался большой.

О, как величав ты с твоею широкой душой!

Ты спишь иль проснешься — один ты, так песню запоёшь,

Клянись же, что грешен не станешь ты передо мной.

Там радость одна для двоих, где высокая гладь...

О, как величав ты! Твоей ли души не узнать?

Ты спишь иль проснешься один — засыпаешь опять,

Клянись! Никому ты об этом не вправе сказать!

ТЫ ВЕЛИЧАВА СОБОЙ ⁴

(I, V, 3)

I

Ты величава собой, высока и стройна,

Виден узорный наряд под одеждою из полотна.

О новобрачная, циского князя ты дочь,

Нашему вэйскому князю теперь ты жена.

Брат твой отныне в покоях восточных дворца ⁵,

Ты повелителю Сина в супруги дана ⁶.

Ташский правитель — твой шурин теперь,

о княжна! ⁷

II

Пальцы — как стебли травы, что бела и нежна...
Кожа — как жир затвердевший, белеет она!
Шея — как тело червя древоточца, длинна,
Зубы твои — это в тыкке рядом семена.
Лоб — от цикады, от бабочки — брови... Княжна!
О, как улыбки твои хороши и тонки,
Светят-сверкают в глазах твоих нежных зрачки.

III

Ты высока, величавой полна красоты!
Стала на отдых меж нив за предместьями ты;
Копи в четверках сильны, удила их свиты
В пышно-красивые красного шелка жгуты,
В перьях фазаньих стоят над повозкой щиты⁸,
Близок твой поезд. Вельможи! Спешите домой⁹ —
Пусть не томится наш князь ожиданьем пустым.

IV

В княжестве Ци сколь водой изобильна Река¹⁰,
Резво струится она и на север течет...
С плеском там сети забросят, бывало,— и вот
Стая в сетях осетровая рвется и бьет...
Пышен тростник у зеленого берега вод.
Сестры готовы к походу. Богат их наряд.
Грозен у воинов, вас провожающих, взгляд.

ТЫ ЮНОШЕЙ ПРОСТЫМ ПРИШЕЛ ВЕСНОЙ

(I, V, 4)

I

Ты юношей простым пришел весной,
Ты пряжу выменял на шелк цветной.
Не пряжу ты менял на шелк цветной,
Ты к нам пришел увидеться со мной.

Чрез Ци ¹¹ с тобой я шла в весенний зной,
Пришла в Дуньцю — назад идти одной!
Отложен срок — не я тому виной,
Не слал ты сватов вовремя за мной,
Так не сердись же, милый, на меня —
Срок будет осенью — не я виной...

II

Взойду ль на обветшалый палисад,
Спешишь ли ты обратно — брошу взгляд...
Когда тебя мой не встречает взгляд —
Потоки слез глаза мои струят.
Но лишь тебя поймает жадный взгляд —
Звучит мой смех и губы говорят:
«Ты на щите и тростнике гадал ¹² —
Несчастья нам не будет, говорят.
В повозке за приданым приезжай —
Меня с собою увезешь назад».

III

В листве зеленой — как наряжен тут,
Пока листья его не опадут!
Но ягодой его, голубка, ты
Не лакомясь, хоть ягода сладка ¹³.
Будь осторожна, девушка, и ты:
Не принимай ты ласки от дружка!
Коль завелась утеха у дружка,
О ней он все же может рассказать...
А девушке про милого дружка
На свете никому нельзя сказать!

IV

Но высохнут тутовника листья,
На землю свалятся они, желты.
В твой дом ушла я — и три года там
С тобой вкушала горечь нищеты!
Разлились воды Ци, шумит волна,
Моей повозки занавесь влажна...

Три года я была тебе верна,
Твой путь иной, я брошена, одна!
Ты, господин, женою пренебрег —
Менялся часто, лгал как только мог.

V

Три года я была женой, в дому
Я счета не вела своим трудам;
Едва заснув, вставала на заре
И — день-деньской нет отдыха ногам.
Блюла я клятву — кто виновен в том,
Что ты со мною стал жестоким сам?
Не знают братья всей моей беды:
Вернуться к ним? Насмешки встречу там.
Одной терзаюсь думой и — молчу.
Себя жалею, волю дав слезам.

VI

Состарились с тобою мы, а ты
Мне в старости наполнил сердце злом!
Так Ци сжимают берега кругом,
Так сушей сжат в низине водоем¹⁴.
Я помню: волосы сплела узлом¹⁵,
Беседовали мы, смеясь, вдвоем...
Быть верным клятву дал ты ясным днем!
Ты обманул... Могла ли знать о том?
И в мыслях не держала я, поверь!
Что делать мне? Всему конец теперь.

ТОСКА ЖЕНЩИНЫ, ВЫДАННОЙ В ЧУЖУЮ СТОРОНУ

(I, V, 5)

Длинен и тонок бамбук уды —
Рыбу ты удишь на Ци реке.
Мысли тоскливые — лишь о тебе.
Мне не прийти — я одна вдалеке.

Слева течет там Цюаньюань,
Справа там воды Ци без конца...
Девушка в дом уйдет к жениху,
Братьев покинет, и мать, и отца.

Справа там воды Ци, левой
Воды Цюаньюань¹⁶ струит...
Яшмой улыбка моя блестит,
Выйду — о пояс звенит нефрит.

Там воды Ци текут плавней,
Знаю: сосновый челн на ней,
Весла из кедра... Запрячь ли коней,
Горечь развеять тоски моей?

**ПЕСНЬ ОБ ОТРОКЕ,
УКРАСИВШЕМ СЕБЯ ПОЯСОМ ЗРЕЛОГО МУЖА
(I, V, 6)**

Горькая тыква стебли простерла весной...
Отрок свой пояс украсил иглой костяной¹⁷...
Пусть он свой пояс украсил иглой костяной —
Разве он мудростью может равняться со мной?
Поясом зрелого мужа бахвалится он,
Кисти повисли на поясе с разных сторон.

Листья простершая тыква мала и горька...
Отрок на пояс привесил наперстье стрелка...
Пусть он на пояс повесил наперстье стрелка,
Разве с моею сравнится искусством рука?
Поясом зрелого мужа бахвалится он,
Кисти повисли на поясе с разных сторон.

**СКОРЬБЬ МАТЕРИ, РАЗЛУЧЕННОЙ
С СЫНОМ¹⁸
(I, V, 7)**

Кто скажет теперь, что река эта, Хэ¹⁹, широка?
Ее и с тростинкой бы легкой я переплыла.
Кто скажет теперь, что земля эта, Сун, далека?
Привстав на носки, я глазами б ту землю нашла.

Кто скажет теперь, что река эта, Хэ, широка?
Вместить не могла даже малую лодку вода!
Кто скажет теперь, что земля эта, Сун, далека?
Я меньше чем в утро одно добежала б туда!

**ТОСКА О МУЖЕ,
ПОСЛАННОМ В ПОХОД**

(I, V, 8)

Грозен и смел мой супруг на войне,
Всех он прекрасней и лучше в стране.
Палицу сжал он и мчится вперед
Прежде всех царских других воевод.

Муж на востоке... Развился с тех пор
Пухом летучим прически убор...
Голову нечем ли мне умастить?
Чей красотою порадую взор?

Часто мы просим у неба дождя —
Солнце ж все ярче блестит в синеве.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь,
В сердце усталость и боль в голове!

Где бы добыть мне забвенья траву?
Я посажу ее к северу, в тень.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь.
Сердце тоскует больней что ни день.

РЫЩЕТ, ИЩЕТ ПОДРУГУ ЛИС

(I, V, 9)

Рыщет, ищет подругу лис
Там, где над Ци есть гать.
Сердце болит, что негде вам
Одежду исподнюю взять! ²⁰

Рыщет, ищет подругу лис,
Где через Ци есть брод...
Сердце болит, никто для вас
Пояса не найдет!

Рыщет, ищет подругу лис —
Видел по берегу след...
Сердце мое болит — у вас
Даже одежды нет!

МНЕ ТЫ В ПОДАРОК ПРИНЕС ПЛОД АЙВЫ

(I, V, 10)

Мне ты в подарок принес плод айвы ароматный,
Яшмой прекрасною был мой подарок обратный.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.

Мне ты в подарок принес этот персик, мой милый!
Я же прекрасным нефритом тебя одарила.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.

Сливу в подарок принес ты сегодня с приветом,
Я же прекрасные в дар отдала самоцветы.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечно осталась любовь между нами.

VII. ПЕСНИ ЦАРСКОЙ СТОЛИЦЫ¹

ТАМ ПРОСО СКЛОНИЛОСЬ ТЕПЕРЬ

(I, VI, 1)

I

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Там всходы взошли ячменя...
И медленно я прохожу по полям,
В смятении дух у меня.
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
А тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто пыль заустенья разнес по стране?

II

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Ячмень колосится давно...
И медленно я прохожу по полям,
И сердце смятением полно.
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
А тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто пыль заустенья разнес по стране?

III

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Зерно налилось ячменя...
И медленно я прохожу по полям,
Как тесно в груди у меня!
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
И тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто здесь запустенье разнес по стране?

ТОСКА О МУЖЕ

(I, VI, 2)

На службе у князя супруг далеко —
Не знаю, когда он вернется ко мне,
И где он теперь, и в какой стороне?
Уж куры расселись по гнездам в стене,
Склоняется к вечеру день, и с полей
Коровы и овцы бредут в тишине.
На службе у князя супруг далеко —
Как думой к нему не стремиться жене?

На службе у князя супруг далеко...
Не день и не месяц проводит подряд!
Когда же домой возвратится солдат?
Уж куры давно по насестам сидят,
Склоняется к вечеру день, и с холмов
Коровы и овцы вернулись назад.
На службе у князя супруг далеко,
Пусть голод и жажда его пощадят!

РАДОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ПОХОДА

(I, VI, 3)

Весел супруг мой — нет ни тревог, ни забот.
Вижу: он в левую руку шэн свой берет ²,
Машет мне правой — в дом за собою зовет.
Как наша радость, моя и его, велика!

Весел супруг мой — он мирную радость хранит.
Вижу: для пляски в левой руке его щит³,
Машет мне правой — взойти на площадку велит.
Как наша радость, моя и его, велика!

ДУМЫ СОЛДАТА О ДОМЕ

(I, VI, 4)

Пускай возмутятся ленивые воды реки,
Но связанным бревнам не страшен их грозный
напор⁴,
Там наши родные от нас далеки, далеки!..
Здесь, в Шэнь⁵, одиноки, надолго мы стали в дозор.
Мы думу одну лишь о наших родных бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый свой дом?

Пускай возмутятся ленивые воды реки —
Вязанку ветвей не размечут теченьем они!
Там наши родные от нас далеки, далеки,
Здесь, в Фу⁶, мы дозором должны оставаться одни.
Мы думу о них лишь, мы думу о них бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый наш дом?

Пускай возмутятся ленивые воды реки —
Вязанка лозы уцелеет средь бешеных струй!
Там наши родные от нас далеки, далеки,
Совсем одиноки, мы стали дозором здесь, в Сюй.
Мы думу о них лишь, мы думу о них бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый наш дом?

ГЛУХАЯ КРАПИВА

(I, VI, 5)

Глубоко в долине глухая крапива растет,
Но долгою сущью и зноем крапиву сожгло.
Покинуть супруга беда заставляет жену⁷,
Его покидая, вздыхает она тяжело,
Его покидая, вздыхает она тяжело,
Увидеть пришлось от супруга и горе, и зло.

Глубоко в долине глухая крапива растет,
Она увядает, и листья ее сожжены.
Покинуть супруга беда заставляет жену —
Протяжны степенья и плач уходящей жены,
Протяжны степенья и плач уходящей жены,
И, злобу познав, расставаться супруги должны.

Глубоко в долине глухая крапива растет,
А зной и в пазухах сырых ту крапиву пожег.
Покинуть супруга беда заставляет жену,
С рыданиями слезы текут — непрерывен их ток...
С рыданиями слезы текут — непрерывен их ток;
Зачем эти слезы? Ужель отвратят они рок?

ЗАЯЦ МЕДЛИТЕЛЕН

(I, VI, 6)

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан простодушен — попал он в силлок.
О, если б от жизни моей начала
Того, что я сделал, не делать я мог!
И вот во второй половине жизни
Все эти печали послал мне рок!
О, если б навеки уснуть без тревог!

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан простодушен — он в сеть залетел.
О, если б от жизни моей начала
Вовек бы не делать мне сделанных дел!
И вот во второй половине жизни
Все эти страдания — мой горький удел!
Уснуть, не проснуться б я ныне хотел!

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан же... в тенетах запутался он!
О, если б от жизни моей начала
Так службою не был бы я утомлен,
И вот во второй половине жизни
Здесь беды со всех я встречаю сторон!
О, пусть непробудный мне явится сон!

НА ЧУЖБИНЕ

(I, VI, 7)

Сплелись кругом побеги конопли
По берегу речному возле гор...
От милых братьев я навек вдали,
Чужого я зову отцом с тех пор...
Чужого я зову отцом с тех пор —
А он ко мне поднять не хочет взор.

Сплелись кругом побеги конопли,
Где берег ровную раскинул гладь...
От милых братьев я навек вдали,
К совсем чужой я обращаюсь — мать...
К совсем чужой я обращаюсь — мать,
Она ж меня совсем не хочет знать.

Сплелись кругом побеги конопли,
Где берег взрыт рекой подобно рву...
От милых братьев я навек вдали,
Чужого старшим братом я зову...
Чужого старшим братом я зову —
Не хочет он склонить ко мне главу.

УЙДУ ЛИ, МОЙ МИЛЫЙ, НА СБОР КОНОПЛИ

(I, VI, 8)

Уйду ли, мой милый, на сбор конопли,
Лишь день мы в разлуке, но кажется мне:
Три месяца был ты вдали!

Сбирать ли душистые травы иду,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три времени года я жду!

Уйду ль собирать чернобыльник лесной,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три года ты не был со мной!

КОЛЕСНИЦА БОЛЬШАЯ ГРОХОЧЕТ

(I, VI, 9)

Колесница большая грохочет — гремит на пути,
В пей зеленой осокой дворцовое платье блестит.
Разве я не стремлюсь и душою и думой к тебе?
Да боюсь я тебя и не смею к тебе подойти⁸.

Ехал медленно ты — колесница твоя тяжела,
И одежда твоя, точно алая яшма, была.
Разве я не стремлюсь и душою и думой к тебе?
Да тебя побоялась — с тобою бежать не могла.

Хоть с тобою, мой милый, и в разных домах мы живем,
Мы умрем и могилу разделим под общим холмом.
Если скажешь, любимый, что сердцем неискренна я —
Светлым солнцем клянусь: правда в любящем сердце
моем!

ВИЖУ, ВДАЛИ КОНОПЛЯ

(I, VI, 10)

Вижу, вддали конопля поднялась над пологим холмом,
Кто-то Цзы-цзе задержал там — он, верно, с другою
вдвоем.
Кто-то Цзы-цзе задержал там — он, верно, с другою
вдвоем —
Радость Цзы-цзе обещал, что придет веселиться в мой
дом!

Там вдалеке над пологим холмом и пшеница видна,
Кто-то Цзы-го удержал — я его ожидаю одна.
Кто-то Цзы-го удержал — я его ожидаю одна —
Он обещал мне прийти и отведать и явств, и вина!

Слива вддали над холмом — одиноко той сливе расти,
Юношей кто-то другой удержал у холмов на пути,
Юношей кто-то другой удержал у холмов на пути —
Яшмы для пояса мне обещали они принести.

ВИ. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖЭН¹

ПРИГОЖИ ВЫ, КНЯЗЬ

(I, VII, 1)

Пригожи вы, князь, в черном платье своем,
Изнесите это — другое сошьем,
Ваш двор посетим² и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

Как черное платье прекрасно на взгляд,
Изнесите — новый скроим вам наряд,
Ваш двор посетим и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

Как пышен одежд этих черный атлас!
Изнесите — сыщем другие для вас,
Ваш двор посетим и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

ЧЖУНА ПРОСИЛА Я СЛОВО МНЕ ДАТЬ

(I, VII, 2)

Чжуна просила я слово мне дать
Не приходите к нам в деревню опять,
Веток на ивах у нас не ломать.
Как я посмею его полюбить?
Страшно прогневать отца мне и мать!
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только суровых родительских слов
Девушке пужно бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
К нам не взбираться опять на забор,
Тутов у нас не ломать на позор.
Как я посмею его полюбить?
Страшен мне братьев суровый укор.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только вот братьев суровых речей
Девушке падо бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
Больше не лазить в наш сад на беду
И не ломать нам сандалы в саду.
Как я посмею его полюбить?
Страшно мне: речи в народе пойдут.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только недоброй в народе молвы
Девушке падо бояться, поверь!

ШУ НА ОХОТУ ПОЕХАЛ

(I, VII, 3)

Шу на охоту поехал, по улице гонит коней —
Улица точно пуста, и людей я не вижу на ней...
Улица разве пуста и людей ты не видишь на ней?
Нет между них никого, равного Шу моему,
Всех он прекрасней лицом, всех он добрей и умней!

Шу на охоту поехал — его колесница видна.
Нет здесь, на улице нашей, умеющих выпить вина...
Разве на улице нет умеющих выпить вина?
Нет между них никого, равного Шу моему,
Он так благороден и добр — знает про это страна!

Шу по стране разъезжает — он ищет добычи для стрел.
Юношей нет здесь таких, кто бы править конями умел...
Разве здесь юношей нет, кто бы править конями умел?
Нет между них никого, равного Шу моему.
Как он собою пригож, как он отважен и смел!

ШУ НА ОХОТЕ

(I, VII, 4)

I

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся, правит четверкой коней.
Вожжи в руках натянул он шелковой ленты ровней,
Пляшут его пристяжные княжьих танцоров плавней.
Шу на охоту поехал — только болото кругом,
Разом вздымается кверху пламя зажженных огней.
Торс обнажил он, руками тигра сжимает сильней;
Князь в колеснице — он тигра прямо сложил перед ней.
Шу я просила: не надо тигров руками ловить;
Ран от когтей берегись ты — ран не бывает страшней!

II

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся, правит четверкой гнедых,
Головы вздернула кверху пара его коренных,
Дикие гуси в полете — пара его пристяжных.
Шу на охоту поехал — только болото кругом.
Газом огонь разъяренный в зарослях вспыхнул густых.
Шу на охоте, наверно, лучший из лука стрелок.
Даже искусством возницы он бы похвастаться мог.
Вскачь он порою пускает, сдержит порою коней,
Пустит стрелу он и мчится, быстрый, вдогонку за ней!

III

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся — серых четверка пошла,
Вровень несут коренные головы и удила,
Две пристяжные, как руки, вслед им простерли тела.
Шу на охоту поехал — только болото кругом —
Вспыхнул огонь, и повсюду все он сжигает дотла.
Лошади Шу утомились — тише и медленней ход,
Реже и реже из лука стрелы свершают полет.
Вот свой колчан отвязал он, стрелы в колчане лежат,
Лук свой он к месту приладил — едет с охоты назад.

ЦИНСКИЕ ЛЮДИ ПОД ГОРОДОМ ПЭН

(I, VII, 5)

Цинские люди³ под городом Пэн⁴, с этих пор
Кони четверками мчатся, броня — их убор.
Алый из перьев с двух копий свисает узор,
Чуткий над Хэ колесница свершает дозор.

Цинские ныне под Сяо в дозоре полки,
Грозные кони в броне, колесницы тяжки,
Подняты кверху двух копий двойные крюки;
Воины бродят по берегу Желтой реки.

Цинские люди под Чжу караулом стоят,
Кони в броне выступают так весело в ряд.
Правит возница, доспехи дозорных блестят.
Военачальник проходит, доволен и рад!

БАРАНЬЯ ПРИДВОРНАЯ ШУБА

(I, VII, 6)

Баранья придворная шуба блестит,
Мягка, и гладка, прекрасна на вид.
О, это такой человек, говорят,
Судьбой он доволен и верность хранит.

А барсовый мех к рукавам прикреплен.
Отважен сей подданный, смел и силен.
О, это такой человек, говорят, —
В отчизне был правды ревнителем он.

Пышна эта шуба баранья на нем —
На ней украшения сверкают огнем.
О, это такой человек, говорят,
Достоинейшим был он в отчизне бойцом!

ВДОЛЬ ДОРОГИ БОЛЬШОЙ Я ПРОШЛА

(I, VII, 7)

Вдоль дороги большой я прошла, не устав,—
Я держала тебя за рукав.
О, не надо теперь ненавидеть меня,
Сразу нежность былую поправ.

Вдоль дороги большой я прошла, не устав,—
Твою руку сжимая весь путь...
И теперь ты со мною жестоким не будь,
Вдруг былую любовь не забудь.

ЖЕНА СКАЗАЛА

(I, VII, 8)

Жена сказала: «Петух пропел».
Ей муж ответил: «Редеет мрак».
«Вставай, супруг мой, и в ночь взгляни,
Рассвета звезды горят, пора!
Спеши на охоту, супруг, живей —
Гусей и уток стрелять с утра!»

Летит твой дротик, нагонит их,
Тебе, супруг, приготовлю их.
С тобой мы выпьем вдвоем вина,
Пусть будет старость у нас одна.
Готовы цитра и гусли здесь,
Пусть будет радость совсем полна.

Кто к мужу в гости к нам в дом придет —
Получит яшму на пояс тот.
Кто другом станет тебе, супруг,
Тот примет яшму из наших рук,
Того, кто будет тобой любим,
На пояс яшмою наградим!

**ДЕВА ВМЕСТЕ СО МНОЙ
В КОЛЕСНИЦЕ
(I, VII, 9)**

Дева, что вместе со мной в колеснице сидит,
Сливы цветок мне напомнила цветом ланит.
Видишь, стремительно едем дорогой кругом,
Только в подвесках сверкнет драгоценный нефрит.
Старшую Цзян мы красавицей нашей зовем —
Верно, достойна она и прелестна на вид.

С этой девой иду по дороге вдвоем,
Сливы цветку она нежным подобна лицом.
Вдоль по дорогам мы долго гуляем кругом,
Пояс в подвесках твой, яшмы бряцают на нем.
Старшую Цзян мы красавицей нашей зовем,
Добрую славу о ней навсегда сбережем!

**НА ГОРЕ РАСТУТ КУСТЫ
(I, VII, 10)**

На горе растут кусты,
В топях — лотоса цветы...
Не видала красоты —
Повстречался, глупый, ты.

Сосны на горах растут,
В топях ирисы цветут...
Не нашла красавца тут,
Повстречался мальчик-плут.

**ЛИСТ ПОЖЕЛТЕЛЫЙ
(I, VII, 11)**

Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер срывает и ночью и днем,
Песню, родной мой, начни, — я хотела
Песню продолжить, мы вместе споем.

Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер кружит и уносит с собой...
Песню продолжи, родной,— я хотела
Песню окончить вместе с тобой.

ХИТРЫЙ МАЛЬЧИШКА

(I, VII, 12)

Хитрый мальчишка
Мне слова не скажет совсем...
Иль без тебя я
Больше не сплю и не ем?

Хитрый мальчишка
Со мной не разделит еду!..
Иль без тебя я
Покоя теперь не найду?

КОЛЬ ОБО МНЕ ТЫ С ЛЮБОВЬЮ ПОДУМАЛ

(I, VII, 13)

Коль обо мне ты с любовью подумал —
Подол приподняв, через Чжэнь⁵ перейду.
Если совсем обо мне ты не думал —
Нет ли другого на эту беду?
Самый ты глупый мальчишка из всех!

Коль обо мне ты с любовью подумал —
Подол приподняв, перейду через Вэй.
Если совсем обо мне ты не думал —
Нет ли другого для милой твоей?
Самый ты глупый мальчишка из всех!

КАК ОН ДОРОДЕН

(I, VII, 14)

Как он дороден, прекрасен собою на вид!
Он у дороги, меня ожидая, стоит —
Я ж не могу проводить его, сердце скорбит.

Как величав он собою и как он силен!
В дом наш вступает и ждет меня в горнице он —
Выйти нельзя мне, и скорбью мой дух удручен.

Платьем простым я прикрою наряд расписной —
Тканой сорочки узор я прикрою холстом —
Милый, пора в колесницу коней запрягать,
Вместе отсюда уедем с тобою вдвоем.

Тканой сорочки узор я прикрою холстом,
Платьем простым я прикрою наряд расписной —
Милый, пора в колесницу коней запрягать,
Вместе отсюда уедешь с твоею женой.

ПЛОЩАДЬ ПРОСТОРНАЯ ЕСТЬ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ

(I, VII, 15)

Площадь просторная есть у восточных ворот,
Там по отлогому скату марена растет,
Здесь же и дом твой — оп близко совсем от меня,
Только далеко хозяин, что в доме живет.

Там и каштан у восточных ворот в стороне,
Домики в ряд расположены вдоль по стене...
Разве я думаю больше к тебе не стремлюсь?
Что же теперь никогда не заходишь ко мне?

ВЕТЕР С ДОЖДЕМ

(I, VII, 16)

Ветер с дождем холодны, словно лед...
Где-то петух непрерывно поет.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве тревога в душе не замрет?

Ветер бушует, он резок и дик...
Вновь петушиный доносится крик.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве мне в сердце покой не проник?

Ветер с дождем, и повсюду темно...
Крик петушиный несется в окно.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве не радостью сердце полно?

**ВОРОТ ОДЕЖДЫ БЛЕСТИТ
БИРЮЗОВЫЙ НА НЕМ**

(I, VII, 17)

Ворот одежды блестит бирюзовый на нем.
Сердце скорбит бесконечно о милome моем.
Хоть никогда не хожу я его повидать —
Сам почему не зайдет он проведать наш дом?

К поясу светло-зеленый привесил нефрит,
Думы мои бесконечны, и сердце скорбит.
Хоть никогда не хожу я его повидать —
Сам он меня посетить почему не спешит?

Вечно резвится он, вечно беспечный такой,
Вечно торчит он на башне стены городской.
День лишь его не увижу, а сердце мое
Словно три месяца ждет, истомится тоской!

БУРНЫЕ ВОДЫ РЕКИ

(I, VII, 18)

Бурные воды реки —
Связка ж ветвей поплыла, невредима.
Кто так сердцами близки —
Я лишь и ты, мой любимый!
Слову людскому не верь,
Люди обманут, любимый...

Бурные воды — взгляни...
Нет, не растреплют плетенку с дровами.
Кто нам душою сродни? —
Только друг другу мы сами!
Слову людскому не верь,
Люди неискренни с нами.

ВОТ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ ВЫХОЖУ

(I, VII, 19)

Вот из восточных ворот выхожу я — там в ярких шелках
Девушки толпами ходят, как в небе плывут облака.
Пусть они толпами ходят, как в небе плывут облака,
Та, о которой тоскую, не с ними она — далека.
Белое платье ты носишь и ткань голубую платка —
Бедный наряд, но с тобою лишь радость моя велика.

Я выхожу из ворот через башню в наружной стене⁶,
Девушек много кругом, как тростинки они по весне.
Пусть же толпятся кругом, как тростинки они по весне,
Думой не к девушкам этим в сердца стремлюсь глубине.
Белое платье простое и алый платок на тебе —
Бедный наряд, но счастье, с тобой лишь приходит ко мне!

В ПОЛЕ ЗА ГОРОДОМ ТРАВЫ ПОЛЗУЧИЕ ЕСТЬ

(I, VII, 20)

В поле за городом травы ползучие есть,
Вижу — на травах повисла роса тяжело.
Знаю — прекрасный собою здесь юноша есть,
Вижу, как чисто его и прекрасно чело.
Так неожиданно мы повстречались — и вот
Я утолила желанье, что в сердце легло.

В поле за городом травы ползучие есть,
Росы висят на траве тяжелы и густы.
Знаю — прекрасный собою здесь юноша есть,
Брови и лоб — как прекрасны они и чисты!
Так неожиданно мы повстречались — и вот
Радостно вместе с тобой мне, и радостен ты.

В ТРЕТЬЮ ЛУНУ,
ПРАЗДНИК СБОРА ОРХИДЕЙ
(I, VII, 21)

I

Той порой Чжэнь и Вэй
Разольются волнами
И на сбор орхидей
Выйдут девы с дружками.
Молвит дева дружку:
«Мы увидимся ль, милый?»
Он в ответ: «Я с тобой,
Разве ты позабыла?»
«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу
Будет нам веселее!»
С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам
И подруге своей
В дар подносит пионы.

II

Глубоки Чжэнь и Вэй,
Мчат прозрачные волны,
Берег, в день орхидей
Дев и юношей полный...
Дева молвит дружку:
«Мы увидимся ль, милый?»
Он в ответ: «Я с тобой.
Разве ты позабыла?»
«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу
Будет нам веселее!»
С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам
И подруге своей
В дар подносит пионы.

VIII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИ¹

«СЛЫШУ, ДАВНО УЖ ПРОПЕЛ ПЕТУХ...»

(I, VIII, 1)

«Слышу, давно уж пропел петух,
Шум на дворе наполняет слух!» —
«Рано еще, не поет петух, —
Это гудение синих мух».

«Уж на востоке заря ясна,
Полон твой двор, пробудись от сна!» —
«То не заря на востоке ясна —
То поднялась и блестит луна».

«Слышу я крыльев летящих звон.
Сладок с тобой, господин мой, сон —
Только собрался народ и ждет,
Нас ненавидеть не должен он!»

ВЗАИМНЫЕ ПОХВАЛЫ ОХОТНИКОВ

(I, VIII, 2)

«Как на охоте вы, сударь, ловки и быстры!» —
Так повстречался я с ним возле Нао горы.
Вместе двух вепрей матерых мы гнали, и он
Ловкость мою похвалил, отдавая поклон.

«Сударь, прекрасней охотника трудно найти!» —
Встретил его я пред Нао горой на пути,
Там двух лосей мы погнали с ним вместе — и что ж, —
Он поклонился, сказав, что и я был хорош!

«Вы совершенны в искусстве охоты, о друг!» —
Встретил его под горой я от Нао на юг.
Вместе погпали мы двух под горою волков —
Он мне, склоняясь, сказал, что и я, мол, таков!

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ
(I, VIII, 3)

Ты у ворот, где заслон перед входом², меня ожидал,
Белого шелка шнуры ты к закладкам ушным привязал,
К ним прикрепил самоцветы — каждый прекрасен и ал.

Там на открытом дворе у крыльца ожидал меня ты.
Вдеты в закладки ушные зеленого шелка жгуты,
В уши свои самоцветы редчайшей вложил красоты!

Встретив меня, по ступеням ты вводишь невесту в свой дом,
Желтые ленты к закладкам в уборе твоём,
Вижу — в ушах самоцветы искрятся-сверкают огнем!

СОЛНЦЕ ЛЬ С ВОСТОКА
ПОДНИМЕТСЯ ДНЕМ
(I, VIII, 4)

Солнце ль с востока поднимется днем —
Эта прекрасная дева придет,
День проведет она в доме моем,
День проведет она в доме моем,
Следом за мною пришла она в дом.

Ночью луна ль на востоке видна —
Эта прекрасная дева со мной:
В доме за дверью моею она,
В доме за дверью моею она,
Следом за мною и выйти должна.

В ТУМАНЕ

(I, VIII, 5)

В тумане еще не светлеет восток,
Он платье набросил поспешно, как мог;
Сорочку он спутал с халатом своим —
С приказом от князя прислали за ним.

В тумане восток не сверкает в лучах,
Он платье набросил свое впопыхах;
Он спутал с сорочкой халат, торопясь, —
Приказ передали, что требует князь.

Я ив наломал и обнес огород,
Шел мимо дурак — остерегся и тот;
А князь когда день, когда ночь, не поймет —
Со светом не будит, так ночью зовет!

ЮЖНЫЕ ГОРЫ ВОЗВЫСИЛИСЬ³

(I, VIII, 6)

I

Южные горы возвысились в той стороне,
Лис только бродит за самкой один в вышине⁴.
В княжество Лу вся дорога проходит равна.
Циская наша княжна в дом проедет по ней,
Наша княжна в дом супруга уж едет по ней —
Вам для чего неустанно грустить в тишине?

II

Туфель пеньковых пять пар подобрала она,
Пара подвязок на шапке — равна их длина⁵.
В княжество Лу там дорога проходит равна,
Наша княжна проезжает дорогою там,
Наша княжна уже едет дорогою там —
Вам для чего выезжать за княжной по следам?

III

В поле своем коноплю ты посеять хотел —
Поле вспаши поперек и в длину до конца.
В дом свой супругу ты ныне ввести захотел —
Должен тогда известить ты и мать и отца⁶.
Мать и отца известил ты, обряды уже свершены —
Мужу зачем выполнять все желанья жены?

IV

Как поступить, коль ты дров нарубить захотел?
Разве не станешь рубить, как и все, топором?
В дом свой супругу ты ныне ввести захотел —
Разве без сватов введешь ты супругу в свой дом?
Ныне сосватал и ввел ты супругу в свой дом —
Крайности эти зачем еще в доме твоём?

НЕ НАДО ЗАПАХИВАТЬ ПАШНЮ, ЧТО ТАК ВЕЛИКА (I, VIII, 7)

Не надо запахивать пашню, что так велика, —
Лишь плевелы пышные там разрастутся вокруг.
Не надо о том вспоминать, кто далеко теперь, —
Усталому сердцу опять исстрадаться от мук.

Не надо запахивать пашню, что так велика, —
Лишь плевелы встанут густые, густые на вид.
Не надо о том вспоминать, кто далеко теперь, —
Твое утомленное сердце опять заболит.

Прекрасен, казалось, ребенок, и нежен, и мал,
И волосы он, как дитя, в два пучка собирал —
Но малое время прошло, ты его повидал,
Глядишь — он и в шапке теперь и мужчиною стал!

ОХОТНИК
(I, VIII, 8)

То кольца на гончих собаках звенят —
Хозяин их добр, и пригож он на взгляд.

Звенит на собаке двойное кольцо ⁷ —
С густой бородой он, прекрасно лицо.

Тройное кольцо на собаке звенит —
С густой бородой он, красавец на вид.

СОВСЕМ ОБВЕТШАЛА МЕРЕЖА
(I, VIII, 9)

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
В нее только щука с лещом и попались пока.
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И свита ее многочисленна, как облака.

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
В нее только линь и попался сегодня с лещом.
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И движется свита за ней непрерывным дождем.

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
И рыба свободно проходит в мереже такой...
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И свита за нею течет непрерывной рекой.

ГОНИШЬ, ТОРОПИШЬ КОНЕЙ
(I, VIII, 10)

Гонишь, торопишь коней, и возок гроыхает, гремит;
Алою кожей обит он, плетеным бамбуком закрыт.
Эта дорога из Лу ⁸ пролегает, гладка и ровна;
Циская ваша княжна в дом родимый с ночлега спешит.

Лошади скачут в четверке, прекрасны они и черны.
Вожжи с четверки свисают, они и мягки и длинные.
Эта дорога из Лу пролегает, гладка и ровна —
Счастье и радость являет лицо этой циской княжны.

Вэнь⁹ многоводные волны широким потоком струит;
Много по этой дороге людей проходящих спешит.
Эта дорога из Лу пролегает, гладка и ровна;
Циская наша княжна проезжает, беспечна на вид.

Вэнь многоводные волны стремится, и струится вода;
Толпы людей по дороге проходят туда и сюда.
Эта дорога из Лу пролегает, гладка и ровна.
Циская наша княжна проезжает, беспечна, горда.

СКОЛЬ ВИДОМ ВЕЛИЧАВ ТЫ

(I, VIII, 11)

Сколь видом величав ты, о хвала!
Как ты высок и строен, как мила
Была краса широкого чела,
Прекрасных глаз и твоего чела!
Легка походка важная была,
Всегда метка была твоя стрела.

О сколь ты славен в блеске красоты,
Твой глаза прекрасные чисты,
Достоинства исполнены черты.
Ты целый день из лука бьешь в мишень,
И стрелы не выходят за щиты¹⁰.
О, нам воистину племянник ты!

Достоинствам твоим потерян счет:
Глаза чисты, прекрасен лоб, но вот
Ты пляску начал — всё вокруг замрет.
Стрела взлетит и цель насквозь пробьет,
Все в точку стрелы устремляют лет —
В годину смут ты крепкий нам оплот!

IX. ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ ¹

ЛЕГКИЕ ТУФЛИ

(I, IX, 1)

Легкие туфли свои из пеньки
Даже и в холод готов он носить —
Нежные женские руки теперь
Платье ему не поленятся шить.
Пояс и ворот я сшила — он рад,
Мужу понравился сшитый наряд.

Видом хорош он спокойным своим;
Влево отходит — уступит другим ².
С гребнем на поясе он костяным.
Низкие сердцем — в супруге моем
Видят упреки жестокие им!

НАД РЕКОЮ ФЭНЬ

(I, IX, 2)

Щавель по низинам над Фэнь-рекой ³
Она собирает проворной рукой.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен безмерно, красавец такой!
Прекрасен безмерно, красавец такой,
Но все ж до правителя князьих путей ⁴
Тебе еще так далеко!

Над Фэнь пад рекою, где берег высок,
Сберет она каждый на тутах листок.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен собой, как весенний цветок!
Прекрасен собой, как весенний цветок,
Но все ж от начальника колесниц
Ты, сударь, обличьем далек!

Над Фэнь, там, где берег пологий извит,
Она, подорожник срываая, стоит.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен собою, как чистый нефрит!
Прекрасен собою, как чистый нефрит,
Но все ж у правителя княжеских дел
Получше бы должен быть вид!

**ПЕРСИКОМ БЛАГОУХАЮТ
САДЫ
(I, IX, 3)**

Персиком благоухают сады,
Годны для пищи, созрели плоды...
Сердце печалью томится, а я
Песни пою, точно нет и беды.
Те, кто не знает меня, говорят:
«Воин вы, сударь, и очень горды!»
Люди такие, пожалуй, правы,—
Что им на это ответите вы?
В сердце печаль и тоска у меня —
Кто из них знает причину? Увы!
Кто из них знает причину? Увы!
Не утруждает никто головы!

Есть и жужубы в саду, и у всех
В пищу годится созревший орех.
Сердце печалью томится, иль мне
Царство объехать для ради утех?
Те, кто не знает меня, говорят:
«Вы в беспредельный впадаете грех!»
Люди такие, пожалуй, правы,—
Что им на это ответите вы?

В сердце печаль и тоска у меня —
Кто из них знает причину! Увы!
Кто из них знает причину? Увы!
Не утруждает никто головы.

**ВЗБИРАЮСЬ ЛИ Я
НА ВЫСОКИЙ ХРЕБЕТ**

(I, IX, 4)

Взбираюсь ли я на высокий хребет
Поросших лесами гор,
Все к хижине той, где отец живет,
Я вновь обращаю взор.
Я знаю: отец теперь тяжело вздохнет:
«Ведь сын мой на ратную службу идет,
Покоя на службе не будет ему
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж, береги себя, младший сын мой,
Смотри же — вернись обратно домой,
От дома родного вдали
В земле не останься чужой».

Всё выше всхожу на крутой хребет
Нагих каменистых гор,
И к хижине той, где мать живет,
Я вновь обращаю взор.
И знаю я: мать моя горько вздохнет:
«Дитя мое к князю на службу идет,
Не будет он ведать покоя и сна
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж — берегись от близких вдали,
Смотри ж — возвратись из чужой земли,
Чтоб брошенный труп твой вдали от меня
Лежать не остался в пыли».

Все выше и выше всхожу на хребет
По склону отвесных гор,
На хижину эту, где брат мой живет,
Последний бросаю взор...
Я знаю, мой брат теперь тяжело вздохнет:
«Брат младший мой к князю на службу идет,
На службе с друзьями в согласии будь

Все ночи и дни напролет.
Смотри ж, берегись, любимый мой брат,
Смотри же, вернись с чужбины назад,
Чтоб смерть не сразила тебя на пути,
Домой возвратись, солдат!»

НА СБОРЕ ЛИСТЬЕВ ТУТА

(I, IX, 5)

Где занято несколько мою⁵ под тутовым садом,
Там листья собирают и бродят в саду за оградой.
Там шепчут: «Пройтись и вернуться с тобою я рада».

А дальше за садом, где туты посажены были,
Там сборщики листьев гуляли и вместе бродили.
Шептали: «С тобою пройдемся мы», — и уходили...

УДАРЫ ЗВУЧАТ ДАЛЕКИ, ДАЛЕКИ

(I, IX, 6)

I

Удары звучат далеки, далеки...
То рубит сапдал дровесек у реки,
И там, где река омывает пески,
Он сложит стволы и сучки...
И тихие волны струятся — легки,
Прозрачна речная вода...
Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда —
Откуда ж зерно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг,
Стрела не летела из ваших рук —
Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благородным могли б считать,
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

II

Удары звучат далеко, далеко...
Колесные спицы привычной рукой
Тесал дровосек над рекой.
На берег он сложит те спицы свои.
Над гладью недвижной воды покой,
Прозрачна речная вода.
Но хлеб ваш посеян не вашей рукой,
Вы в жатву не знали труда.
Откуда же, сударь, так много снопов
На ваших полях тогда?
Мы вас благородным могли бы счесть,
Когда б перестали вы в праздности есть
Хлеб, собранный без труда!

III

Далекий топор все звучал и звучал —
Ободья колес дровосек вырубал.
И ныне обтесанный, крепкий сандал
Он сложит на берег реки.
Кругами расходится медленный вал,
Прозрачна речная вода...
Нет, наш господин ни в посев не знал,
Ни в жатву не знал труда —
Откуда же триста амбаров его
Наполнены хлебом тогда?
Он с нами охоты не вел заодно,
И дичи из лука не бил он давно,
Откуда ж теперь перепелок полно
На этом дворе тогда?
Коль он благородным себя зовет,
Пускай же не ест без тревог и забот
Хлеб, собранный без труда!

БОЛЬШАЯ МЫШЬ

(I, IX, 7)

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь пшена.
Мы трудились — ты хоть раз
Бросить взгляд могла б на нас.

Идем мы твои поля —
Есть счастливая земля,
Да, счастливая земля!
В той земле, в краю чужом
Мы пойдем свой новый дом.

* * *

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь зерна.
Мы трудились третий год —
Нет твоих о нас забот!
Оставайся ты одна —
Есть счастливая страна,
Да, счастливая страна,
Да, счастливая страна!
В той стране, в краю чужом,
Правду мы свою найдем.

* * *

На корню не съешь, услышь,
Весь наш хлеб, большая мышь!
Мы трудились столько лет —
От тебя пощады нет.
Мы теперь уходим, знай,
От тебя в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край!
Кто же в том краю опять
Нас заставит так стонать?

Х. ПЕСНИ ЦАРСТВА ТАН ¹

ДАВНО УЖЕ В ДОМЕ СВЕРЧОК ЗАЗВЕНЕЛ

(I, X, 1)

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
К концу приближается год,
И коль не вкусили мы радость теперь —
День минет и месяц уйдет!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни о жизни, что ждет;
Пусть радость и счастье имеют предел —
Ты должен бояться невзгод!

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
И дни убегают в году,
И коль не вкусили мы радость теперь —
Дни минут и луны уйдут!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни: труды еще ждут;
Пусть радость и счастье имеют предел —
Ты должен быть предан труду.

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
Не слышно телег — тишина,
И коль не вкусили мы радость теперь —
День канет и минет луна!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни, что горесть грозна;
Пусть радость и счастье имеют предел,
Да будет с тобой тишина!

ПЕСНЬ О СКУПЦЕ

(I, X, 2)

С колючками ильм вырастает средь гор,
А вяз над низиною ветви простер.
Есть много различных одежд у тебя,
Но ты не наденешь свой лучший убор;
Повозки и лошади есть у тебя,
Но ты не поскачешь на них на простор.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Весь скарб твой присвоит, захватит и двор.

Сумах вырастает средь горных высот,
А слива в низине растет средь болот.
Есть внутренний дворик и дом у тебя —
Никто их как следует не подметет.
Там есть барабаны и колокол есть,
Никто только в них не стучит и не бьет.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Владеть твоим домом богатым придет!

Сумах вырастает на склоне крутом,
Каштаны в низине растут под холмом.
Есть яства, хмельное вино у тебя,
Но гуслей не слышим мы в доме твоём.
Ты счастлив не будешь и дни не продлишь
Игрою на гусях своих за вином.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Хозяином вступит в оставленный дом.

БУРНЫЕ, БУРНЫЕ ВОДЫ

(I, X, 3)

Бурные, бурные воды реки².
Чисто омытые белые скалы.
В белой одежде, что с воротом алым,
В У³ я тебя, милый мой, провожала.
Свижусь ли я, мой любимый, с тобою? —
Только о радости я помышляла.

Здесь, в возмутившихся водах реки,
Белые скалы до блеска омыло.
Белое платье я алым расшила,

В Ху за тобою иду я, мой милый.
Скоро увижусь, любимый, с тобою —
Вот и тревогу забыла.

Бурные, бурные воды реки,
Белые скалы видны над волнами.
Слышу твой зов — не осмелимся сами
Тайну кому-то поведать словами!

ПЕСНЬ О ПРОЦВЕТАНИИ И МОГУЩЕСТВЕ РОДА

(I, X, 4)

Перцового дерева крупные зерна
Обильны, уж полон для мерки сосуд;
Вы ж, сударь, могучи собою и рослы,
Достоинством равного вам не найдут!
Перцовое дерево выросло тут,
На дереве шапкою ветви растут.

Перцового дерева крупные зерна
Обильны, уж пригоршни обе полны;
Вы ж, сударь, могучи собою, и рослы,
И духом своим благородным сильны!
Перцовое дерево выросло тут,
На дереве шапкою ветви растут.

ДВАЖДЫ ХВОРОСТ ЖГУТОМ ОХВАТИВ, Я ВЯЗАНКУ СЛОЖИЛА

(I, X, 5)

Дважды хворост жгутом охватив, я вязанку сложила,
В эту пору тройное созвездие⁴ в небе светило.
В этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня —
Я тебя увидала — собою прекрасен мой милый.
Почему же таким ты, почему же таким ты
Был прекрасным и добрым, мой милый?

Я связала охапку травы, положила на плечи...
Три звезды нам светили на юго-востоке в тот вечер.
В этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня —

Но с тобою мы встретились — это неожиданная встреча!
Почему же с тобою, почему же с тобою
Так отраднa неожиданная встреча?

Я из веток вязанку сложил, опоясал в два круга,
Три звезды перед дверью моею светили нам с юга.
В этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня, —
Но тебя я увидел внезапно — прекрасна подруга!
Почему же собой ты, почему же собой ты
Так мила и прекрасна, подруга!

ПЕСНЬ ОБ ОДИНОКОМ ДЕРЕВЕ

(I, X, 6)

Груша растет от деревьев других в стороне,
Ветви раскинулись в разные стороны, врозь,
Так же и я одиноко брожу по стране.
В спутники разве чужого не мог бы я взять?
Но не заменит он брата родимого мне!
Вы, что проходите здесь по тому же пути,
Что ж не идете вы с тем, кто совсем одинок?
Ближних и братьев лишен человек, почему
В горе ему на дороге никто не помог?

Груша растет от деревьев других в стороне,
Ветви раскинулись, густо листвою обросли...
Так же один, без опоры скитаюсь вдали...
В спутники разве чужого не мог бы я взять?
Только чужие родных заменить не могли!
Вы, что проходите здесь по тому же пути,
Разве не жаль вам того, кто совсем одинок?
Ближних и братьев лишен человек — почему
В горе ему на дороге никто не помог?

ПЕСНЯ О ВЕРНОСТИ ГОСПОДИНУ

(I, X, 7)

В барашковой шубе с каймой из пантеры
Ты с нами суров, господин наш, без меры.
Другого ужели нам нет господина?
Служили мы исстари правдой и верой.

Рукав опущен твой пантерой по краю.
Ты с нами жесток — мы в труде изнываем.
Другого ужели нам нет господина?
Мы старую верность тебе сохраняем.

ГУСИ
(I, X, 8)

То дикие гуси крылами шумят,
К могучему дубу их стаи летят —
На службе царю я усерден, солдат.
Я просо не сеял, забросил свой сад.
Мои старики без опоры... Мой взгляд
К далекой лазури небес устремлен:
Когда ж мы вернемся назад?

То гуси, шумя, направляют полет
Туда, где жужуб густолистый растет.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Я просо посеять не мог в этот год.
Отец мой и мать моя... Голод их ждет!
Когда, о далекое небо, скажи,
Конец этой службе придет?

Пусть гуси свои вереницы сомкнут,
Слетаясь на пышный, развесистый тут.
Нельзя нерадиво служить — и в полях
Ни рис, ни маис в этот год не растут.
Отец мой и мать где пищу найдут?
О дальшее синее небо, верни
Солдату привычный труд!

РАЗВЕ МОЖНО СКАЗАТЬ
(I, X, 9)

Разве можно сказать, что я сам не имею одежды?
Семь различных нарядов теперь у меня;
Только нынешний дар твой, вот эти одежды
Будут много удобней и лучше, поверь, для меня.

Разве можно сказать, что я сам не имею одежды?
Но различных одежд было шесть у меня.
Только нынешний дар твой, вот эти одежды
И теплей, и удобней нарядов, что есть у меня.

ОДИНОКАЯ ГРУША

(I, X, 10)

Вот одинокая груша растет.
Влево она от пути.
Милый ко мне, одинокой, домой
Все собирался прийти.
Сердцем моим так люблю я его!
Чем напою, накормлю я его?

Вот одинокая груша растет
Там, где пути поворот.
Милый ко мне, одинокой, домой
Звать на гулянье придет.
Сердцем моим так люблю я его!
Чем напою, накормлю я его?

ПРОЧНО ОКУТАН ТЕРНОВНИК

ПЛЮЩОМ

(I, X, 11)

Прочно окутан терновник плющом,
Поле с тех пор зарастает вьюнком.
Оп, мой прекрасный, на поле погиб —
Как проживу? Одиноким стал дом.

Плющ протянулся — жужубы укрыл,
Вьется на поле вьюнок у могил.
Он, мой прекрасный, на поле погиб —
Я одинока, никто мне не мил.

Рог изголовья⁵ красив и, как свет,
Блещет парчой покрывало — и нет
Мужа со мной, мой прекрасный погиб,
Я одиноко встречаю рассвет.

Летние дни без конца потекут,
Будут мне зимние ночи долги...
Кажется: минут века, лишь тогда
Снова я свижусь с моим дорогим⁶.

Будут мне зимние ночи долги,
Летние дни без конца потекут...
Кажется: минут века, лишь тогда
С ним обрету я в могиле приют.

СОБРАЛА Я ЛАКРИЦУ

(I, X, 12)

Часто сбором я лакрицы занята
На вершине Шоуянского хребта.
А что люди говорят,— всё лгут они,
Этим толкам не доверься ты спроста,
Эти речи, эти речи отклони!
Не считай их сплетни правдой, помяни:
Всё, что люди ни болтают, лгут они.
Что их речи? Толки лживые одни!

Собирала там я заячью траву,
Я ее под Шоуяном рву да рву.
А что люди говорят,— всё лгут они,
Ты не верь, не слушай лживую молву,
Эти речи, эти речи отклони.
Не считай их речи правдой, помяни:
То, что люди говорят,— всё лгут они.
Что их речи? Толки лживые одни!

Собирать мне репу в поле там опять,
На восток от Шоуяна собирать!
А что люди говорят,— всё лгут они,
Ты не верь, не надо сплетням их внимать.
Эти речи, эти речи отклони.
Не считай их речи правдой, помяни:
Всё, что люди ни болтают, лгут они.
Что их речи? Толки лживые одни!

XI. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИНЬ ¹

ГРОМ КОЛЕСНИЦ ВСЕ СЛЫШНЕЙ

(I, XI, 1)

Гром колесниц все слышней и слышней;
Белые пятна на лбах у коней.
В горнице мужа не вижу еще,
Только слуга наш по-прежнему в ней.

Вижу сумах я у горных высот.
Вижу в низинах каштан у болот.
Только супруга завидела я,
Рядом садимся, он гусли берет.
Радость ужель не вкусить нам теперь?
Старость настанет, и время уйдет.

Вырос на взгорьях возвышенных тут,
Тополы там по низинам растут.
Только супруга завидела я,
Рядом садимся мы, шэны поют.
Радость ужель не вкусить нам теперь?
Смерть приближается, годы уйдут!

КНЯЗЬ НА ОХОТЕ

(I, XI, 2)

Черная блещет железом четверка дородных коней,
Собраны в руку возницы три пары поводьев-ремней.
Князь в колеснице сидит, и любимые слуги его
Ныне охотиться будут и вслед выезжают за ней.

Гонят по времени года пригодных для жертвы самцов ².
Те, что пригодны для жертвы, ныне самцы велики!
Князь лишь прикажет вознице левой колесницу держать,
Пустит стрелу и сразит он — все стрелы у князя метки.

Северным парком с охотой теперь отправляется князь,
Кони привычною рысью в четверке бегут, торопясь,
Легкая едет повозка, звенят в бубенцах удила —
Гончих собак и легавых для травли она повезла!

БОЕВАЯ КОЛЕСНИЦА

(I, XI, 3)

I

Для боевой колесницы кузов короткий — как раз!
Гнущее дышло красиво кожей повито пять раз,
В круге скользящем все вожжи³, чтобы лежали ровней,
Посеребренные кольца держат тяжести из ремней.
Втулки длинны колесницы, шкура тигровая в ней,
Пегих, а к ним белоногих впряг он могучих коней.
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда;
Тверд, благороден, как яшма, сердцем же яшмы нежней!
В срубках дощатых ночуешь в дикой далекой стране —
Скорбь о тебе наполняет сердца изгибы во мне!

II

Мощные тучные кони — вся их четверка крепка,
Вместе ременные вожжи держит возницы рука.
Пегий с гнедым черногривым тянут в упряжке одной,
С ними — с боков — черномордый желтый, а с ним —
вороной.

Верно, с драконом на поле рядом уперты щиты,
В посеребренные пряжки средние вожжи взяты!
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда,
Там, благородный и нежный, в городе варварском ты!
Скоро ли, скоро ль настанет вам возвращения срок?
Вся я душой истомилась в думах о том, кто далек!

III

Дружных коней покрывает тонкой брони чешуя,
Посеребренная блещет ручка тройного копья⁴,
Щит, разукрашенный в перья, длань прижимает твоя.
Кони с резными значками⁵, в шкуре тигровой твой лук;
В шкуру тигровую накрест всунул два лука супруг,
Чтобы не гнулись, привязан к лукам упругий бамбук.

Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда,
Лягу ль на ложе, встаю ли — в мыслях единственный друг!
Тверд и спокоен, я знаю, кто благороден и прям,—
Добрая слава о муже, знаю, несется вокруг.

ТРОСТНИКИ С ОСОКОЙ СИНИ, СИНИ
(I, XI, 4)

Тростники с осокой сини, сини,
Белая роса сгустилась в иней.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Верно, где-нибудь в речной долине.
По реке наверх иду за ним я —
Труден кажется мне путь и длинен;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод — такой далекий ныпе.

Синь тростник и зелена осока —
Не обсохли от росы глубокой.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега потока.
По реке наверх иду за ним я —
Путь мой труден, путь лежит высоко;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод на островке далеко.

Блекнет зелень в сини тростниковой.
Белая роса сверкает снова.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега речного.
По реке наверх иду за ним я —
Труден путь, я вправо взять готова;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод у острова большого.

ПЕСНЬ О ПОСЕЩЕНИИ ЦИНЬСКИМ КНЯЗЕМ
ЧЖУННАНСКИХ ГОР
(I, XI, 5)

Что сыщешь ты там, у чжуннанских высот?
Там слива с катальпою горной вдвоем.
Муж доблести прибыл на этот хребет,

Он в шубе из лис, под узорным плащом,
И лик, точно киноварь, ал у него!
Его мы своим государем зовем.

Что сыщешь ты там, у чжуннаньских высот?
Утесы да глади широкие плит.
Муж доблести прибыл на этот хребет,
Халат его пестрым узором расшит,
О пояс в подвесках бряцает нефрит.
Пусть век он живет и не будет забыт!

ТАМ ИВОЛГИ ⁶

(I, XI, 6)

Там иволги, вижу, летают кругом,
На ветви жужуба слетаясь, кружат.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Цзы-цзюйя Янь-си выполняет обряд.
И этот Янь-си, что исполнит обряд,
Был самым храбрейшим из сотен солдат.
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был уstraшен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живьем погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли.

Там иволги, вижу, летают кругом,
Кружат, собираясь на тут под курган.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Из рода Цзы-цзюйя могучий Чжун-хан.
О, этот из рода Цзы-цзюйя Чжун-хан!
Он сотню солдат отражал, великан!
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был уstraшен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живым погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли.

Там иволги, вижу, летают кругом,
Садясь меж колючих терновых кустов.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?

Чжэнь-ху с ним в могильный уляжется ров,
И этот Чжэнь-ху, что разделит с ним ров,
Был с сотнею воинов биться готов!
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был уstraшен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живым погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли!

ТОСКА ПО МУЖУ

(I, XI, 7)

То сокол, как ветер, летит в небесах,
Он в северных рыщет дремучих лесах.
Давно уж супруга не видела я,
Великая скорбь в моем сердце и страх.
О, как это случилось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

Ветвистые вижу дубы над горой,
Шесть вязов я вижу в долине сырой.
Давно уж супруга не видела я,
И боль безысходная в сердце порой.
О, как это случилось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

Там сливы на горных вершинах густы,
В низинах там дикие груши часты.
Давно уж супруга не видела я...
О сердце, от боли как пьяное ты!
О, как это случилось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

КТО СКАЗАЛ: НЕТ ОДЕЖДЫ

(I, XI, 8)

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Плащ с тобой пополам разделю я в походе любой!
Царь собирается в путь и свои поднимает войска —
Приготовил я дротик и длинную пику и в бой!
Вместе выйдем на битву, ведь враг у нас общий с тобой.

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Мы разделим с тобою исподнее платье мое.
Царь собирается в путь и свои поднимает войска —
Приготовил я дротик и с ним боевое копье.
Встанем вместе на битву за дело мое и твое!

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Есть рубашка у нас, мы рубашку разделим вдвоем.
Царь собирается в путь и свои поднимает войска —
Латы я приготовил и острым запася мечом.
Знаю, вместе с тобою мы в битву с врагами пойдём.

БРАТА МАТЕРИ Я ПРОВОЖАЮ

(I, XI, 9)

Брата матери ныне я в путь провожаю с войсками,
Берег северный Вэй — и здесь предстоит нам
проститься.

Чем его одарить, я не знаю, — какими дарами?
Подарю я гнедую четверку с большой колесницей.

Брата матери ныне я в путь провожаю с войсками,
Бесконечная дума о нем в моем сердце сокрыта.
Чем его одарить, я не знаю, — какими дарами?
Подарю самоцветы и пояс с прекрасным нефритом!

О СКУПОСТИ КНЯЗЯ

(I, XI, 10)

Жаловал нас
В большой горнице, как подобало:
Ныне ж от яств на пиру ничего не осталось —
Жаловать нас
Не умеет, как в прошлом бывало.

Жаловал нам
От всех яств по четыре сосуда;
Ныне ж не ели мы досыта с каждого блюда.
Жаловать нас
Не умеет, как в прошлом бывало.

ХИ. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЭНЬ ¹

ТЫ СТАЛ БЕЗРАССУДЕН

(I, XII, 1)

Ты стал безрассуден, гуляешь с тех пор,
Поднявшись на холм, на крутой косогор!..
Хоть добрые чувства к тебе я храню,
К тебе не поднять мне с надеждою взор.

Ты бьешь в барабан, и разносится гром,
Внизу ты гуляешь под этим холмом.
Порою ли зимнею, летним ли днем
Там с белым стоишь ты от цапли пером ².

Ты в накры ³ из глины ударил, опять
Идешь по дороге на холм погулять.
Порою ли зимнею, летним ли днем
Готов с опахалом из перьев плясать!

ТАМ ВЯЗЫ РАСТУТ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ

(I, XII, 2)

Там вязы растут у восточных ворот,
Дубы на вершине крутого холма.
Сегодня, я знаю, Цзычжунова дочь
Под теми дубами нам спляшет сама!

Прекрасное утро избрали — вдали,
По южной долине мы будем гулять...
Сегодня не треплет никто конопли,
От площади рыночной пляски пошли!

В прекрасное утро мы вышли с тобой!
Идем по дороге все вместе гурьбой.
Ты — яркая мальва в цвету по весне,
Душистых дай перечных зернышек мне!

**РАДОСТЬ УДАЛИВШЕГОСЯ
ОТ КНЯЖЕСКОГО ДВОРА**

(I, XII, 3)

За дверью из простой доски
Возможен отдых без тревог;
Я у бегущего ключа,
Голодный, радоваться мог!

Ужели рыбой на обед
Должны быть хэские лещи? ⁴
Жену берешь — ужель и здесь
Ты только Цзян из Ци ищи? ⁵

Ужели рыба на обед —
Лишь карп из Хэ, и нет иной?
Ужели только Цзы из Сун ⁶
Достойна стать твоей женой?

**ЕСТЬ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ
ВОДОЕМ**

(I, XII, 4)

Есть у восточных ворот водоем,
И коноплю можно вымочить в нем.
Цзи, ты собой хороша и мила, —
Песню я спел бы с тобою вдвоем.

Есть у восточных ворот водоем,
Носим крапиву мочить в этот ров.
Цзи, ты собой хороша и мила —
Речи вести я с тобою готов!

Есть у восточных ворот водоем,
Вымочить можно в том рву камыши.
Цзи, ты собой хороша и мила, —
Поговорить мне с тобой разреши!

**ТАМ, У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ,
ЗЕЛЕНЕЮТ РАКИТЫ**

(I, XII, 5)

Там, у восточных ворот, зеленеют ракиты —
Пышной густою листвою их ветви покрыты.
Встретиться в сумерки мы сговорились с тобою,
Звезды рассвета блестят, обещанья забыты.

Там, у восточных ворот, зеленеют ракиты —
Ветви их скрыты густою и пышной листвою.
Встретиться в сумерки мы сговорились с тобою,
Звезды рассвета блестят над моею головою.

У ВРАТ МОГИЛЬНЫХ

(I, XII, 6)

У врат могильных разрослись жужубы;
Срежь их топор — они несут нам беды.
Правитель наш неправый и недобрый,
И нрав его в стране всем людям ведом.
Хоть ведом — нет предела и управы —
Был издавна таков правитель нравом.

У врат могильных разрослись и сливы;
Слетясь на них, грозят бедою совы.
Правитель наш неправый и недобрый,
Все люди князя обличать готовы.
Моим словам не внемлет он, но вскоре,
Поверженный, о них он вспомнит в горе.

**ВЬЕТ ГНЕЗДО СОРОКА
НА ПЛОТИНЕ**

(I, XII, 7)

Вьет гнездо сорока на плотине;
На горе хорош горошек синий.
Кто сказал прекрасному неправду?
Сердце скорбь наполнила отныне.

Черепицей к храму путь устлали;
Пестр, хорош ятрышник в горных далях.
Кто сказал прекрасному неправду?
Сжалось сердце в страхе и печали,

ВЫШЛА НА НЕБО ЛУНА

(I, XII, 8)

Вышла на небо луна и ярка, и светла...
Эта красавица так хороша и мила!
Горечь тоски моей ты бы утешить могла;
Сердце устало от думы, и скорбь тяжела.

Светлая, светлая вышла на небо луна...
Эта красавица так хороша и певна!
Горечь печали могла бы утешить она;
Сердце устало, душа моя грусти полна.

Вышла луна, озарила кругом облака —
Так и краса моей милой сверкает, ярка.
Путы ослабь, что на сердце связала тоска,—
Сердце устало, печаль моя так велика!

ЧЕМ Я БУДУ ТАК ЗАНЯТ

(I, XII, 9)

Чем же я буду так занят в Чжулинь?
Следом иду, провожаю Ся Нинь.
Это иду я не в город Чжулинь —
Следом иду, провожаю Ся Нинь.

«Вы запрягите четверку коней —
В Чжу отдыхать я поеду на ней.
Сам погоню я коней молодых —
Завтракать в Чжу я поеду па них!»

ТАМ, ГДЕ ПЛОТИНА
(I, XII, 10)

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Лотосы там с тростниками растут.
Есть здесь прекрасная дева одна...
Кто мне поможет? — Печали гнетут;
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд,
Слезы обильным потоком текут.

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Там с валерьяной росли тростники.
Есть здесь прекрасная дева одна,
Стап ее пышен, прекрасны виски.
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд,
В сердце лишь боль бесконечной тоски.

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Лотосы там расцветают меж трав.
Есть здесь прекрасная дева одна,
Стап ее пышен и вид величав.
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд,
Долго томлюсь, к изголовью припав!

ХІІІ. ПЕСНИ ЦАРСТВА ГУЙ¹

ВЫ В ШУБЕ БАРАНЬЕЙ

(I, XIII, 1)

Вы в шубе бараньей опять беззаботно гуляли,
А в лисьей опять на дворцовом приеме стояли.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Уж сердце устало — болит и болит от печали.

Вы в шубе бараньей гуляете всюду без цели,
А лисью вы, сударь, в дворцовых покоях надели.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Вы сердце мне скорбью глубоко поранить успели.

Баранья та шуба как будто намазана салом,
Лишь выглянет солнце — и шуба в лучах заблестала.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Давно уж печаль так глубоко мне в сердце запала.

КОЛЬ ПУТНИКА ВСТРЕЧУ

(I, XIII, 2)

Коль путника встречу порою под шапкою белой²,
А путник от скорби по близким — худой, пожелтелый,—
Опять утомленное сердце мое заболело!

Лишь путника встречу я в белой одежде убогой —
Как ранено сердце мое и тоской и тревогой,
И следом за ним я отправился б той же дорогой!

Увижу: у путника белым колени прикрыты —
Вновь путами скорби и сердце и дух мой повиты,
И, кажется, скорбью одной воедино мы слиты.

ДИКАЯ ВИШНЯ

(I, XIII, 3)

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежные ветви на вишне слабы и гибки...
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой;
Рад я, что вишня не знает забот и тоски!

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежные, хрупкие вижу на вишне цветы...
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой,
Рад я, что дум о семействе не ведаешь ты!

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежный, прекрасный на ней наливается плод.
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой,
Рад я, что вишня не знает о доме забот!

НЕ ВЕТЕР ПОРЫВИСТ³

(I, XIII, 4)

Не ветер порывист и буря дика,
Не мчит колесница как вихрь седока —
Смотрю на дорогу, что в Чжоу вела,
И в сердце опять западает тоска.

Не ветра порыв и не вихря полет,
Не бег колесницы, в которой трясет,—
Взглянул на дорогу, что в Чжоу вела,
На сердце легли мне печали и гнет.

О, если б кто рыбу сумел отварить —
Я вымыл бы сам приготовленный таз.
О, если б кто ехать на Запад⁴ хотел —
Я доброе слово сложил бы о вас!

ХІV. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦАО¹

ЖУК-ОДНОДНЕВКА

(I, XIV, 1)

Чешуйки жука-однодневки блестят —
Как светел, как светел твой новый наряд!
Но сердце печалью объято мое —
О, если б ко мне ты вернулся назад.

То крылья жука-однодневки весной —
Как ярок, как ярок наряд расписной!
Но сердце печалью объято мое —
Вернись и останься отныне со мной!

То выглянул жук-скарабей из земли,
Он в платье из белой, как снег, конопли;
Но сердце печалью объято мое —
Вернись и жилище со мной раздели!

ХОДЯТ ОНИ НА ПРИЕМЫ

(I, XIV, 2)

Ходят они на приемы, встречают гостей,
Палицы с копьями носят с собою — и что ж!
Люди пустые на княжеской службе у нас —
В алых стоят наколенниках триста вельмож².

Там на плотине ленивый сидит пеликан,
Крыльев мочить не хотел он, за рыбой гонясь.
Люди пустые на княжеской службе у нас —
Даже не стоят одежд, что пожаловал князь.

Там на плотине лепивый сидит пеликан,
Клюв он мочить не хотел и не ведал забот.
Люди пустые на княжеской службе у нас —
Княжеских больше не стоят похвал и щедрот.

Видишь, у нас и деревья, и травы густы,
Дымка поутру над южной горою видна.
Юная девушка там... Но хотя и мила —
Бедная девушка — голод познала она!

НА ТОЙ ШЕЛКОВИЦЕ ГОЛУБКА

СИДИТ

(I, XIV, 3)

На той шелковице голубка сидит,
Семь деток вскормила она.
Сколь доблести муж совершенен собой,
Все в нем — величавость одна.
В поступках его величавость одна —
В ней крепость и сдержанность сердца видна!

На той шелковице голубка сидит,
На сливу птенец залетел.
Сколь доблести муж совершенен собой,
Как пояс твой шелковый бел!
Я вижу, как пояс твой шелковый бел,
Ты черную с проседью шапку надел!

На той шелковице голубка сидит,
Птенцы на жужубе видны.
Сколь доблести муж совершенен собой —
В поступках не сыщешь вины!
В деяньях его не отыщешь вины —
Исправил четыре предела страны!

На той шелковице голубка сидит,
В орешнике вижу птенца.
Сколь доблести муж совершенен собой!
Народа исправил сердца.
Примером исправил народа сердца —
Пусть тысячи лет он живет без конца!

ТЕЧЕТ НА ПОЛЯ ЛЕДЯНАЯ ВОДА...

(I, XIV, 4)

Течет на поля ледяная вода родника,
Густой чернобыльник она залила на лугу.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
Столичного города Чжоу забыть не могу!

Течет на поля ледяная вода родника,
Густую полынь, по пути увлажняя, зальет.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
О городе этом я полон тревог и забот.

Течет на поля ледяная вода родника,
И в тысячелистниках пышных разлился поток.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
О городе этом я полон забот и тревог!

Как просо, бывало, прекрасно всходило везде,
И тучи питанье полям приносили в дожде!
Имели царя все четыре предела страны.
И сюньский правитель царю был опорой в труде!³

ХV. ПЕСНИ ЦАРСТВА БИНЬ

ПЕСНЯ О СЕДЬМОЙ ЛУНЕ ¹

(I, XV, 1)

I

В седьмую луну звезда Огня ²
Все ниже на небе день ото дня.
И вот теперь, к девятой луне,
Одежду из шерсти выдали мне.
В дни первой луны пахнёт холодок,
В луну вторую мороз жесток,
Без теплой одежды из шерсти овцы
Кто год бы закончить мог?

За сохи беремся мы в третьей луне,
В четвертую в поле пора выходить —
А детям теперь и каждой жене
Нам пищу на южные пашни носить.
Надсмотрщик полей пришел и рад,
Что вышли в поле и стар и млад.

II

В седьмую луну звезда Огня
Все ниже на небе день ото дня.
И вот теперь, к девятой луне,
Одежду из шерсти выдали мне.
Тепло с собою несет весна,
Уж иволги песня вдали слышна.
Вот девушка вышла с корзинкой в руках,
По узкой тропинке идет она.
И все она ищет, где листья нежней;
Тутовника ветки пригрела теплынь,
Весенние дни все длинней и длинней,
Уж в поле подруги собирают полынь.
На сердце печаль у нее лишь одной:
В дом князя войдет она скоро женой.

III

В седьмую луну звезда Огня
Все ниже на небе день ото дня.
В восьмую луну крепки тростники —
Мы режем тростник и камыш у реки.
Луна шелкопрядов — зеленый тут...
Мужчины тогда топоры берут —
Верхушки со старых срежет топор,
А с юных — зеленый убор сорвут!
Кричит балабан о седьмой луне.
В восьмую — за пряжу садиться жене.
 Мы черные ткави и желтые ткем,
 А ту, что сверкает багряным огнем,
 Что ярче всех и красивей всех,
 Мы княжичу в дар на халат отдаем.

IV

К четвертой луне трава зацветет,
О пятой луне цикада поет.
В восьмую луну мы сберем урожай,
В десятую — падают листья, кружа.
 И первая вновь наступает луна —
 Барсучьей охотой начнется она;
 И ловим лисиц мы и диких котов —
 Ведь княжичу теплая шуба нужна.
Но вот на облаву выходит рать,
Привычная в пору второй луны, —
Себе поросенка должны мы взять,
А князю мы вепря отдать должны!

V

Вот время пришло, и о пятой луне
Кузнечика стрекот слышался мне...
В шестую луну донеслось до меня,
Как крылья стрекоз задрожали, звеня.
 В седьмую — мы в поле сверчка найдем,
 В восьмую — сверчок уже здесь, под крышей.
 В девятую он заползает в дом,
 В десятую — он под постелью слышен!
 В доме замазывать щели пора,
 Выкурить дымом мышей со двора!

Крепко закрыто на север окно,
Глиной обмазаны двери давно.
Жены и дети, мы вас зовем:
Год изменился, пришли холода,
В дом свой войдите, живите в нем.

VI

В шестую луну отведать мы рады
Багряные сливы и гроздь винограда.
В седьмую отведать бобы на пару,
В восьмую луну я жужубы сберу.
Мы рис собираем десятой луной —
К весне приготовим хмельное вино,
Чтоб старцев почтенных с седыми бровями
На долгие годы бодрило оно.
Седьмая луна — стала тыква вкусна,
В восьмую горлянки срезает жена.
Девятой луною кунжутные зерна
И горькие травы собрала она.
В запас нарубила п сучьев и дров —
Обед для крестьянина будет готов!

VII

Девятой луною мы ток расчищаем,
В моем огороде прибита земля;
Десятой луной урожай убираем:
Здесь просо, пшеница, бобы, конопля.
Супругу жена говорит своему:
«О муж мой, мы всю нашу жатву собрали,
Работа нас ждет в нашем зимнем доме —
Сбираться в селение нам не пора ли?»
Сбираем мы травы осенние днем,
А ночью глубокой — веревки сошьем.
Лишь кровлю поправить успел я — ошять
Пора и весенний посев начинать!

VIII

Лед бьем мы со звоном — вторая луна,
Им в третью широкая яма полна,
И утром в четвертой, как жертву зимы,
Чеснок и барашка приносим мы!

В девятой — вновь иней на травах жесток,
Десятой луной расчищаем мы ток...
У нас на пиру два кувшина с вином,
Овцу и барашка мы князю снесем.
Рога носорога полны вина,
Поднимем их выше и выпьем до дна,
Чтоб жизнь ваша, князь, длилась тысячи лет
И чтоб никогда не кончалась она!

О ТЫ, СОВА

(I, XV, 2)

О ты, сова, ты, хищная сова,
Птенца похитила, жадна и зла!
Не разрушай гнезда, что я свила.
С трудом, с любовью я вскормила их,
Моих птенцов,— так пожалей же их!

Пока не скрылся в тучах небосвод,
Кору с корней древесных птица рвет.
Я вью гнездо, сплела из веток вход...
Ужели ты, живущий там, внизу,
Меня посмеешь обижать, народ?

Когтями я рвала траву кругом,
Издран клюв мой жестким тростником
И всем, что я сбирала,— и потом
Мой клюв был в ранах весь! Но что мне в том,—
Сказала я,— коль не готов мой дом?

Иссякла мощь моих разбитых крыл,
И хвост ослаб — он весь изломан был.
Гнездо в беде; бороться нету сил;
И дождь хлестал его и ветер бил...
Стал голос мой тревожен и уныл.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

(I, XV, 3)

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас мочил по пути.

Но с востока на запад при слове «назад»
Устремились все мысли солдат —
Там сошьют земледельцу привычный наряд.
Рот не сжат³, не поставят нас в ряд.
Только черви простые теперь поползли
На полях у моих шелковиц...
И одни мы ночуем от близких вдали
Под покровом своих колесниц.

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь все мочил нас в пути.
Дикой тыквы плоды налились и кругом
Обвисают по кровле теперь,
И мокрицы проникли в оставленный дом,
Паутиною заткана дверь;
И олени пасутся в полях у домов
Да мерцают огни светляков...
Как тревожит само это слово «назад»,
И волнение в сердцах у солдат!

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас все мочит в пути.
Там, у куч муравьиных, лишь цапли кричат,
Жены дома вздыхают, молчат;
Дома щели заткнули, полы подмели —
Тут и мы из похода пришли!
Плети тыкв одичалых обвили одни
Дров каштановых груды кругом,
И с тех пор, как ушли мы, до нынешних дней
Я три года не видел свой дом!

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там!
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас все мочит в пути.
Только иволги, вижу, летают вдали,
И лишь крылья сверкают у них...
То невеста собирается в путь — запрягли
Темно-рыжих коней и гнедых.

Вот уж матерью пояс вокруг стана обвит,
В украшеньях невеста стоит,
И жених ее новый прекрасен на вид —
Что же старый, ужели забыт?!

ПЕСНЬ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ЧЖОУ НА ВОСТОК
(I, XV, 4)

Были разбиты в походе у нас топоры,
Наши секиры расколоты были в куски.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства четыре границы да будут крепки!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь о народе заботы его велики!

Были разбиты в походе у нас топоры,
Были расколоты острые наши жезлы.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства пределы к добру он выводит из мглы!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь о народе заботы достойны хвалы!

Были разбиты в походе у нас топоры,
Наши секиры расколоты были давно.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства пределы крепит он и вяжет в одно!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь похвалы, восхищенья достойно оно!

О СКОРОМ СВАТОВСТВЕ
(I, XV, 5)

Когда топорище ты рубишь себе —
Ты рубишь его топором.
И если жсну избираешь себе —
Без свах не возьмешь ее в дом.

Когда топорище рублю топором,
То мерка близка, говорят⁴.
Увидел я девушку эту — и вот
Сосуды поставлены в ряд!⁵

С ДЕВЯТЬЮ КОШЕЛЯМИ ПОСТАВЛЕНА СЕТЬ

(I, XV, 6)

С девятью кошелями поставлена сеть,
Рыбы там — красноперка с лещом.
Мы увидели князя — был выткан дракон
На одеждах, что были на нем ⁶.

То над островом правит журавль свой полет...
Или места наш князь не найдет?
Он две ночи с тобой проведет!

Журавли над высокой равниной летят...
Или князь не вернется назад?
Он с тобою две ночи подряд.

Так могли мы на платье с драконом взглянуть...
Князь, в обратный не трогайся путь —
Пусть не льется печаль в мою грудь!

ПОДГРУДОК ОТВИСШИЙ ВОЛК ЛАПОЙ ПРИЖАЛ

(I, XV, 7)

Подгрудок отвисший волк лапой прижал, остуясь;
Отпрянув назад, он ударился тотчас хвостом...
Преславный потомок, велик и прекрасен был князь,
Спокоен и важен, — багряные туфли на нем.

Отпрянув назад, волк ударился тотчас хвостом,
Подгрудок отвисший он лапой прижал, остуясь.
Преславный потомок, велик и прекрасен был князь,
И славе его, как нефриту, неведома грязь!

Сяо я

II

МАЛЫЕ
ОДЫ

I

ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ

(II, I, 1)

Согласие слышу я в криках оленей,
Что сочные травы на поле едят.
Достойных гостей я сегодня встречаю —
На гуслях играют и пэны¹ звучат,
И трубки у шэнов настроены в лад,
Корзины подарков расставлены в ряд.
Те люди мне путь совершенств показали;
Я вижу любовь их, и счастлив, и рад.

Согласие слышу я в криках оленей,
Что сочные травы едят на полях.
Достойных гостей я сегодня встречаю,
Их доблесть сверкает, им славу суля,
Для всех благородных пример подражанья,
Народ поучая, пороки целя,
Отменным их ныне вином угощаю,
Достойных гостей на пиру веселя.

Согласие слышу я в криках оленей,
Что травы едят на полях поутру.
Достойных гостей я сегодня встречаю,
И слышу я цитры и гуслей игру,
Согласье и радость в удел избираю.
Отменным их ныне вином угощаю —
Достойных гостей веселю на пиру.

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, I, 2)

Все скачут и скачут четыре коня,
И длинен великий извилистый путь...
Иль думы о доме назад не манят?
Мы службой царю пренебречь не должны,
И ранено сердце тоской у меня.

Усталые скачут четыре коня,
Белы они сами, их гривы черны...
Иль думы о доме назад не манят?
Мы службой царю пренебречь не должны,
Покоя и отдыха мы лишены.

То голуби реют и реют, взгляни:
То взмоют, то вдруг упадут с вышины.
Вот сели на куще дубовой они...
Мы ж службой царю пренебречь не должны,
И старость отцов не покоят сыны.

То голуби реют и реют, взгляни:
То сядут, то ввысь устремляются, взмыв,
Вот сели на ветви раскидистых ив.
Мы ж службой царю пренебречь не должны,
И матери наши забот лишены.

Четверку запряг черногривых коней,
И скачут они все резвей и резвей...
Иль думы о доме назад не манят?
Я песню сложил, чтоб напомнить о ней —
О матери, брошенной без сыновей.

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, I, 3)

Цветы распустились, сверкают, горя
По взгорьям широким, в низинах у нас...
И мчатся и мчатся посланцы царя —
Боятся, что в срок не исполнят приказ.

А резвые кони мои горячи,
Три пары вожжей увлажнились, блестят,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Посланец, повсюду совета ищи.

И серые в яблоках кони легки,
И вожжи, как будто из шелка, мягки,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Повсюду, посланец, совет получи.

Белы мои кони, их гривы черны.
И вожжи влажны и блестят вдоль спицы.
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Совета ищу у мудрейших страны.

Легки мои кони, цвет масти их сив...
И ровно ложатся все вожжи у грив,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Учись, у мудрейших совета спросив!

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ

(II, I, 4)

I

Гляди: цветы у наших слив,
Не краше ль всех они горят!
Никто друг другу так не мил,
Как брату мил бывает брат.

II

Пред смертным ужасом одна
Лишь братская любовь сильна.
И в горах тел среди долин
Труп брата ищет брат один!

III

В долине иволга живет...
Страдают братья от невзгод.
У всех есть лучшие друзья —
Их вздохи множат скорби гнет.

IV

Пусть дома ссорится семья —
У ней отпор врагу един.
У всех есть лучшие друзья —
Их помощи не видел я.

V

Но смерть и мрак побеждены,
Покой и мир внутри страны.
Иль больше брата своего
Мы чтить друзей своих должны?

VI

Ковши и чаши ставьте в ряд,
И выпьем вволю. С нами вновь
Согласье, радость и любовь,
Ковши и чаши ставьте в ряд,

VII

Любовь детей и наших жен,
Как гуслей с цитрой общий звук,
И если с братом дружен брат —
Им радость будет вечный друг.

VIII

Когда в порядке держишь дом —
Всем домочадцам радость в нем.
Друзья, помыслите о сем,—
Мы в этом истину найдем!

О ДРУЖБЕ

(II, I, 5)

I

Согласно стучит по деревьям топор,
И птичий исполнен согласия хор.
Вся стая, из темной долины взлетев,
Расселась в вершинах высоких дерев.
Звучат голосистые песни среди гор —
Подруга с подругой ведет разговор.
Смотри: если птица подругу зовет,
Подруга с подругой ведет разговор,
То как человеку друзей не искать,
Не к другу ль его устремляется взор?
И светлые духи, услышав о сем,
Даруют согласие, и сгинет раздор.

II

Стук в чаще... Топор с топором заодно...
Прозрачное я приготовил вино,
И жирный ягненок для этого дня
Зарезан, и позвана в гости родня;²
А коль не придут, да не скажет никто,
Что, мол, непочтителен был, про меня!
Опрыскан и начисто выметен пол,
И восемь в порядке расставлено блюд,
И жирный теленок поставлен на стол —
Родню моей матери в гости зовут.
А коль не придут, да не скажет никто,
Что я виноват — в поношении и в суд.

III

Стучит по деревьям топор над холмом.
Наш стол изобилен прозрачным вином,
И в полном порядке сосуды на нем,
И братья мои наполняют мой дом.
Достоинство духа народ утерял,
Гоняясь за лишним засохшим куском.⁸
Вино есть — его процедите для нас,
А нету вина, так купите для нас,
Как гром, барабаны, гремите для нас,
Живей, плясуны, попляшите для нас!
А время придет отдохнуть нам — опять
Прозрачное будем вино попивать.

СЛАВОСЛОВИЕ ЦАРЮ

(II, I, 6)

I

Небо навеки храни тебя, царь!
Сила твоя да пребудет тверда,
Благо и счастье да будут тебе,
Да не иссякнут они никогда!
Многие небо щедроты пошлет,
Несть им числа, на года и года!

II

Небо навеки храни тебя, царь!
Даруй без меры щедроты одни!
Долгу послушный, прими от неба:
Милости — будут стократны они.
Счастье, о небо, тебя осени,
Счастье на долгие, долгие дни!

III

Небо навеки храни тебя, царь!
Пусть и все царство твое процветет,
Точно гора иль вершина холма,
Точно утес или горный хребет,
Точно река, что в разливе своем
Все полноводнее мчится вперед.

IV

Время избрав и очистивши все ⁴,
Пир сотворишь и сыновние сам
Жертвы четыре в году принесешь ⁵
Прежним владыкам и предкам-царям.
Их заместитель ⁶ тебе изречет
Жизнь без конца по векам и векам!

V

Светлые духи, представ пред царя,
Счастьем обильным тебя одарят.
Прост твой народ и правдив, что ни день,
Пищу свою добывая в труде.
В черноволосом народе твоём
Доблесть твоя разольется везде.

VI

Ты как луна, чье сиянье растет ⁷,
Ты как пресветлого солнца восход!
Вечностью жизнь да сравнится твоя
С южной горой, что вовек не падет,
Ты как на соснах и туях хвоя,
Что в бесконечном преемстве живет!

В ПОХОДЕ НА ГУННОВ ⁸

(II, I, 7)

I

Собирали мы папоротник по лесам,
И ростки его чуть поднимались тогда,
А когда нам прикажут идти по домам,
Дней в году завершится уже череда.
Ни семьи и ни дома нет больше... Беда —
Это гуннская вторглась орда.
На коленях и то я не мог отдохнуть —
Это гуннская вторглась орда.

II

Собирали мы папортник по лесам,
Были стебли его в эту пору мягки,
А когда нам прикажут идти по домам —
Изболится, иссохнет душа от тоски.
И сердце тоска все мучительней жжет,
Истомил меня голод, и жажда гнетет!
Но охране границы не будет конца,
И проведать домашних не сыщешь гонца.

III

Собирали мы папортник по лесам,
И уж крепкими стеблм казались мне,
А когда нам прикажут идти по домам —
Год подвинется, верно, к десятой луне.
Но на службе царю ты не будь нерадив —
И не мог отдохнуть я, колени склонив...
И скорбит мое сердце сильнее: солдат
Не придет из похода назад!

IV

Чьих цветов красота так нарядно пышна?
Это сливы: прекрасней цветов не найти.
Это чья на пути колесница видна?
Благородного это повозка в пути.
В боевой колеснице четыре коня,
И крепки и могучи его скакуны...
Смею ль я отдыхать? Три победы в бою
Одержать приказал он в течение луны!

V

Впряжены в колесницу четыре коня,
Вижу мощь запряженных четверкой коней,
Благородный наш вождь в колесницу войдет,
Мы, ничтожные, следовать будем за ней.
Ровно кони бегут, их в порядке убор,
Лук в слоновой кости, из кожи тюленя колчак.
Как же нам, что ни день, не сбираться в дозор?
Гуннов с севера крепнет напор!

VI

Помню время, когда уходили в поход,
Был на ивах зеленый, зеленый наряд;
Ныне мы возвращаемся к дому назад —
Только снежные хлопья летят и летят...
Долго, долго солдатам обратно идти,
Нас и голод и жажда томят на пути,
Сердце ранено скорбью. Никто, говорят,
Не узнает, как страждет солдат.

ОДА О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ НАНЬ ЧЖУНА
ПРОТИВ ГУННОВ
(II, I, 8)

I

Выходят ряды боевых колесниц
За дикую степь, устремляясь вперед,
И вождь нам сказал, что от сыпа небес
Приказ поступил собираться в поход.
Велит колесницу свою снаряжать,
Возницу своей колесницы зовет:
«Будь скор и проворен. На службе царю
Немало нам будет трудов и забот!»

II

Выходят ряды боевых колесниц —
Они за предместьями: стяг водружен,
И змей с черепахой расшиты на нем.
Висят бунчуки на верхушках знамен,
Вся в змеях и в соколах ткань их ярка,
И ветер ужель не колышет шелка?
И горе сжимает сердца у солдат,
Томлением страха возница объят.

III

Приказ от царя был Нань Чжуну вручен,
Чтоб дальний Шофан⁹ был стеной укреплен.
Идут колесницы, на ткани знамен
И змей блестят и сверкает дракон.
«Сын неба¹⁰ отдал повеление мне,
Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен!»
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И изгнаны гунны, и враг поражен.

IV

Когда выступали мы в этот поход,
Цвело еще просо в полях, колосясь,
А ныне, когда мы уходим домой,—
Снег падает хлопьями в липкую грязь.
Сколь служба царю многотрудна для нас —
Не мог отдохнуть на коленях солдат!
Иль думы о доме назад не манят?
Нарушить боялись мы царский указ.

V

Уж снова запели цикады вокруг,
Кузнечики скачут... Далеко супруг.
И долго супруга не видит жена,
И сердце болит от волнений и мук,
Лишь только завидит супруга жена,
И сердце ее успокоится вдруг.
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И западных варваров рашит испуг.

VI

И дни удлиняются в пору весны,
И травы пышны, и деревья пышны,
И иволги звонкие песни слышны,
Кувшинки собирают... Из дальней страны
Мы толпами пленных с собою ведем;
Солдат возвращается в брошенный дом.
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И гунны на севере усмирены.

В ОЖИДАНИИ МУЖА, УШЕДШЕГО В ПОХОД

(II, I, 9)

Стоит одинокая груша, смотрю:
Прекрасны плоды, что созрели на ней.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
И тянется пить бесконечная дшей.

Дни быстро склонились к десятой луне,
И сердце тоска разрывает жене —
Вернется ли воин на отдых ко мне?

Стоит одинокая груша, смотрю:
Листы ее так зелены, зелены.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Тоскою поранено сердце жены.
И трав, и дерев зеленеет наряд;
Печали мне женское сердце теснят:
Когда же мой воин вернется назад?

Пошла через северный этот хребет —
Сбираю я нежные пвы ростки...
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Томятся отец наш и мать от тоски.
Изношен уже колесницы сандал,
И каждый скакун истомленным скакал,
Уж близко мой воин, он очень устал.

Они не идут, не впрягают коней,
А сердце болит и тоскует сильней,
Все нет его, минул условленный срок,
На сердце все больше забот и тревог.
В гаданьях я дни провожу, в ворожбе,
И все говорит мне: он близок к тебе!..
Он близко, мой воин, уставший в борьбе.

II

РАДУШНОМУ ХОЗЯИНУ

(II, II, 3)

Всякой-то рыбы мережа полна:
Крупной и мелкой, всего.
Доблестный муж наготовил вина —
Вкусное, много его!

Всякой-то рыбы мережа полна:
Лещ тут, валимов полно.
Доблестный муж наготовил вина —
Много, и вкусно оно!

Всякой-то рыбы мережа полна:
Карпов, форели не счесть!
Доблестный муж наготовил вина —
Вина прекрасные есть.

Много он яств приготовил, взгляни:
Все-то прекрасны они.
Яства отменны на вкус и на цвет,
Видишь: чего только нет!
Сколько хозяин наставил добра —
Значит, настала пора!

РАДУШНОМУ ХОЗЯИНУ

(II, II, 5)

Есть на юге прекрасная рыба,
Эту рыбу ловят мережей...
Есть вино у радушного мужа
Для веселья гостей пригожих.

Есть на юге прекрасная рыба,
И мережей ловить ее надо...
Есть вино у радушного мужа
Всем достойным гостям на радость.

Есть там дерево — ветви низко
Плети тыквы сладкой обвили...
Есть вино у радушного мужа,
Гости пиром довольны были!

Реют голуби всюду, всюду
И слетаются целой стаей...
Есть вино у радушного мужа,
Гости пир повторить мечтают.

СЛАВОСЛОВИЕ ГОСТЯМ

(II, II, 7)

I

На южной горе поднялись камыши,
На северной — травы душисты в глуши.
Достойные, милые гости мои —
Опора всех стран, ваша сила крепка!
Достойные, милые гости мои,
Да будет вам жизнь на века и века.

II

На южной горе разрастается тут,
На северной — тополи, вижу, растут.
Достойные, милые гости мои,
Как блеск наших царств, вас и ценят и чтут.
Достойные, милые гости мои
Пусть тысячи лет бесконечно живут!

III

На южной горе вижу поросли ив,
На северной — рощи обильные слив.
Достойные, милые гости мои
Народу заменят и мать, и отца,
Достойные, милые гости мои,
Их доблестной славе не будет конца!

IV

На южной горе разрослись лозняки,
На северной, вижу, деревья гибки.
Достойные, милые гости мои,
Иль в старости брови не будут густы? ¹
Достойные, милые гости мои,
Пусть доблести слава цветет, как цветы!

V

На южной горе — там осины краса,
На северной, видишь, катальпы леса.
Достойные, милые гости мои,
До желтой ужель не дожить головы? ²
Достойные, милые гости мои,
Потомство свое да взлелеете вы!

ВЫСОКО ПОЛЫНЬ ВОЗРОСЛА

(II, II, 9)

Я вижу: высоко полынь возросла,
Густая роса на цветке.
Мой милый, тебя я увидеть смогла,
И места нет в сердце тоске.
Пируем, смеемся, в беседе такой —
Нам радость с тобой и покой.

Я вижу: высоко полынь возросла,
Роса на полыни крупна.
Мой милый, тебя я увидеть смогла,
Любовь твоя света полна,

Духовная доблесть твоя без пятна —
За долгую жизнь не померкнет она!

Я вижу: высоко полынь возросла,
Повисла роса по листкам.
Мой милый, тебя я увидеть смогла —
Пируем — и радостно нам.
И братьям ты будешь примером, как брат,
Чьи доблести вечную радость сулят.

Я вижу: высоко полынь возросла,
И росы блистают вокруг.
Тебя наконец я увидеть смогла,
И вожжи чуть звякнули вдруг.
Согласный на сбруе бубенчиков звук..
Будь вечно счастливым и радостным, друг!

НА ПИРУ

(II, II, 10)

Густая, густая повсюду роса —
Без солнца не высохнут росы кругом...
Мы длим свою радость, мы пьем в эту ночь —
Никто не уйдет, не упившись вином.

Густая, густая повсюду роса
На травы легла, чуть блеснула заря.
Мы длим свою радость, мы пьем в эту ночь
И пир наш кончаем в покоях царя.

Густая, густая повсюду роса —
Все ивы в росе и жужубы в росе.
Мужи благородства правдиво-светлы,
И каждый прекрасен в духовной красе.

Маслины кругом и катальпы стоят,
Плоды их висящие радуют взгляд.
Мужи благородства в веселье своем
Учтливую важность осанки хранят!

III

ВСТРЕЧА ГОСТЯ

(II, III, 1)

От тетивы свободен красный лук,
Приняв его, я сохранил его.
Достойный гость сегодня у меня —
От сердца — луком одарил его!
Колокола и барабаны в ряд,
И пиром я с утра почтил его.

От тетивы свободен красный лук, —
Приняв его, я крепость дал ему.¹
Достойный гость сегодня у меня,
От сердца счастлив, радуюсь ему.
Колокола и барабаны в ряд —
Я место справа сохранял ему.²

От тетивы свободен красный лук —
Приняв его, в чехол вложил его.
Достойный гость сегодня у меня —
Всем сердцем я всегда любил его.
Колокола и барабаны в ряд —
Все утро я вином поил его!

ГУСТЫЕ ПОЛЫНИ

(II, III, 2)

Густые, густые полыни кругом —
В середине над этим пологим холмом.
Завижу супруга любимого я —
И рада, готовлю учтивый прием!

Густые, густые полыни кругом —
В середине — на этом речном острове.
Завижу супруга любимого я —
И в радости сердца глубокой живу!

Густые, густые полыни кругом —
В середине, где зелен становится склон,
Завижу супруга любимого я —
Как тысячу раковин дарит мне он! ³

Как зыбок, как зыбок из тополя челн,
Нырнет и всплывет он над гребнями волн.
Завижу супруга любимого я —
Мир в сердце, и дух мой спокойствия полн.

О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ ИНЬ ЦЗИФУ
НА ГУНПОВ ⁴
(II, III, 3)

I

В шестую луну объявили тревогу, тревогу,
Ряды боевых колесниц приготовив в дорогу;
Четверки коней горячи и сильны в колесницах.
Погружены латы из кожи обычные. Трогай!
В свирепом напоре кидаются гуннов отряды,
И нам торопиться навстречу кочевникам надо...
Так царь свое войско в далекий поход высылает,
Чтоб в царстве его укрепились и мир, и порядок.

II

Масть в масть наши кони и силою равно богаты,
И к правилам боя коней приучили солдаты.
Мы в эту шестую луну приготовили воинам
И шлемы из кожи, и наши обычные латы.
Коль скоро одежды у нас приготовлены были,
В один переход тридцать ли мы за день проходили. ⁵
Так царь свое войско в далекий поход высылает,
Чтоб сыну небес помогли утвердиться мы в силе.

III

И кони в четверках телами массивны и длинны,
И были огромны широкие конские спины!
И наши войска лишь на гуннские орды напали —
Прекрасные подвиги наши пред всеми предстали!
И полны величья и вместе почтения мы были,
В трудах боевых выполняя повинности наши,
В трудах боевых выполняя повинности наши,
Державе царя мы отныне покой утвердили.

IV

Но гунны, вперед не подумав, доверились силе —
Свой строй развернув, они Цзяо⁶ и Ху захватили,
И заняли Хао, и вторглись в пределы Шофана,
И вышли на северный берег Цзинхэ без изъяна.
Но сокол на знамени тканом сияет узором,
И белые вымпелы блещут, горят перед взором!
И десять больших боевых колесниц устремились —
Дорогу вперед нам открыли могучим напором.

V

Ровны и покойны щиты боевой колесницы:
Передний и задний на ось равномерно ложится.
Могучие кони подобраны в каждой четверке,
Могучие кони обучены строю возницей.
И наши войска нападают на гуннские орды,
Походом на северо-запад идем к Тайюани.
В правленье страной, как и в воинском деле, Инь Цзифу
Для тысячи царств образцом и примером предстанет.

VI

Пирует Инь Цзифу — он рад — миновали невзгоды,
Обильное счастье он принял на многие годы...
Домой возвращается войско из дальнего Хао,
И кажутся вечностью долгие наши походы...
Вином угощая, пирует Инь Цзифу с друзьями,
В жиру черепаха, раскрошенный карп перед нами.
И кто здесь пирует? — Чжап Чжун, повсеместно
известный
Сыновним почтением и братской любовью, с друзьями.

О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ ФАН ШУ
НА ЮЖНЫХ ВАРВАРОВ⁷

(II, III, 4)

I

Отправляясь, они молочай собирали
И на новых полях, что запаханы год,
На полях, что весной лишь они запахали...
Фан Шу прибыл, он войско уводит в поход.
Здесь его колесницы, три тысячи счетом⁸, —
Это рати защита, солдаты за ней.
Фан Шу войско ведет и теперь выезжает
На четверке своих черно-серых коней.
И четверка вперед черно-серая мчится!
Боевая краснеет его колесница!
Верх — циновки, колчан — из тюленевой кожи,
В бляхах копи и вожжи в руках у возницы.

II

Отправляясь, они молочай собирали
И на новых полях, что запаханы год,
И на пашнях, лежащих у самых селений...
Фан Шу прибыл — он войско уводит в поход.
Все его колесницы, три тысячи счетом,
И драконы, и змеи в сверканье видны...
Фан Шу войско ведет и вперед выезжает;
Втулки в коже, в узорном ярме скакуны!
И звенят в удилах колокольчики звоном.
Фан Шу видим в одежды вождя облаченным,
Наколенники ярким багрянцем сияют,
И подвески бряцают⁹ нефритом зеленым!

III

Быстро, быстро вперед устремляется сокол,
И до неба стремится он высокий полет.
Но садится и он и тогда отдыхает,
Фан Шу прибыл, он войско уводит в поход!

И его колесницы, три тысячи счетом —
Это рати защита, солдаты за ней.
Фан Шу войско ведет и в поход выезжает,
Гонгиста ли бьет барабанщик звучней? ¹⁰
Фан Шу, рати построив, им вымолвил слово,
Знаменит он, и речь и верна, и сурова.
Барабаны размеренно бьют наступленье,
И отбой барабанная дробь бьет нам снова.

IV

Как вы, варвары цзинской земли ¹¹, бестолковы —
Стать врагами посмели великой стране!
Фан Шу — старец великий, преклонный годами,
Силу дали советы его на войне.
Фан Шу войско ведет и теперь выезжает,
Толпы схвачены... Пленных к допросу ведут.
Без числа боевые идут колесницы,
В нарастающем грохоте снова идут.
Точно грома удары и грома раскаты.
Слово старца великого крепко и свято!
Прежде в дальних походах разбиты им гунцы.
Смирны южные варвары, страхом объаты.

ЦАРСКАЯ ОХОТА

(II, III, 5)

I

Колесницы охотничьи наши прочны и крепки,
Наши кони подобраны, равно сильны и легки,
Вижу: кони в четверке в груди широки, широки.
Запрягайте коней, на восток выезжайте, стрелки.

II

Колесницы охотничьи наши, гляжу, хороши,
И в четверки коней подобрали мы самых больших.
На востоке там травы растут и растут камыши;
Запрягай лошадей, на охоту скорее спеши!

III

Вот они на охоте: избрали испытанных слуг,
Их ауканьем степи кругом оглашаются вдруг.
Установлено знамя со змеями, поднят бунчук —
Там, у Ао¹², облавы на зверя смыкается круг.

IV

По четверке коней в колесницы князей впряжены,
И одна за другою четверки приходят на стан.
Наколенники алые, в золоте тувфель сафьян.
Собираются гости, блюда и порядок, и сан.

V

Костяное кольцо налокотнику ровно под стать¹³,
Стрелы к луку подобраны — ни тяжелы, ни легки...
И в едином порыве согласно стреляют стрелки;
Помогают нам в кучи убитую дичь собирать.

VI

Светло-рыжие кони четверкой у нас впряжены,
По бокам пристяжные — не станут тянуть они вкось,
Быстро гонит возница, чтоб время терять не
пришлось,
Стрелы метко летят и пронзают дичину насквозь.

VII

С тихим присвистом, слышу я, ржут здесь и там
скакуны;
И значки и знамена, что плещутся в ветре, видны.
Нет тревоги: ни пеший, ни конный нигде не слышны.
Кладовые большие при кухне еще не полны.

VIII

Вот охотники едут, и шум колесницы возник,
Слышен шум колесницы, не слышен ни голос, ни
крик.
Вижу: муж благородства воистину наш государь —
И, по правде, в деяниях, им совершенных, велик!

ЦАРСКАЯ ОХОТА

(II, III, 6)

I

Счастливым днем был мой¹⁴, и молиться
Коней защите¹⁵ начали тогда.
Охотничьи прекрасны колесницы,
Крепки в четверке кони, без труда
На этот холм большой она стремится,
Преследуя бегущие стада.

II

Счастливый день гэн-у¹⁶,— мы так решили,
Коней сыскали, что равны по силе;
Где дичь водилась, тот избрали лес.
Где бродят лани целыми стадами,
По рекам Ци и Цзюй — над берегами
Охотиться здесь будет Сын небес.

III

И видишь ты долину пред собою:
Стада пасутся широко вокруг,
Олени — то бредут себе гурьбою,
То парами, как будто с другом друг.
Сюда людей мы привезли с собою,
Чтоб Сыну неба усладить досуг.

IV

И вот мы натянули наши луки,
На тетиве сжимают стрелы руки,
Здесь сбили поросенка кабана,
Там носорога валят с ног удары.
Да будет пир обилен наш, и в чары
Гостям нальем мы нового вина.

ТО ГУСИ ЛЕТАТ ¹⁷

(II, III, 7)

То гуси летят, то летят журавли
И свищут, и свищут крылами вдали...
То люди далеким походом идут,
И тяжек, и труден в пустыне поход.
Достойные жалости люди идут,
О, горе вам, сирый и вдовый народ!

То гуси летят, то летят журавли,
К болоту слетаясь, садятся на нем...
То степы жилищ воздвигает народ,
Что встали на тысячи футов кругом.
Хоть труд наш велик и тяжел — наконец
Покойный себе мы построили дом.

То гуси летят, то летят журавли,
И слышен тоскливый, тоскливый их крик...
Коль мудрый услышит его человек,
Он скажет, что труд наш безмерно велик!
А глупый услышит его человек,
И скажет, гордыней рожден этот крик.

НОЧЬ ВО ДВОРЦЕ

(II, III, 8)

«Кончается ль ночь?» — вопрошает нас царь.
— И полночи нет и во тьме небосклон,
Сиянием факелов двор озарен;
Мужи благородства спешат ко двору,
И слышен вдали колокольчиков звон ¹⁸.

«Кончается ль ночь?» — вопрошает нас царь.
— Нет, ночи еще не кончается круг,
Бледнеет сияние факелов вдруг;
Мужи благородства спешат ко двору,
И слышен вблизи колокольчиков звук.

«Кончается ль ночь?» — вопрошает нас царь.
— Сменяет заря предрассветную тьму,
И факелы меркнут и гаснут в дыму;
Мужи благородства спешат во дворец,
Драконы знамен мне видны самому.

ДУМЫ О СМУТЕ В СТРАНЕ

(II, III, 9)

То реки в разливе стремятся к морям,
И почесть, и дань им воздав, как царям.
То сокол свой быстрый свершает полет,
Взлетит высоко и опять отдохнет.
О, горе вам, братья мои и друзья,
О, горе, сограждане, вам без конца!
Не хочет подумать о смуте никто,
Иль матери нет у него и отца?

То реки в разливе стремятся к морям —
Они широко, широко разлились.
Так сокол свой быстрый свершает полет,
То низко парит он, то взмлет он ввысь.
Я в думах о тех, кто стезю утерял,
Вот встал, вот иду я — покоя лишись!
И в сердце твоём только скорбная боль,
Ее не забудешь, не скажешь: смирись!

То сокол свой быстрый свершает полет
И правит свой путь на вершину холма.
В народе растут голоса клеветы,
Ужели смирить их не хватит ума?
Друзья, коль внимательны будем к себе,
Поднимется ль ложь и неправда сама?

ПРОТИВОРЕЧИЯ

(II, III, 10)

Кричит журавль меж девяти болот,
Но криком тем и ширь полей полна.
И рыба, что скрывалась в бездне вод,
Теперь средь желтых отмелей видна.
Приятный взору пышный сад цветет,
Катальпа в нем посажена, растет,
Но мертвый лист под ней у наших ног.
А из камней высокой той горы
Возможно также сделать оселок!

Кричит журавль меж девяти болот,
Но криком тем и высь небес полна.
И рыба, что на отмели видна,
Скрывается порою в бездне вод.
Приятный взору пышный сад цветет,
Катальпа в нем посажена, растет,
Но там под ней лишь жалкий тут стоит,
И камнями высокой той горы
Возможно также обточить нефрит!

IV

ЖАЛОБА ВОИНОВ, СЛИШКОМ ДОЛГО ЗАДЕРЖАННЫХ НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, IV, 1)

О ратей отец! ¹
Мы — когти и зубы царям!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь?
Нет дома, нет крова нам.

О ратей отец!
Мы когти царя на войне!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь?
Нет ныне приюта мне.

О ратей отец!
Не счесть тебя умным никак!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь —
И сир материнский очаг?

БЕЛЫЙ ЖЕРЕБЕНОК

(II, IV, 2)

Светло-светло-белый жеребенок,
В огороде ешь росточки, милый.
Привяжу тебя, тебя стреножу,
Чтобы это утро вечным было,
А тому, о ком здесь речь веду я,
Отдыхать со мною не постыло.

Светло-светло-белый жеребенок,
Ешь бобы, не уходи далече;

Привяжу тебя, тебя стреножу,
Чтобы вечно длился этот вечер!
Значит, тот, о ком здесь речь веду я,
Гость прекрасный,— он доволен встречей.

Светло-светло-белый жеребенок,
Прибегай к нам, убранный богато!
Ты же, князь мой, да пребудешь вечно
В радости и в счастье без утраты!
Да остерегись гулять беспечно,
Не упрямясь, не беги куда-то!

Светло-светло-белый жеребенок —
Там теперь он, в той пустой долине,
Он пучком травы доволен ныне...
Ты ж, как яшма, благородно-тонок,
Не скупись, ценя, как золото, слово!
Сердце так не отдаляй сурово!

НА ЧУЖБИНЕ

(II, IV, 3)

Иволга, иволга, ты не садись
Там, где тутовника чаща видна;
Птичка, не клюй моего ты зерна.
Люди на этой чужой стороне
В дружбу не верят — угрюмость одна.
Ах, я уйду, я домой возвращусь —
Близкие там и родная страна!

Иволга, иволга, ты не садись,
Стаи, вы здесь не слетайтесь на тут,
Птички пусть сорго мое не клюют!
Люди на этой чужой стороне
Мне далеки и меня не поймут...
Ах, я уйду, я домой возвращусь.
Старшие братья дадут мне приют.

Иволга, иволга, ты не садись
Вместе со стаей на этот дубок,
Просо клевать не стремись ты на ток.

Люди на этой чужой стороне
Плохи — я с ними ужиться не мог!
Ах, я уйду, я домой возвращусь.
Верно, у дядей найду уголок.

ТАМ, ПО ДИКОЙ ПУСТЫНЕ

(II, IV, 4)

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
И айланты тенистые были кругом.
Я к вам ехала — в жены вы брали меня;
Я мечтала — мы с вами теперь заживем.
Вы же, муж мой, делеять не стали меня —
Я в родную страну возвращаюсь, в мой дом...

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
Собирала я травы в пути по полям.
Я к вам ехала — в жены вы брали меня;
Чтобы с вами зажить, я отправилась к вам.
Вы же, муж мой, делеять не стали меня —
Предаюсь о дороге обратной мечтам!

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
Собирала дороною корни травы...
Только прежнюю вы позабыли меня
И подругу иную сыскали, увы!
Вы не ради богатства забыли меня —
Только ради другой это сделали вы!

НОВЫЙ ДВОРЕЦ

(I, IV, 5)

I

Берег реки полукругом, как лук,
Южные горы тенисты вокруг.
Дом, точно крепкий бамбуковый лес,
Точно сосна, что выросла до небес.

С братьями в доме да встретится брат —
Будет любовь между нами крепка,
Пусть нас минует коварный разлад!

II

Предкам наследуя, стал ты царем,
В тысячи футов воздвиг себе дом,
Смотрят ворота на запад и юг.
В нем заживешь ты, устроишься в нем,
Смех и беседы услышишь вокруг.

III

Досками место для стен обнесли,
Плотно меж досок набили земли.
В дом не проникнут ни ветер, ни дождь,
Птица и мышь не проникнут! Как встарь,
Место почтено и свято, где царь!

IV

Дом, как почтения полный, встает,
Горд, как стрела, что стремится вперед;
Кровля — как будто фазана полет,
Как оперение птицы ярка!
Наш государь во дворец свой войдет.

V

Двор разровняли, и с разных сторон
Ввысь устремились вершины колонн.
Весел дворец твой на солнце, взгляни:
Он и глубок, и просторен в тени,
Будет царем здесь покой обретен.

VI

Всюду циновки — бамбук и камыш,
В спальне покой и глубокая тишь.
Встанешь поутру от сна тишины,
Скажешь: «Раскройте мне вещие сны!
Те ль это сны, что нам счастье сулят?
Снились мне серый и черный медведь,
Змей мне во сне доводилось узреть».

VII

Главный гадатель отвечает так:
«Серый и черный приснился медведь —
То сыновей предвещающий знак;
Если же змей доводилось узреть —
То дочерей предвещающий знак!

VIII

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл² как игрушку дарят.
Громок их плач... Зablестит наконец
Их наколенников яркий багрец³ —
Примут уделы и царский дворец!

IX

Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!
Зла и добра им вершить не дапо,
Пищу варить им да квасить вино,
Мать и отца не заставит страдать».

ХОЗЯИНУ СТАД

(II, IV, 6)

I

Кто скажет, что мало овец у тебя!
В одном только стаде их триста голов!
Кто скажет, что мало быков у тебя?
Лишь рыжих с пятном девяносто быков!
Бараны и овцы твои подошли,
Не бьются рогами бараны, стоят.
Быки и коровы твои подошли,
И только ушами они шевелят.

II

Спускаются ниже стада по холмам,
Иные пошли к водопою на пруд,
Иные лежат, а иные бредут.
Твои пастухи приближаются к нам,
Их шапки — бамбук, а плащи их — камыш.
Несут на спине они пищу. Глядишь:
Стада одномастны по тридцать голов —
Дар духам и предкам обильный готов.

III

Твои пастухи приближаются к нам,
Убитая дичь в их руках и дрова,
И хворост сухой, и сухая трава:
Бараны твои приближаются к нам,
Они и крупны, и отменно крепки,
Больных или слабых нет в стаде; едва
Ты сделал им знак мановеньем руки,
И стадо послушно заходит в хлева.

IV

Уж спят пастухи, снится сон пастухам:
И рыбы, и толпы людские подряд,
И змеи, и сокол на стягах горят...

Великий гадатель отвечает нам:
«И толпы людские, и рыбы подряд —
Воистину то плодородия год.
Коль змеи и сокол на стягах горят —
Умножится в царстве повсюду народ!»

ОДА БЛАГОРОДНОГО ЦЗЯ ФУ,
ОБЛИЧАЮЩАЯ ЦАРЯ
И ЦАРСКОГО СОВЕТНИКА ИНЬ
(II, IV, 7)

I

Как высоки вы, южные горы,
Скалы теснятся высоко в синь...
К вам весь народ устремляет взоры,
Царский наставник, великий Инь!
Горе сердца сжигает, как пламя,
Вымолвить слово мешает страх,
О, неужель вы не видите сами:
Царство готово низвергнуться в прах.

II

Южные горы высокие в даях,
Скатов, покрытых деревьями, синь...
О, почему вы неправедным стали,
Царский наставник, великий Инь?
Небо нам мор посылает снова,
Ширится смута, и сколько бед!
И не услышишь отрадного слова,
В вас же нисколько раскаянья нет!

III

Юнь, господин наш и вождь государства,
Чжоу престола ты твердь и оплот,
Держишь в руке равновесие царства,
Объединяешь страну и народ!

О, прекрати заблужденья народа,
Сыну небес⁴ будь опора и щит!
Нас же в немилости долгой невзгодой
Небо великое не истощит!

IV

Личного вы не даете примера,
К службе закрыт благородному путь,
К вам у народа разрушена вера.
Но государя нельзя обмануть!
Будьте воздержанны, дух свой смирите,
Низким, как щит, не вверяйте закон!
К службам доходным пути преградите
Жадной, ничтожной родне ваших жён!

V

Вышнее небо не право и снова
Всем нам грозит разореньем от смут,
Вышнего неба немилость сурова,
И прегрешения наши растут.
Если усердья исполнен правитель,
Снидет покой на людские сердца;
Если вы помыслы сердца смирите,
Сгинут и злоба, и гнев до конца.

VI

Неба великого гнев над страную!
Смута, предела не зная, растет,
И умножается с каждой луною,
Благостей мира лишая народ.
Сердце как будто пьяно от печали...
Кто у нас держит кормило страны?
Править страной вы давно перестали,—
Скорбь и страданья народа страшны!

VII

У четырех скакунов в колеснице
Шей крутые могучи, но, мнится,
Вижу я царства четыре предела —
Всюду лишь бедность и некуда скрыться!

VIII

Злобой исполнясь, вы вступите в свару —
Вижу я: копыта готовы к удару⁵.
Что? Уже радость и мир между вами,
Точно вы пили заздравную чару?!⁶

IX

Небо великое в гневе сурово!
Царь наш покоя не ведает снова —
Сердце смирить он не хочет и только
Гневом встречает правдивое слово.

X

Песню слагая, подумал я: надо
Грех ваш теперь обличить без пощады,
Чтоб изменили вы помыслы сердца,
В мире взлелеяли царств мприады!

ПАЛ ЛЕТОМ БЕЛЫЙ ИНЕЙ⁶

(II, IV, 8)

I

Пал летом белый иней вдруг,
И сердце ранил мне испуг;
В народе лживая молва
Растет и ширится вокруг.

Лишь вспомню, как я одинок,—
Сильнее боль сердечных мук,
От скорби тяжкой и тревог
Все тело охватил недуг.

II

Мне дали жизнь отец и мать,
Чтоб я изведаль скорби гнет!
Зачем ни прежде я рожден,
Ни после этих злых невзгод?
Хвалу ли рот их пропоет,
Хулу ли рот их изрыгнет —
В них правды нет, и скорбь растет,
Обиды множа в этот год.

III

Свою недолю вспомню я,
И в скорбном сердце боль и стон:
О весь народ наш! Без вины
В рабов он будет превращен⁷.
Мы, горькие, отыщем, в ком
И наше счастье, и закон.
Я вижу: ворон вниз летит;
На чью же кровлю сядет он?

IV

Так лес лишь хворост и дрова
Являет взору моему...
Народ в беде, он к небу взор
Поднял — оно сокрылось в тьму.
Когда решит оно смирить —
Кто воспротивится ему?!
Великий неба государь
Питает ненависть к кому?

V

Нам скажут, что гора низка,
Но все мы видим высь хребтов⁸.
В народе лживая молва,
Но опровергнуть кто готов?
Значенье снов спешат спросить
У старцев... Их ответ таков:
«Я мудр, но кто же отличит
От самок воронов-самцов?»

VI

Высоко небо, но под ним
Не смею не склонить главы...
Крепка земля, но я хожу
Лишь с осторожностью, увы...
Но есть и правда, и закон
В реченьях сих людской молвы!
О люди нынешних времен,
Зачем на змей похожи вы?!

VII

Смотри, как буйно вдруг пророс
Ростками тот высокий склон!
Коледлет небо жизнь мою,
Но небом я не сокрушен!
Искали правила во мне.
Как будто не был я найден;⁹
Меня схватили как врага,
Но силой я не побежден.

VIII

О, сердца боль! Как будто кто
Тенетами связал его!
Правленье нынешних времен —
Зачем, скажите, таково?

Пылает пламя высоко,
Кто может погасить его?
Столица Чжоу велика,
Погубит Бао Сы его! ¹⁰

IX

Я с вечной думой о конце
Смотрю: под проливным дождем
Нагружен кладью полный воз,
Но скрепы брошены на нем...
И кладь в грязи, и мы тогда —
«Ах, сударь, помоги!» — зовем.

X

О, если ты не сбросишь скреп,
Что спицам дать должны оплот,
Коль ты к вознице будешь строг ¹¹,
На землю кладь не упадет,
И будет трудный путь пройден!..
Но нет твоих о сем забот.

XI

Так рыбы, брошенные в пруд,
Не могут радоваться тут!
Они всегда видны в воде,
Пусть хоть на дно они уйдут ¹².
Сколь сердца горесть глубока
В стране жестокостей и смут!

XII

У них есть сладкое вино,
У них отменных яств полно,
И к свату в гости ходит сват,
Сосед с соседом заодно!
Я ж вспомню, как я одинок,
И горе в сердце так сильно!

ХІІІ

Кто низок, тот имеет дом;
Кто подл, тот награжден зерном.
Несчастен ныне наш народ,
Небесным поражен бичом!
Богатый сыт, а тот, кто сир
И одинок,— скорблю о нем.

О ЗНАМЕНЬЯХ НЕБЕСНЫХ И ЗЕМНЫХ, ПРЕДВЕЩАЮЩИХ БЕДСТВИЯ

(II, IV, 9)

I

Лишь началась десятая луна,
И в первый день луны, синь-мао день,
Затмилось солнце. Горе и беду
Великие сулит затменья тень!
Тогда луна утратила свой свет,
И вместе солнце ¹³ свой сокрыло свет —
Внизу народу нынешних времен
Великая печаль, спасенья нет!

II

Луна и солнце бедствием грозят,
Сойдя с орбиты. С четырех сторон
Во всей стране нигде порядка нет —
Путь к службе лучшим людям прегражден.
Тогда луна утратила свой свет,
Но это — вечный для луны закон...
А ныне солнце свой сокрыло свет!
В чем зло лежит, что ныне скрылся он?

III

И молнии блестят, грохочет гром!
И мира нет, как нет добра кругом.
Вода, вскипев, на берег потекла,
С вершины горной рушилась скала,
Где берег горный — там долины падь,
И там гора, где впадина была.
О, горе! Люди нынешних времен,
Из вас никто не исправляет зла!

IV

Был Хуан-фу всей властью облечен,
Фань просвещеньем ведал у царя,
Цзя-бо — правитель, Цзюй ведет дела,
Чжун-юнь на кухне правит, чуть заря.
А Чжоу-цзы? Вершит законы он,
Карая и щедротами дая,
Гуй — ковышый. Наложница на трон
Взошла в ту пору ¹⁴, красотой горя.

V

Советник царский этот, Хуан-фу,
Не скажет, что не время для работ ¹⁵,
Он, на послуги посылая нас,
Просить у нас совета не придет.
И дом оставлен, брошена земля,
В воде и в сорняках у нас поля.
А он в ответ: «Я не чиню обид,
Так долг ваш перед старшими велит!»

VI

О, этот Хуан-фу большой мудрец!
Себе возвел он главный город в Шан,
Трех богачей в советники избрал
И каждого возвел в высокий сан.
Он не оставил старца одного

Хранить царя у нас — приказ им дан
Всем, кто имел повозки и коней.
Идти за ним селиться в город Шан.

VII

И хоть работай не жалея сил,
Сказать не смей, что слаб ты, изнурен.
Хоть нету ни проступка, ни вины,
Но злые рты шипят со всех сторон.
Нет! Разве небо наказанье шлет
Тебе, народ, в страданьях и беде?
Оно — вдали, а злоба — за спиной —
Зависят распри только от людей!

VIII

Со скорбью вспомню мой родимый дом —
Великое страданье вижу в нем,
Везде избыток с четырех сторон,
Лишь я живу, печалью удручен.
У всех людей и отдых есть, и смех,
Вздохнуть не смею я, один из всех.
Неравный дан удел от неба нам:
Друзья живут спокойно, я один
Не смею подражать своим друзьям!

ВЕЛИК ТЫ,
НЕБА ВЫШНИЙ СВОД

(II, IV, 10)

I

Велик ты, неба вышний свод!
Но ты немилостив и плешь
И смерть, и глад на наш народ,
Везде в стране чинишь грабеж!
Ты, небо в высях, сеешь страх,
В жестоком гневе мысли нет!

Пусть те, кто злое совершил,
За зло свое несут ответ.
Но кто ни в чем не виноват —
За что они в пучине бед?

II

Преславных Чжоу род угас,
И негде утвердиться им —
Вельможи бросили дома,
Наш горький труд для них незрим.
Не бдят советники царя,
Как прежде, до ночи с утра,
И на приемах нет князей
Весь день у царского двора.
О царь, всему наперекор
Ты зло творишь взамен добра!

III

Мой голос к вышним небесам!
Нет веры истинным словам.
Как путник, царь бредет вперед,
Куда ж придет — не знает сам.
Ужели, доблести мужи,
Лишь за себя бояться вам?
Друг перед другом нет стыда,
И нет почтенья к небесам!

IV

В войне царь не идет назад,
Добром не лечит в мор и глад!
А я, постельничий, с тоски
Все дни недугами объят:
Советов доблести мужи
Царю, как прежде, не дарят;
Что б ни спросил, — «Да, да!» — ответ.
Пред клеветой бегут назад.

V

О, горе тем, кто слов лишен;
Не только их бесплодна речь —
Она страданье может влечь!
От тех, кто слова не лишен,
Лишь лесть одна течет рекой,
Суля им счастье и покой.

VI

«Иди служить!» — На службе ложь,
Одни шипы и страх! И вот,
Коль негодное речешь —
Опалы царской примешь гнет;
Царю угодное речешь —
Друзей негодование ждет.

VII

Вернитесь же, друзья, назад!
«У нас нет дома! — говорят,—
В тоске мы с кровью слезы льем,
Промолвим слово — горе в нем!»
Когда в чужие страны шли —
Кто шел за вами строить дом?!

V

ОДА О НЕПРАВЫХ СОВЕТНИКАХ

(II, V, 1)

I

Далекое небо простерло впизу, на земле,
Одну лишь немилость, и гнев его грозный жесток!
Советы царю, зарождаясь в неправде и зле, —
Когда остановят они свой губительный ток?
Благие советы бывают — не следуют им,
Охотнее следуют, чаще — советам дурным.
Услышу я эти дурные советы царю —
И вот уж великой печалью и скорбью томим!

II

Вы вместе сойдетесь — злословье одно за спиной...
Не так же ль большую печаль оно сеет вокруг?
А если хороший совет предлагает иной,
Вы все заодно на него тут восстанете вдруг.
Но если дурные советы предложит иной —
Тут все заодно на него опираетесь вы!
Помыслию об этих зловредных советах царю:
К какому концу привести они могут? Увы!

III

Гадаем ли мы утомили своих черепах? ¹ —
Они не вещают нам больше грядущий удел.
Не слишком ли много советников в царском дворце?
И не оттого ли не видим исполненных дел?
У нас предложенья царю переполнили двор,
Но выполнить их безбоязненно кто бы посмел?
Так путник, что только судачит, не смея идти,
Вперед оттого не подвинется вовсе в пути.

IV

И ваших решений предвижу я жалкий конец —
Вы древний народ наш не взяли себе в образец;
Великие истины царь наш не ставит в закон —
Одни пустяковые речи и слушает он.
Одни пустяки, и о них только споры кругом!
Коль домостроитель с прохожими станет рядить —
Навряд ли успеет он вовремя выстроить дом.

V

Хоть в царстве у нас ничего еще твердого нет,
Но мудрые люди нашлись бы, пожалуй, и здесь;
В народе у нас, хоть немного осталось его,
Разумные люди, советоподатели есть,
Достойные видом, способные править умы!..
И точно источник бегущей и чистой воды,
К погибели общей теперь не стремились бы мы.

VI

Никто б не посмел безоружным на тигра идти,
Чрез Желтую реку не стал бы шагать пешеход,
Но люди, что знают об этих простейших вещах,
Не знают сравнений и даже не смотрят вперед.
И страхом страшась, весь дрожу я, предвидя беду!
Как будто, приблизившись к бездне глубокой, стою,
Как будто я первым ступаю по тонкому льду.

ОДА О ВОСПИТАНИИ

(II, V, 2)

I

Пусть птица-певунья собою мала —
Способна до самого неба взлетать...
Какая на сердце мне давит печаль,
Лишь только я предков начну вспоминать!

И я до рассвета уснуть не могу —
Покойные в думах отец мой и мать.

II

Кто ровен и мудр, хоть и выпьет вина,
Себе господин, в нем приятность видна.
А кто неумен да невежда притом,
День за день все больше сидит за вином.
Но каждый да помни о долге своем:
Судьбу утерав, не воротишь потом!

III

В глубокой долине растут бобы,
Я вижу: народ собирает их.
Не жаль шелкопряду детей своих —
Порою оса похищает их.
Добру научите детей своих —
Подобными вам воспитайте их!

IV

Иль на трясогузку ты бросишь свой взор —
Она и поет, и летит на простор...
Вперед, что ни день, я все дальше иду,
Шаг с каждой луной ускоряй — все не скор!
Пораньше вставай и попозже ложись —
Родившим тебя да не будешь в укор.

V

Вот птица порхает, что в тутах живет, —
Клюет она, с тока таская, зерно...
О, горе вдовицам у нас и больным —
Им, сирым, в темницах страдать суждено.
Лишь с горстью зерна выхожу со двора
Гадать, как идти мне стезею добра.

VI

Будь мягок, почтенья исполнись к другим,
Как птицы, что сели на ветви дерев.
Мы, будто приблизясь к обрыву, стоим —
Будь чуток с другими и сдерживай гнев,
Будь так осторожен, как тот на пруду,
Кто первым проходит по тонкому льду.

ВОРОНЫ ПО ВОЗДУХУ КРЫЛЬЯМИ

БЬЮТ ²

(II, V, 3)

I

Вороны по воздуху крыльями бьют —
Обратно к родным вылетают местам.
У всякого счастье свое и приют,
И только несчастлив и грустен я сам.
Грехи ли мои перед небом тяжки?
В какой перед ним я повинен вине? —
Но только исполнено сердце тоски,
Не знаю, что делать несчастному мне?

II

Большая дорога гладка и ровна,
Но пышной травой вся покрылась она.
И сердце тоскою разбито мое,
Поранено сердце, и горесть сильна,
Она превратила меня в старика,
В постели я только вздыхаю без сна...
О, сердца тоска и глубокая боль!
И как голова тяжела и больна.

III

Посажены были катальпа и тут —
А люди и нежат деревья, и чтут³.
Я мог на отца лишь с надеждой взирать,
Была мне привычной опорой мать.
Мои волоса не от их ли волос,
Не я ль к материнскому чреву прирос?
О небо! Иль не было лучшего дня,
Чем тот, когда мать породила меня?

IV

На ивах зеленый, блестящий наряд,
И звонкое слышится пенье цикад;
Глубокие воды... Над ними в тиши
Стоят тростники, и густы камыши.
А я точно челн — по течению вод
Скользит он, не зная, куда приплывет!
О, сердца тоска и глубокая боль!
И сном мне забыться нельзя от забот.

V

Легко, осторожно ступая ногой,
Свой бег умеряет нарочно олень;
Чтоб самок своих отыскать, поутру
Фазаны призывней кричат что ни день.
А я, точно древо гнилое, стою,
Оно без ветвей увядает одно.
О, сердца тоска и глубокая боль!
Узнает ли кто, как страдало оно?

VI

Бегущего зайца мы видим, и то,
Бывает, кто-либо спасает его.
Коль труп незнакомый лежит у пути,
Кто-либо всегда погребает его!

Но черствое сердце теперь у царя,
И мой государь не смягчает его.
О. сердца тоска и глубокая боль!
И слезы текут, не смиряя его.

VII

Ты принял легко, государь, клевету,
Как будто заздравную чашу вина;
Меня не любя, на досуге, увы,
Не стал проверять ты, была ли вина.
Срубая, дай дереву крепкий упор,
Вдоль жил направляй, если колешь, топор —
Преступных оставил по воле ходить,
Лишь я без вины осужден на позор.

VIII

Что выше бывает, чем гор вышина?
Что глубже идет, чем ключа глубина?
Не будь же так легок в речах, государь,—
Бывает, что уши имеет стена.
Пусть он не подходит к запруде моей,
Мою да не снимет он с рыбами сеть! ⁴
Тот, кто без вниманья оставил меня,—
В беду попади я — не станет жалеть!

ОДА О КЛЕВЕТНИКАХ

(II, V, 4)

I

Высоко ты, небо, в величье своем;
Отец наш и мать — так мы небо зовем.
Не знаю на нас ни греха, ни вины,
А смуты в стране велики и сильны,
И небо великое в гневе на всех,
Смотрю на себя и не вижу, в чем грех;
А кары великого неба сильны...
Смотрю на себя и не вижу вины.

II

Не с ложью ли смута сплетясь, разрослась,
Когда, государь, допустил ее ты?
И смута еще и еще разрослась,
Когда ты поверил речам клеветы!
Коль гневом ты встретил бы ложь, государь,
То сразу бы смута смирилась без сил;
Коль милостью истину встретил бы царь —
То сразу бы смуте предел положил.

III

Великие клятвы⁵ ты часто даешь,
А все разрастаются смута и ложь.
Доверился людям, чье дело — разбой,
И яростней смута встает пред тобой.
Разбойничьи речи для слуха сладки,
А смута и ложь и сильны, и крепки.
Свой долг позабыв и добра не творя,
Готовят советники гибель царя.

IV

Храм предков, гляжу, — величав, величав —
Достойный правитель построил его;
Я вижу порядок великих начал —
Мудрец, заключаю, устроил его.
Стремление зрю в человеке другом —
Обдумав его, разбираю его.
А заяц — он петлями скачет, хитрец.
Собака навстречу, хватает его.

V

Деревья, что стали гибки и мягки,
Сажали для нас благородства мужи.
Услышишь случайных прохожих слова —
В них сердцем отделишь ты правду от лжи.
Великие в мире роятся слова
И прямо исходят из уст без труда,
А речи льстеца точно шны поют, —
На важном лице не увидишь стыда.

VI

А тот, кто клеветает, — какой человек?
Жил в травах густых он, в излучинах рек;
Нет мужества в нем, нет и силы в руках,
Призвание его — быть лишь к смуте путем
Опора гнила, как стопы в гнойниках!
Откуда возьмется и мужество в нем?
Хоть тьма у тебя пачинаний больших,
Но много ль сторонников будет твоих?

ОДА О ВЕРОЛОМНОМ ДРУГЕ

(II, V, 5)

I

Что ты за человек, не знаю я,
Но замыслы твои опасны. Кто ты?
Приблизился к моей запруде ты,
Но не зашел зачем в мои ворота?
Кто спутник твой — шел следом за тобой?
То Бао, он стоял у поворота.

II

Два человека шли друг другу вслед;
Кто создал мне несчастье так сурово?
Приблизился к моей запруде ты,
Зачем же не вошел утешить словом?
Таким вначале не был ты — теперь
Не счел меня достойным дружбы снова!

III

Что ты за человек, не знаю я.
Зачем ты подошел к дорожке сада?
И голос этот слышал я вблизи,
Но не видал, как ты вошел в ограду.
Не знаешь ты стыда перед людьми,
И страха перед небом знать не надо.

IV

Что ты за человек, не знаю я;
Так буйный вихрь летит, сбиваясь с круга...
Зачем не с севера приходишь ты,
Зачем ко мне ты не приходишь с юга?
Зачем приблизился к запруде ты
И только растревожил сердце друга?

V

Не торопясь, ты едешь, и тогда
Нет времени у нас остановиться;
Стремительно ты мчишься — и тогда
Находишь время смазать колесницу!
Чтоб ты хоть раз один ко мне пришел,
Как жажду я, — но суждено ли сбыться?

VI

Когда вернешься и войдешь ко мне —
Наполнишь сердце радостью такою;
А не войдешь, как будет трудно мне
Понять отказ и справиться с тоскою!
Когда бы ты хоть раз ко мне пришел,
И я б тогда исполнился покоя.

VII

Сюап и флейта в лад поют — сильна
Была в нас дружба с братскою любовью⁶,
Жемчужных мы на нитке два зерна!
Коль впрямь меня не знаешь, по условию,
Три жертвы⁷ принеси, и поклянись,
И губы омочи священной кровью!

VIII

Коль мертвый дух иль оборотень ты —
Твое лицо для нас непостижимо;

Но виден всем твой лик, твои глаза,
И видишь ты всегда идущих мимо!
Я эту песню добрую сложил,
Чтоб двойственность твоя явилась зримо.

ОДА О КЛЕВЕТНИКАХ

(II, V, 6)

I

Причудливо вьется прекрасный узор —
Ракушками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превзошли вы искусство ткача.

II

Созвездие Сита⁸ на юге блестит,
Язык растянув, непомерно для глаз.
Смотрю я на вас, мастера клеветы,
Кто главный теперь на совете у вас?

III

Стрекочете вы, там и тут егозя,
Кого б оболгать, только ищете вы.
В словах осторожнее будьте. Увы! —
Уже говорят, что вам верить нельзя.

IV

Двуличный пронырлив — и тут он, и там.
Дать волю он думает лживым словам.
Смотрите же: то, что не примут от вас,
С бедою назад не вернулось бы к вам!

V

Спесивый и гордый доволен и рад,
 Трудом изнуренный — печалью объят.
 О синее, синее небо вдали,
 Взгляни на спесивых и гордых земли,
 Трудом изнуренных печаль утоли!

VI

О ты, клеветы зачинатель и лжи,
 Кто главный у вас на совете, скажи?
 Клевещущих, лгущих хватал бы я сам
 И лютым бы тиграм бросал и волкам;
 Коль тигры б и волки их жрать не смогли,
 На север погнал бы их, к краю земли;
 Коль в мрачные север не примет края,
 К великому небу их кинул бы я!

VII

Дорожка от сада в ветвях тополей
 Приводит к холму, что меж хлебных полей!⁹
 Лишь евнух я¹⁰, Мэн-цзы, в покоях дворца;
 Я эту правдивую песню сложил.
 Прошу вас, прослушав ее до конца,
 Размыслить о ней, благородства мужи!

О НЕВЕРНОМ ДРУГЕ

(II, V, 7)

С востока веет ветерок,
 И дождь к нам прилетает вслед за ним,
 Ты страхом был и ужасом томим —
 В те дни лишь я с тобою был вдвоем.
 Теперь и мир, и радость у тебя,
 И брошен я, со мной ты стал другим.

С востока веет ветерок,
 И вихри вьются вслед за ним, гляди.

Ты страхом был и ужасом томим,
Но ты меня носил в своей груди.
Теперь и мир, и радость у тебя,
И брошен я... Забвенье впереди.

С востока веет ветерок,
Он дует и на высях горных гряд.
Чтоб не увяла, нет такой травы;
Падут деревья, что теперь стоят.
Ты все мои достоинства забыл,
Свои обиды помнишь — все подряд!

КУВШИНКИ-ЦВЕТЫ

(II, V, 8)

I

Огромны, огромны кувшинки-цветы,
А я не кувшинкой — стал мелким цветком.
О, горе вам, горе, отец мой и мать!
Меня вы возрастили с великим трудом.

II

Огромны, огромны кувшинки-цветы,
А я не кувшинка, и жалок мой цвет.
О, горе вам, горе, отец мой и мать!
Меня вы возрастили средь горя и бед.

III

Коль нету в застольном кувшине вина —
То винного жбана позор и вина!
Чем сирому и одинокому жить —
Не лучше ль, коль ранняя смерть суждена?
Коль нету отца — где опора моя?
Доверюсь кому, если матери нет?
Вне дома тоску свою всюду несешь,
А дома — в ком помощь найдешь и совет?

IV

Отец мой и мать породили меня,
Заботой своей окружили меня,
Они обласкали, вскормили меня,
Взрастили меня, воспитали меня,
Взлелеяли нежно ребенком меня,
Вне дома и дома носили меня,
Мой долг перед ними, что в сердце возник,
Как небо безмерное, столь же велик!

V

Высокие южные горы мощны,
Порывистый ветер свистит вдалеке.
Все люди, я вижу, счастливы кругом,
Зачем только я, одинокий, в тоске?

VI

Громадами южные горы стоят,
Но ветер меж ними свиреп и жесток.
Все люди, я вижу, счастливы кругом...
Свой долг до конца совершить я не мог!

ОДА О ЗАПУСТЕНИИ В ВОСТОЧНЫХ ЦАРСТВАХ ¹¹

(II, V, 9)

I

Был полон стол с зерном вареным блюд,
Жужубовый черпак красиво гнут.
Великий путь, как гладкий оселок,
Прямой стрелой стремился на восток.
Им проходили доблести мужи,
Простой народ смотрел на их поток...
Теперь, лишь оглянись на этот путь,—
Струятся слезы, падая на грудь.

II

В восточных царствах, посмотрю кругом,
Пустуют станы с ткацким челноком,
И в легких туфлях, свитых из пеньки,
Там ходят по земле, покрытой льдом.
Князей потомки нежные теперь
По славному пути идут пешком.
Пройдут они туда, сюда, и вот
Опять страданье сердце мне сожмет.

III

Источника холодная струя
Пусть не найдет пути к тем срубленным
стволам;
Всю ночь без сна вздыхаю горько я:
О, горе, горе истомленным нам!
Надежда есть и срубленным стволам,
Что их перевезут куда-нибудь...
О, горе, горе истомленным нам!
И мы должны немного отдохнуть.

IV

У нас, восточных жителей, сыны
Живут в труде, не ведая наград;
А жителей на западе сыны
В роскошных платьях, пышен их наряд!
Хоть лодочник отец — его сыны
Себе из шкур медвежьих шубы шьют,
И хоть отец слуга — его сыны
Сидят на важных службах там и тут!

V

Таких, пожалуй, угости вином —
Найдут, что лучше рисовый отвар;
Подвески им на пояс подари —
Не короток ли, скажут, ценный дар.
Горит на небе звездная река
И, видя нас, свой не умерит жар¹².
Ткачихи угол в целый день пройдет
На семь делений весь небесный шар¹³.

VI

Хоть семь делений в день она пройдет,
Она в подарок шелка не соткет,
Сверкает ярко в небе Бык в Ярме¹⁴,
Но он повозки нам не повезет.
Звезда зари с востока сходит к нам,
Чан-гэн¹⁵ на запад свой свершает ход.
На небесах изогнутая сеть —
Раскинулось созвездие Тенет¹⁶.

VII

На юге Сито свой бросает свет,
Но в Сите не провеешь ты зерна;
На севере мне виден только Ковш,
Но тем Ковшом не разольешь вина.
На юге Сито свой бросает свет —
Торчит Язык, готовый все пожрать;
На севере мне виден только Ковш —
На запад обращает рукоять!

ОДА О СМУТЕ В СТРАНЕ

(II, V, 10)

I

Четвертой луной начинается лето,
В шестую — все пышущим зноем прогрето.
О предки! Иль вовсе не люди они?
Как терпят потомки страдание это?

II

В осенние дни увядает природа,
Все чаще и чаще стоят холода.
Я болен от скорби, и смут, и разброда.
Куда мне укрыться? Повсюду беда!

III

А в зимние дни холод злее и злее,
Порывистый ветер свистит и свистит.
Все люди кругом, как я вижу, счастливы;
Зачем одинок я и горем убит?

IV

Прекрасные в горных лощинах деревья,
Каштаны и сливы там радуют взоры.
Не знает никто: по чьему прегрешенью
Кругом у нас ныне злодеи и воры!

V

Смотрю на источника этого воды:
Они то прозрачны, то мутны они.
Все дни свои я только горе встречаю;
Смогу ли увидеть счастливые дни?

VI

И Хань, и Янцзы ¹⁷ так обильны водою,
И связь и оплот они южной стране.
На службе все силы свои истощаю,
Ужели не знает никто обо мне?

VII

Нет, я не орел и не коршун... Крылами
Взмахнул бы я, к небу направив полет!
Нет, я не осетр и не малая стерлядь,
Сокрылся б я в бездну глубокую вод!

VIII

В горах этих папоротник вырастает,
В низинах там заросли ив и раkit.
Я, муж благородный, сложил эту песню,
Чтоб всем вам поведать, как сердце болит.

VI

ОДА О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ (II, VI, 1)

I

Когда поднялись мы на северный этот хребет,
Мы ив собирали побег, пройдя через склоп.
Мы слуги царя, и любой и могуч, и силен,
И каждый с утра и до вечера службу несет.
Мы знаем: нельзя быть небрежным на службе царю,
Но я об отце и о матери скорбью горю.

II

Широко кругом простирается небо вдали,
Но нету под небом ни пяди нецарской земли.
На всем берегу, что кругом оmyвает моря,
Повсюду на этой земле только слуги царя!
Совсем справедливости нету у царских вельмож
Иль верною службой я только, увы, и хорош?

III

И скачут, и скачут в четверке моей скакуны —
Справлять бесконечно мы царскую службу должны.
И все в восхищенье, что я не дряхлею пока,
Что мышцы на редкость тверды, не слабеет рука.
Поскольку я крепок и спину прямую держу,
В далеких пределах страны я порядок ввожу.

IV

Одни, отдыхая, живут, веселясь на пирах,
Другие же служат стране, изнывая в трудах.
Одни отдыхают, в постелях своих развальясь,
Другие в пути бесконечном и в холод и в грязь.

V

Одни не услышат и крика в покое своем,
Другие в тревоге и заняты тяжким трудом.
Как птицы на ветках, ленивы одни, посмотрю,—
Другие утратили облик на службе царю.

VI

Предавшись утехам, вино попивают одни,
Другие в тревоге — упрека боятся они.
Одни в пересудах вне дома и дома — везде,
А всякое дело другие свершают в труде.

НЕ ДУМАЙ О ПЕЧАЛЯХ

(II, VI, 2)

Большую телегу вперед не пускай —
Сам будешь в пыли и песке.
Не думай о многих печалях своих —
Лишь сам изведешься в тоске.

Большую телегу вперед не пускай —
В пыли затуманится свет.
Не думай о многих печалях своих —
В смятепии выхода пет.

Большую телегу вперед не пускай —
Покроешься пылью — взгляни!
Не думай о многих печалях своих —
От дум тяжелее они!

ЕЩЕ ОДНА ОДА
О ДАЛЬНОМ ПОХОДЕ
(II, VI, 3)

I

Исполнены светомверху небеса,
Что смотрят на землю, сияя вдали!
Я с войском походом на запад иду
До дальних пустынь этой цюской земли.
С тех пор как вторая луна началась,
То в холоде я, то в жаре и в пыли,
И в сердце моем безысходная боль —
То ядом горчайшим его обожгли.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
И слезы мои упадают дождем.
Ужели вернуться домой не хочу?
Боюсь, что немилости сеть навлечем.

II

Когда уходили мы в этот поход,
Сменились и солнце тогда, и луна;¹
Не знаю, когда мы вернемся домой, —
Год пройден, приходят к концу времена.
Подумаю, как я теперь одинок,
Как тяжесть забот велика и сидна,
И в сердце моем безысходная боль,
Ни отдыха нет, ни покоя, ни сна.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
И думой о них моя грудь стеснена.
Ужели вернуться домой не хочу?
Упрека боюсь, и немилость страшна.

III

Когда уходили мы в этот поход,
Дни делались теплыми с новой луной.
Не знаю, когда мы вернемся домой.
Теснят нас дела управленья страной.

Год пройден, подходят к концу времена:
Кувшинки собирают, снимают бобы...
И в сердце моем безысходная боль —
Сам вызвал я эти невзгоды судьбы.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
Встаю, покидаю ночлег — не уснуть.
Ужели вернуться домой не хочу?
Пред гибелью страхом сжимается грудь.

IV

Послушайте, вы, благородства мужи,
Не вечно бы жить на покое и вам!
Свершайте же мирно на службе свой долг,
На тех опирайтесь, кто честен и прям.
И светлые духи, услышав о том,
Одарят вас счастьем, одарят добром.

V

Послушайте, вы, благородства мужи,
Не вечно и вам отдыхать без забот!
Свершайте же мирно на службе свой долг,
Пусть честный в любви с благородным живет!
И светлые духи, услышав о том,
Исполнят вас благ и великих щедрот.

РАЗЛИВ РЕКИ ХУАЙ

(II, VI, 4)

То колокол громко звонит у реки,
И воды Хуай высоки, высоки.
И сердце поранено болью тоски:
Я полных достоинства наших царей
Забывать не могу, хоть они далеки.

Гудит и гудит этот колокол там,
К высоким Хуай поднялась берегам.
И сердце тоскует, и горечь сильна:
Я помню достоинства прежних царей,
Их светлая доблесть была без пятна.

Звучит барабан там, и колокол бьет,
Три острова вышли из схлынувших вод.
И сердцу покоя тоска не дает:
Я помню достоинства прежних царей —
Им доблестью равных не видит народ.

И колокол бьет, барабаны звучат,
И цитра и гусли настроены в лад,
А шэны и цины, сливаясь, звенят,
Великие оды и песни поют,
И танцы под флейту так радуют взгляд!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ

(II, VI, 5)

I

Густые, густые терновники скрыли поля;
От терний колючих очищена эта земля.
Издrevле трудились зачем над прополкой земли?
Чтоб просо мое и ячмень в изобилье росли!
И просо мое все пышней и пышней что ни день.
Прекрасный, прекрасный на пашне густеет ячмень.
И хлеб мой в амбарах, и хлеба в амбарах полно,
В бесчисленных кучах на поле осталось зерно.
Довольно зерна для еды и питья соберу
И жертвою предков почту на обильном пиру.
Да их заместитель², покоясь, отведаст блюд,
Да счастьем великим меня наградит он за труд.

II

С почтеньем, с почтеньем достойным иду наконец
Для жертвы чистейших избрать и быков, и овец³.
Я жертвы и в осень и в зиму вершу что ни год.
Кто шкуры сдирает, кто варит, а кто подает,
Кто мясо раскладывает, кто подносит скорей,
Стоит прорицатель, чтоб духов встречать у дверей⁴.
И жертва готова, и блеском наполнен мой храм,
И званые предки явились в величии к нам!

И духохранитель⁵ поел, исполняя обряд,
И я, из потомков почтительный, счастлив и рад.
И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетьем безмерным дарят.

III

С почетом очаг возжигают — достойно хвалы,
И с жертвенным мясом готовят большие столы.
И жарят, кто мясо, кто печень, тогда на огне,
В смиреннии строгом присутствовать — старшей жене;
И много сосудов расставила ныне она.
Я званым гостям паливаю в их чары вина;
Ответные чары скрестились с различных сторон,
И весь мы исполним обряд, как предпишет закон.
Улыбки и наша беседа пристойны вполне.
И духохранитель является ныне ко мне.
И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетием мне воздадут!

IV

В служенье я силы свои истощил; говорят,
Что без упущений исполнен великий обряд.
Придет прорицатель искусный, и скажет мне он:
«Потомок сыновнепочтительный, ты награжден.
Душисты сыновние жертвы во храме твоём,
И духи довольны весьма и едой и питьем.
И сотнями благ, возвещают, тебе воздадим,
И в срок надлежащий, по правилам строгим твоим.
И в жертву ты ныне и просо принес, и зерно,
И в должном порядке разложено было оно.
За это ты примешь немало великих наград
И благ мириады — десятки таких мириад!»

V

Закончено все — и великий, и малый обряд,
И в колокол бьют, наконец, барабаны звучат.
Потомок сыновнепочтительный занял престол.

И вновь прорицатель искусный к нему подошел:
Вещает, что духи упились довольно... И вот
В величье своем замещающий духов встает.
И бьют барабаны и колокол духам вослед —
Ушел заместитель, и духи уходят, их нет.
И слуги приходят и старшая с ними жена,
И без промедленья остатки уносит она.
И дяди одни остаются и братья со мной,
И только для родичей пар приготовлен иной.

VI

Вот входят в покой музыканты, я слышу игру —
Тогда насладись величанием здесь на пиру.
И подали яства твои, и расставили в ряд,
Здесь нет недовольных, здесь каждый и счастлив,
и рад:

Он вдоволь напился, и яством насытился он.
И малый и старый встают, отдавая поклон:
«Все духи довольны весьма и едой и питьем.
Тебе, государь, долголетие в доме твоём!
Ты жертвы принес по порядку за все времена,
Сыновний свой долг, как и надо, свершил ты сполна.
Сыны за сынами, за внуками внуки подряд
Твои приношенья своими надолго продлят».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ

(II, VI, 6)

I

Древле, воистину, в этих вот южных горах
Юй⁶ управлял, проявляя заботы о них,
Вспаханы были низины и выси кругом.
Правнук — веду полевые работы на них.
Мною размерена вся на участки земля,
И на восток, и на юг протянулись поля.

II

Вышнее небо тучей закрылось одной —
Хлопьями, хлопьями падает снег над страной.
Дождиком мелким нам влаги прибавит весна —
И плодородна повсюду земля, и влажна;
Влагой напитана ныне довольно она —
Много она в этот год народит мне зерна.

III

В добром порядке участки мои; что ни день —
Просо тучнеет на пашпе, тучнеет ячмень.
Правпук — с полей соберу я немало зерна,
Яств наготовлю, сварю молодого вина,
Предкам моим и гостям приготовлю обед —
Мне долголетье на тысячи, тысячи лет!

IV

Хижины там посредине меж пашен и нив;
Тыквы растут на участках везде по межам —
Их положу я в рассол, на куски изрубив,
Предкам державным соленые тыквы подам.
Правнук — да буду тогда долголетен я сам,
Счастьем угодно меня наградить небесам.

V

Чистого сделаю для возлиянья вина,
Рыжего выберу после быка без пятна,
Предкам свой жертвенный дар приготовив сполна.
Нож с колокольчиком жертвенный — этим ножом
Шерсти клочок от ушей у быка отстрижем⁷,
Жертву зарезав, кровь с салом его соберем.

VI

В дар приношу эти чистые жертвы одни,
Слышен повсюду густой их, густой аромат.
Блеска исполнен обряд мой и храм мой, взгляни!
Предки явились, величия полны они —
Счастьем великим в награду меня одарят,
Тысячи лет ниспошлют, бесконечные дни.

ШИРОКОЕ ПОЛЕ

(II, VI, 7)

I

Вижу широкое поле, здесь с каждого му
Жатву стократную в этом году я сниму.
С прошлого года оставшийся хлеб мой я сам,
Чтоб накормить их, моих земледельцев, отдам.
С древних времен урожай у нас в каждом году;
Вот и теперь я на южные пашни иду.
Полет один, тот земли присыпает к корням,
Просо мое и ячмень тучным-тучные там.
Место, где больше удобства и больше земли,
Самым способнейшим людям теперь отвели.

II

В жертву чистейшего сам отберу я зерна,
Выбран уже одномастный баран без пятна —
Духов земли и сторон четырех⁸ уважай!
Если на поле, бывало, хорош урожай —
Счастье моих земледельцев являлося тут.
Бьют в барабаны, и гусли, и цитры поют —
Встречу готовлю я предку и нив и полей⁹,
Сладостный дождь, умоляю, на землю пролей,
Чтобы ячмень уродился и просо под стать,
Чтоб земледельцев и жен их зерном напитать!

III

Правнук, пришел посмотреть я на землю отцов,
Вижу я жен, выходящих в поля, и юнцов —
С пищей на южные пашни скорее спешат...
Вот и надсмотрщик полей — подошел он и рад.
Справа и слева беру принесенный обед,
Пробую пищу: вкусна ли она или нет?
Хлеб мой возделан прекрасно вдоль каждого му —
Добрую жатву, обильную жатву сниму.
Не в чем людей упрекнуть мне, нет гнева на них.
Трудятся люди проворно на нивах моих.

IV

Вижу, колосья, как в крыше солома, часты;
Точно ярмо, изогнулись они с высоты.
Кучи зерна, что на поле оставили мы,
Как острова на реке или в поле холмы.
Тысяча, верно, не меньше, амбаров нужна,
Тысяч десятков телег для отвозки зерна!
Если и просо, и сорго, и рис возрастут —
Счастье моих земледельцев проявлено тут.
Благо, наградою будь земледельцам моим,
Тысячи лет долголетья безмерного им!

БОЛЬШОЕ ПОЛЕ

(II, VI, 8)

I

Много нам сеять на поле — большое оно.
Мы приготовили все — отобрали зерно.
Все приготовили мы, за работу пора;
Каждая ваша соха, как и надо, остра.
С южных полей начинаем мы землю пахать,
Всяких хлебов мы довольно посеять должны.
Княжеский правнук доволен, что всходы пышны,
Прямо они поднялись, высоки и сильны.

II

Вот уж и колос встает, наливает зерно,
Вот и окрепло, и стало добротным оно.
Травы и плевелы время выпалывать нам
И уничтожить грызущих ростки червяков,
Корни, коленца и листья грызущих жуков,
Чтоб не вредили в полях восходящим хлебам.
Предок полей, собери их, не медля ни дня,
Духом могучий, их свергни в пучину огня! ¹⁰

III

Туча возникла, все гуще и все тяжелей.
Дождь наплывающий, каплю за каплей пролей!
Общее поле ¹¹ сначала дождем ороси,
После коснись ты и наших отдельных полей!
Вот молодые колосья не срезаны там,
Связку вот эту оставим на поле смелей;
Горсть оставляем иную на поле зерна,
Эти колосья не тропем, совсем не сожнем.
Вдовым на пользу оставлено — вдов пожалей!

IV

Правнук, пришел посмотреть он на землю отцов,
Видит он жен, выходящих в поля, и юнцов —
С пищей на южные пашни скорее спешат.
Вот и надсмотрщик полей — подошел он и рад.
Духам сторон четырех мы усердно моления шлем,
Рыжего в жертву быка да и черного также избрав,
С собранным просом моим и также с моим ячменем
В дар вам, о духи, мы жертвы свои припесем.
Счастье великое, правнук, на доме твоём!

**ВСТРЕЧА ЦАРЯ,
ВЫСТУПАЮЩЕГО В ПОХОД
(II, VI, 9)**

На Ло¹² поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
Как травы, в нем счастье и благо сплелись.
Его наколенники красным горят,
Когда он выводит шесть ратей солдат.

На Ло поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
Нефриты блестят, и горит самоцвет
На ножнах меча. Так да здравствует царь
И дом сохранит свой на тысячи лет!

На Ло поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
И полное счастье и благо при нем.
Да здравствует царь наш, на тысячи лет
Он царство свое сохранит и свой дом!

**ПРЕКРАСНЫ, ПРЕКРАСНЫ ЦВЕТЫ
(II, VI, 10)**

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
И пышно листва их растет...
Я ныне на этого мужа смотрю —
И в сердце покой настает,
И в сердце покой у меня настает.
Хвала тебе, мир и почет!

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
Собой они темно-желты...
Я ныне на этого мужа смотрю —
И тонкой он полн красоты!
Исполнен он тонкой такой красоты.
И радости будут полны и чисты!

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
То желтый, то белый видны.
Я ныне на этого мужа смотрю,
В четверке все кони черны.
Он сам в колеснице, все кони черны,
И вожжи блестят у коней вдоль спины.

Коль слева поставишь такого у нас —
Он места достоин как раз;
Коль справа такому мы место найдем —
Достоинства многие в нем ¹³.
Достоинства признаки вижу я в нем,
Внутри и снаружи на нем.

VII

ЦАРЬ ПРИВЕТСТВУЕТ СВОИХ ГОСТЕЙ

(II, VII, 1)

То птицы порхают на тутах, взгляни:
Сверкает их перьев прекрасный узор.
Мужки благородства мне радуют взор,
И милости неба да примут они!

То птицы порхают на тутах, взгляни:
Сверкают их шеп узором. И вот
Мужки благородства мне радуют взор,
Они — государства надежный оплот.

Вы — царства оплот, вы — опора и щит!
Пример государям с вас брать надлежит!
Не вы ль бережливы, не любите ль труд,
Не вам ли обильное счастье пошлют?

Кривые рога носорожья возьмем,
Наполним их сладким и вкусным вином,
Без гордости друг перед другом мы пьем.
Пусть многие блага наполнят ваш дом!

ОДА ЦАРЮ

(II, VII, 2)

Селезень с уткою вместе летит —
Дайте сетей и тенет!
Тысячи лет да живет государь,
В радости тысячи лет!

Селезень с уткой на гати сидит,
Левым касаясь крылом.
Тысячи лет да живет государь,
Вечное счастье при нем!

Конь ездовой на конюшне стоит —
С сечкой зерна зададим!
Тысячи лет да живет государь,
Счастье до старости с ним!

Конь ездовой на конюшне стоит —
Резкой корми и зерном.
Тысячи лет да живет государь,
Счастливы и ночью и днем!

ПИР У СТАРШЕГО В РОДЕ (II, VII, 3)

I

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Что это, слушай, за люди, не скажешь ли нам?
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства прекрасны твои, что поставил гостям.
Люди какие пришли из чужой стороны?
Братья пришли, не чужие, приюта ища;
Так и ползучий вьюнок и лианы плюща
Вьются, цепляясь вокруг твоей и крепкой сосны.
Доблести муж, если долго не видим тебя,
Сердце болит и сожмется, сожмется тоской;
Только лишь доблести мужа увидели мы —
Вот уж и радость у нас, и на сердце покой.

II

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Что это все же за люди, скорее скажи!
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства прекрасны, по времени года, свежи!

Разве чужие пришли из чужой стороны?
Нет, это братья все вместе явились в твой дом;
Так и ползучий вьюнок и лианы плюща
Вьются вокруг крепкой сосны, прижимаясь листком.
Доблести муж, если долго не видим тебя,
Сердце у нас заболит, заболит от тоски;
Только лишь доблести мужа увидели мы,
Вот уж и радость! Печали от нас далеки.

III

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Верно, с покрытой главою пришли они в дом?
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства обильны и высятся целым холмом.
Что же за люди пришли из чужой стороны?
Братья пришли и сестер твоих старших сыны!
Это подобно тому — если сыплется снег,
Прежде твердеет вода и становится льдом.
Смерть и погибель не знают особого дня —
Нам уж недолго собираться для встречи в твой дом!
Будем же в нынешний вечер мы радостно пить,
Доблести муж, мы пируем — так чары нальем!

РАДОСТЬ НОВОБРАЧНОГО

(II, VII, 4)

I

Скрепы забиты в ось колесницы моей —
В думах о деве прекрасной я еду за ней.
Голод и жажду презрев, еду встретиться с той,
Что добродетелью славится и красотой.
Хоть мы и доброго друга себе не найдем,
Радостный пир мы устроим с тобою вдвоем.

II

Лес на равнине так высится пышен и густ!
Только фазаны собираются день ото дня.
В день надлежащий ты, славная дева, пришла,
Редких достоинств полна, ты научишь меня.
Пир учинив, веселюсь, восхваляю тебя,
Буду любить тебя и — не устану, любя.

III

Хоть не имею прекрасного ныне вина,
Все же ты выпьешь со мною — надеюсь на то.
Хоть не имею отменнейших яств для тебя,
Все же ты пищу разделишь — надеюсь на то.
Хоть не имею достоинств я, равных твоим,
Вместе и спеть и сплясать нам придется двоим.

IV

Вот поднимаюсь на этот высокий хребет,
Ветви рублю я у дуба, вверху он растет.
Ветви рублю я у дуба, вверху он растет;
Листья, я вижу, на ветках у дуба пышны.
Счастье редчайшее — вижу тебя с вышины —
В сердце спокойная радость при виде жены.

V

Горы высокие разом окинул мой глаз,
Путь я прошел бы великий, к супруге стремясь.
Неутомимы четыре мои скакуна,
Вожжи — как струны на цитре, взял шесть их
рукой,
Видю тебя, новобрачная ныне жена,—
Радостью сердце полно и на сердце покой!

СИНЯЯ МУХА

(II, VII, 5)

Синяя муха жужжит и жужжит,
Села она на плетень.
Знай, о любезнейший наш государь,—
Лжет клеветник что ни день.

Синяя муха жужжит и жужжит,
Вот на колючках она.
Всякий предел клеветник потерял —
В розни и смуте страна.

Синяя муха жужжит и жужжит,
Там, где орех у плетня.
Всякий предел клеветник потерял —
Ссорит с тобою меня.

О ВИНЕ

(II, VII, 6)

I

Званные гости к циновкам подходят сперва,
Справа и слева по чину расселись едва,
Вот и блюда, и сосуды расставлены в ряд,
Тут и плоды, тут и яства в порядке стоят.
Мягкое вкусом, отменное ставят вино;
Выпили гости по чарочке все заодно.
Вот барабаны и колокол ставят потом.
Чара заздравная поднята, ходит кругом.
Вот и большую мишень патянули, и вдруг
Стрелы готовы, и каждый натягивал лук.
Парами равные силой сошлись стрелки:
«Сударь, теперь вы покажете меткость руки!» —
«Эту мишень я стрелою пронизу насквозь,
Чтоб в наказание чару вам выпить пришлось!»¹

II

Флейты звучат, барабаны и шэн... Плясуны
Полны гармонии — музыки звуки слышны.
Жертвы приятны прославленным предкам твоим —
Ты по обрядам свершил приношения им.
Много обрядов. Они — что деревья в лесу.
Их исполняя, постигнешь и всю их красу.
Пусть же веселье и радость наполнят чертог —
Каждый из вас совершил по обрядам что мог.
Руки у гостя пустые — не стало вина.
Входит слуга, и опять его чара полна.
Снова задравные чары у всех налиты...
В сроки всегда выполняешь обычаи ты.

III

Званные гости к циновке подходят сперва,
Каждый почтителен, тонок и щедр на слова.
В каждом, пока он еще не напился вина,
Важность осанки, как это и должно, видна.
Ну, а когда уже гости напьются вина,
Важность осанки в расстройстве и речь их бедна!
Место покинет, шатается там он и здесь,
Спляшет он несколько раз и кривляется весь.
Каждый, пока он еще не напился вина,
Важность осанки хранит — и достойна она.
Ну, а уж если напился он вдоволь вина —
Важность осанки совсем он теряет спяна.
Тот, говорю, кто без меры упьется вином,
Тот и с порядком приличий совсем не знаком!

IV

Если уж гости напилься пьяными, тут
Спяна без толку они и кричат, и орут.
Спутает пьяный сосуды мои без труда,
Спляшет не раз он, шатаясь туда и сюда.
Тот, кто напьется вина, говорю я, таков,
Что за собой никогда не заметит грехов.
Шапку свою набекрень нахлобучит он вкось,
Пляшет подолгу, кривляется как ни пришлось.

Если напился да сразу оставил твой дом —
Счастье тогда и ему, и хозяину в том.
Если ж напился да дом не оставит никак —
Он своему и чужому достоинству враг.
Выпить вина — что ж, обычай сей очень хорош,
Если притом и осанку и честь сбережешь.

V

Так и везде, где бывает, что выпьют вина,
Трезвый один, но упился другой допьяна.
В месте таком обязательно ставится страж,
Стражу в помощники ты наблюдателя дашь.
Пьяный бывает таким нехорошим на вид;
Трезвый, напротив, — он пьяного часто стыдит.
Только вот пьяному — скажешь ли слово по нем?
Можешь ли буйство его успокоить стыдом?
Надо от слова дурного его остеречь,
Пусть не ведет он о том, что не следует, речь.
Если ты пьяный болтать без умолку готов —
Выйдет, пожалуй, козел у тебя без рогов!
Если с трех чарок ты память сумел потерять,
Смеешь ли ты напиваться опять и опять?

ПРИВЕТСТВИЕ ЦАРЮ В СТОЛИЦЕ

(II, VII, 7)

Рыба живет между порослей водных и трав,
И голова ее стала большою давно.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
Здесь и счастливый, и радостный пьет он вино.

Рыба живет между порослей водных и трав,
В травах и хвост ее сделался длинный такой.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
Пьет он счастливый вино и вкушает покой.

Рыба живет между порослей водных и трав.
Там защищают ту рыбу кругом камыши.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
В месте покойном живет он, в глубокой тиши.

ВСТРЕЧА КНЯЗЯ С ЦАРЕМ

(II, VII, 8)

I

Сбираем бобы мы, собираем бобы —
В корзинки и сита их надо сложить.
Пришли ко двору благородства мужи —
Не знаю: чем лучше мне их одарить?
Хоть нечем мне этих мужей одарить —
Дарю колесницы, упряжки коней...
Еще чем, не знаю, мне их одарить?
Одеждой узорной с драконом на ней².

II

Ручей вытекает струей из земли,
В ручье мы душистые травы нашли.
Мужи благородства спешат ко двору —
Знамена с драконами видны вдали.
Знамена полощутся их на ветру,
И звоном звенит колокольчик сильней,
И тройки пришли, и четверки коней —
Мужи благородства спешат ко двору.

III

Горят наколенники красные их,
И стянуты икры в повязках косых —
Небрежности нет на приемах моих.
Сын неба, да буду я милостив к вам,
Я радуюсь вам, благородства мужи.
Сын неба, велю возвеличить я вас,
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Кормленье³ велю увеличить для вас.

IV

Вы лишь поглядите на ветви дубов,
Как листья на них и пышны, и густы!
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Вы — Сына небес государству щиты.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
В вас тысячи благ воедино слиты.
И люди, что следом за вами пришли,
Вполне безупречны — и очень просты.

V

Колелется в зыбях из тополя челн,
Его закрепляет на месте канат.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Сын неба ценить по достоинству рад.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
И жалею много щедрот и наград.
О, как вы охотно из вашей земли
С готовностью в нашу столицу пришли!

ПОУЧЕНИЕ ЦАРЮ

(II, VII, 9)

I

Ладно сработанный лук, вделанный в рог на концах,
Если отпустишь — концы врозь разойдутся легко!
С братьями дружно живи, со всею по женам родней.
Лучше ты с ними, о царь, не расходись далеко.

II

Будешь далек от родни, в ней не почуешь оплот,
Станет чураться тебя собственный твой же народ.
Ты наставляешь народ, ты образец и закон —
Знай же: как ты поступил, так же поступит и он.

III

Если и тот и другой братья друг к другу добры,
Великодушия в них хватит с избытком на всех.
Если и тот и другой между собой недобры,
Будут друг другу они точно болезнь или грех.

IV

Нет и в народе добра, если — так кажется мне —
Тянут и тот и другой каждый к своей стороне!
Чин получает иной, только в нем скромности нет,
Смотришь: и чин утерял сам, по своей же вине.

V

Старый коняга не прочь стать молодым жеребцом,
Впрочем, последствий сего этот одер и не ждет!
Всякий, кто ест без конца, должен насытить живот;
Чарку за чаркою пьешь? — слишком упьешься винцом!

VI

Ты обезьян не учи лазать на ветви деревьев!
К грязи ли грязь прибавлять, чувство стыда одолев?
Если пойдешь, государь, сам ты стезею добра,
Люди с тобою пойдут, сгинут и злоба, и гнев.

VII

Падает хлопьями снег, густ и обилен кругом,
Тает, однако, и снег с солнечным первым лучом.
Царь не желает лжецов ни прижать, ни изгнать —
Злобная гордость растет, с каждым сгущается днем.

VIII

Падает хлопьями снег, как он обилен, смотри!
С солнечным первым лучом все же растаял давно...
Стали как варвары мы, стали мы как дикари!
Сердце мое оттого скорбью великой полно,

ТАМ ИВА
(II, VII, 10)

Там ива, я вижу, пышна и густа,
Не сладко ль под ней отдохнуть по пути?
Верховный владыка наш грозен весьма —
Я сам не хочу к нему больше идти.
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб тяготы после нести и нести? ⁴

Там ива, я вижу, пышна и густа,
Не сладко ль под ней отдохнуть без забот?
Верховный владыка наш грозен весьма —
Ужели кто сам себе вред принесет?
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб после принять еще больше тягот?

Бывает, что птицы высоко летят,
Но выше небес им лететь не дано.
А сердце людское желаний полно —
Где ставит пределы желаньям оно?
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб вызвать несчастье и горе одно?

VIII

ОДА О ЗАПУСТЕНИИ В СТОЛИЦЕ ХАО (II, VIII, 1)

I

Были служивые люди в столице тогда:
Шубы из лис понаденут, их шубы желты,
Вид благородный, ему не изменят они,
Красочна речь и тонка, как в узоре цветы.
О, если б снова в столицу вернулись они —
Тысяч и тысяч народа сбылись бы мечты!

II

Были служивые люди в столице тогда:
Шапки наденут — все черная ткань да камыш!
Жены домов благородных идут ли куда —
Как их прически пышны и красивы, глядишь!
Я их теперь не увижу... Ты, сердце мое,
Радости больше не знаешь и только болишь.

III

Были служивые люди в столице тогда:
Из самоцветов носили заклад и в ушах...
Жены домов благородных идут ли куда,
Инь, говорят, или Цзи¹ эта — так хороша!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Связано горькою скорбью, тоскует душа...

IV

Были служивые люди в столице тогда:
Ходит, и виснут концы на его пояске.
Жены домов благородных идут ли куда —
Локоп лежит скорпионом на каждом виске!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Ноет. За ними бы вслед устремился в тоске!

V

Это не то, чтоб концы опускали они,—
Ткани избыток имели у них пояса!
Это не то, чтоб себя завивали они,—
Сами собой у красавиц вились волоса!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Ноет. Тебя повидать бы, былая краса!

В ОЖИДАНИИ МУЖА

(II, VIII, 2)

Целое утро рвала я, рвала тростники,
Но не наполнила ими и обе руки.
Волосы все растрепались и вкось развились;
Я возвращаюсь, омою их — будут мягки.

Целое утро рвала я индиго одна —
Даже подола собрать не сумела сполна.
Он мне сказал, что в разлуке мы будем пять дней,
Вот и шестой! Я не вижу его и грустна.

Если, супруг, на охоту захочется вам,
Все приготовив, в чехол уложу я ваш лук;
Если с удою пойдете вы рыбу ловить,
Нить для уды заплету я вам, милый супруг!

Рыбы какой наловил мой супруг на уду?
Он наловил и лещей, говорят, и линей;
Он наловил и лещей, говорят, и линей,
Я поскорей поглядеть его рыбу иду!

ОДА О ПОСТРОЙКЕ ГОРОДА В СЕ³

(II, VIII, 3)

Пышные, пышные проса поднялись ростки —
Вспоены долгим они моросящим дождем.
Шаоский князь ободряет всех нас на пути,
К югу, далеко, далеко походом идем.

Тяжести носит и возит телеги солдат,
Нам выводить и быков, и повозки велят.
Только тогда лишь, когда мы закончим поход,
Нам и прикажут, чтоб мы возвращались назад.

Едут в повозках солдаты, проходят пешком,
Службу свою мы в отрядах и ратях³ несем.
Только тогда лишь, когда мы закончим поход,
Воина также на отдых отпустят в свой дом.

Строго прямые постройки красуются в Се,
Шаоский князь завершил начертания все.
Шаоский князь завершает творением рать —
Вот и идет она в грозной суровой красе!

Ровны низины теперь и высоты, и вот,
Мы расчищаем с истоков течения вод.
Город постройкою шаоский князь завершил —
В сердце царя и довольство, и мир настает!

ТУТ

(II, VIII, 4)

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Листья на туге, я вижу, пышны и густы.
Муж благородный, лишь только увижу тебя —
Радость какая на сердце, что встретился ты!

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Свежие листья, я вижу, сверкают на нем.
Муж благородный, лишь только увижу тебя —
Как не почувствовать радости в сердце моем?

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Листья темнеют зеленые день ото дня,
Муж благородный, лишь только увижу тебя,
Сладость достоинств твоих проникает в меня.

Сердце исполнено нежной любовью к нему.
Но не скажу ему этого я — почему?
Буду хранить и беречь его в сердце моем!
Будет ли время, когда я забуду о нем?

ЖАЛОБЫ ОТВЕРГНУТОЙ ЖЕНЫ (II, VIII, 5)

I

Годный для пряжи беленький этот цветок
С белой осокою свяжут в единую нить.
Стал мне супруг мой ныне и чужд, и далек,
Бросил, заставил меня одинокою жить.

II

Белая тучка сияет в сиянии дня,
Равно цветок напоит и осоку она.
Он, мой супруг, не такой — он не любит меня;
Трудные ныне пришли для меня времена.

III

Воды на север текут из проточных прудов,
Рис на полях оросит животворный поток.
Горько вздыхая, с болью на сердце пою:
В мыслях моих человек, что чрезмерно высок.

IV

Тутовых дров, что годятся в очаг, собрала —
Я их в жаровне сожгла, проливающей свет⁴.
Ты и высок, но к жене уважения нет!
Много ты делаешь сердцу и горя, и зла.

V

Бьют барабаны и в колокол здесь, во дворце,
Слышны, однако, снаружи удары и звон.
Я о супруге своем вспоминаю с тоской,
Но на супругу взирает с презрением он.

VI

Наглая цапля на нашу запруду взошла,
Скромный в дубраве журавль все страдает от бед⁵.
Ты и высок, но к жене уважения нет —
Много ты делаешь сердцу и горя, и зла!

VII

Селезень с уткой сидят на запруде у нас,
Левым крылом прижимаясь друг к другу, смотри!
Нет, о супруг мой, добра, как я вижу, у вас —
Чувство два раза меняете вы, даже три!

VIII

Низок тот камень, что он избирает для ног;
Низок и тот, кто поднялся на камень такой!
Стал мне супруг мой отныне и чужд, и далек,
Сделал больною меня он, измучив тоской!

**ПЕСНЯ О ВОИНЕ,
ИЗНЕМОГШЕМ В ПОХОДЕ**

(II, VIII, 6)

Желтая иволга песню поет,
Села она у излучины скал:
«Путь нам далекий, далекий лежит, —
Как поступить мне — я слаб и устал?»
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

Желтая иволга песню поет,
Села у края холма на логу:
«Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что быстро идти не смогу».
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

Желтая иволга песню поет,
Села внизу у холма на пути:
«Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что мне до конца не дойти».
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его.
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

СКРОМНЫЙ ПИР

(II, VIII, 7)

Вижу, трепещут, трепещут на тыкве листы,
Ты соберешь их и сварешь, подашь их гостям.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
В чарку его наливаешь и пробуешь сам.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца поджаришь на угольях прямо в шерсти.
Друг благородный, есть и вино у тебя,
Ты разольешь его в чарки, гостям поднести.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца изжарившь, как надо, гостям на обед.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
Гости хозяину налили чару в ответ.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца изжаришь, как следует быть, над огнем.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
Снова гостям наливаешь, и снова мы пьем!

**ВОИН
В ПОХОДЕ ВОСТОЧНОМ
(II, VIII, 8)**

Камни и скалы нависли —
Кручи отвесных высот,
Дальние горы и реки —
Трудный, опасный поход!
Воин в походе восточном
Поутру не отдохнет.

Камни и скалы нависли,
Острые пики, гляди...
Дальние горы и реки
Кончатся ль там, впереди?
Воин в походе восточном,
Выбраться скоро не жди!

Белы у вепрей копытца —
Бродят в воде — и как в дом,
Месяц в созвездье стремится
Би⁶ перед буйным дождем!
Воин в походе восточном,
Думать не смей о другом!

**ЦВЕТЫ НА ВЬЮНКЕ
(I, VIII, 9)**

Распустились цветы на вьюнке
И теперь темно-желтыми стали...
О, сколь сердце жестоко скорбит,
Сердце ранили больно печали.

Распустились цветы на вьюнке,
Посмотри на листву голубую...
Не родиться б мне лучше на свет,
Если б знал про судьбу я такую.

У овцы голова велика⁷,
А мережа лишь звезды поймала;⁸
Знаю: люди, конечно, едят...
Сытых вижу так редко и мало!

В ПОХОДЕ
(II, VIII, 10)

Какая трава, не желтея, растет?
Есть день ли такой, чтоб не шли мы в поход,
И есть ли в пределах страны человек,
Свободный от бремени ратных тягот?

Какая трава не буреет в лугах?
Кто вместе с женой, что ему дорога?
О, горе нам, воинам, взятым в поход!
Не люди лишь мы, что идем на врага.

И разве я тигр или ты носорог —
По дикой пустыне шагаешь, дружок?
О, горе нам, воинам, взятым в поход!
С утра дотемна отдохнуть я не мог.

И только пушистым хвостом промелькнет
Лисица — в траве одичалой пройдет;
Да наши телеги, что грузы везут,
Идут по великой дороге вперед.

ᠳᠠᠶ

Да я

III

ᠳᠠᠶ

ВЕЛИКИЕ
ОДЫ

I

ОДА ВЭНЬ-ВАНУ (III, I, 1)

I

Царь Просвещенный — Вэнь-ван¹ — пребывает
теперь в вышине,
О, как на небе пресветлый сияет Вэнь-ван!
Чжоу издревле в своей управляли стране,
Новый престол им небесною волею дан².
Или во славе своей не сияют они?
Воля небес неужели не знает времен?³
Ввысь устремится Вэнь-ван или вниз низойдет⁴,
Справа иль слева владыки небесного он!

II

Царь Просвещенный был полон усердья и сил,
Слава его бесконечной является нам.
Небо свои ниспослало на Чжоу дары —
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам,
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам —
Корню с ветвями⁵, да жить им в веках и веках!
Людям служилым, что были у Чжоу в войсках,
Разве им также не славиться ныне в веках?

III

Разве они не преславны пребудут в веках
Тем, что с усердьем исполнили царский завет?
Полных величия, много служилых людей
Царство Вэнь-вана тогда породило на свет,

Царство Вэнь-ваца их всех породило, и вот,
Чжоуский дом в них опору нашел и оплот.
Много достойнейших стало служилых людей —
Царь Просвещенный в спокойствии полном живет.

IV

Был величаво-прекрасен властитель Вэнь-ван,
Ревностным был он надолго прославлен трудом.
Воля небес⁶, о, насколько она велика!
Шанского дома потомки порукою в том.
Шанского дома потомки порукою в том:
Многое множество их пребывало в те дни,
Волю верховный владыка свою проявил —
Чжоу покорность свою изъявили они.

V

Чжоу они изъявили покорность свою.
Воля небес не навечно почует на вас!
Лучшие лучших из иньских служилых людей
Предкам творят возлиянья в столице у нас.
Нашему предку творят возлиянья, надев
Платье с секирами, в прежнем убранстве главы⁷.
Вы, из достойных достойные слуги царя,
Вашего предка ужели не помните вы?

VI

Вашего предка ужели не помните вы?
Кто совершенствует доблесть духовную, тот
Вечно достоин пребудет и воли небес,
Много от неба и сам он получит щедрот.
Инь, до того как народ и престол потерять,
Вышнего неба владыке угодна была.
Инь пред очами да будет! Хранить нелегко
Судьбы великие. И сохранившим — хвала!

VII

Судьбы и волю небес сохранить нелегко!
Трон сохраняя, от неба себя не отринь!
Славы сиянье о долге свершенном прости,
Мудро размысли, как небо отринуло Инь!

Вышнего неба деянья неведомы нам,
Воле небес не присущи ни запах, ни звук!
Примешь Вэнь-вана себе в образец и закон —
Многие страны с доверьем сплотятся вокруг!

ОДА О ЦАРЯХ ВЭНЬ-ВАНЕ И У-ВАНЕ
И О ПОКОРЕНИИ ЦАРСТВА ИНЬ-ШАН
(III, I, 2)

I

Светлая, светлая доблесть взошла на земле —
Воля державная неба сошла с вышины! ⁸
Трудно, однако, на небо одно уповать
Да и царем быть — дела управленья трудны.
Иньский наследник небесный престол занимал —
Он и утратил четыре предела страны ⁹.

II

Князем был Чжи, говорят. Его средняя дочь,
Жэнь по прозванью, в Инь-Шан появилась она.
К нам она в Чжоу пришла, чтоб супругою стать,
Жить она стала в столице как Ван-цзи ¹⁰ жена.
Ван-цзи, наш предок, совместно с супругой своей
Жили, и долг свой они соблюдали сполна.
Там величавая Жэнь от него понесла,
Там Просвещенного в мир породила она.

III

Этот Вэнь-ван был наш царь Просвещенный, и он
Сердцем внимателец был и исполнен забот.
Вышнему неба владыке со славой служил,
Много от неба он принял и благ, и щедрот.
Доблесть души и достоинство в нем без пятна!
Царство над миром он принял и с ним его род.

IV

Вышнее небо взирает на землю внизу,
Воля небес поручить ему царство — тверда.
Годы правленья Вэнь-вана едва начались —
Небо готовит подругу ему навсегда.
Там, где находится северный берег у Ся,
В этой стране, что у самого берега Вэй¹¹...
Брачного возраста царь Просвещенный достиг.
Царства великого князь был там с дочкой своей.

V

С князем великого царства и дочка его,
Чистой красою — как младшая неба сестра!
Сделав подарки, о счастье гадают Вэнь-ван —
К Вэй отправляться для встречи невесты пора!
Мост через реку из стругов готовит Вэнь-ван.
Разве не блеском сверкающим брак осиян?

VI

Воля от неба на землю тогда снизошла —
Волею неба и стал на престоле Вэнь-ван:
Стал он в столице, был в Чжоу удел ему дан.
Дева из Шэнь, — государыню-мать заменив, —
Старшая дочь из далеких явилась стран¹².
Милостью неба от ней и родился У-ван.
Небо тебя сохранит и поможет тебе —
Небу покорный, пойдешь на великое Шан!

VII

Иньские, шанские — всюду отряды видны,
Лесу подобные, строятся рати солдат.
В полном порядке, как стрелы в пустыне Муе¹³.
Только и наши с достоинством рати стоят.
Неба верховный владыка с тобою, У-ван,
В сердце своем да не будешь сомненьем объят!

VIII

Эта пустыня Муе широка, широка!
Блещет сандалом своим колесница, ярка;
Каждая лошадь в четверке гнедая — крепка.
Шан-фу, великий наставник, искусен в боях —
Будто орел, воспаряющий ввысь в облака!
Помощь У-вану несет эта Шан-фу рука.
Шанскую мощную рать разбивает У-ван,
В это же утро страну очищают войска.

ОДА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ПЛЕМЕНИ ЧЖОУ

(III, I, 3)

I

Тыквы возрастают одна за другой на стебле...
Древле народ обитал наш на биньской земле,
Реки и Цюй там и Ци протекают, струясь.
В древности Дань-фу¹⁴ там правил — наш предок и князь.
Людам укрыться и норы он сделал в те дни —
И ни домов, ни строений не знали они.

II

Древний правитель однажды собирает людей,
Утром велит он готовить в поход лошадей.
Кони вдоль западных рек устремились, бодры, —
Вот и достигли подножия Циской горы.
Он и супруга — из Цзянского рода сама —
Место искали, где следует строить дома.

III

Чжоу равнины — прекрасны и жирны они,
Горькие травы тут сладкими были в те дни...
Мы совещались сначала — потом черепах
Мы вопрошали: остаться ли в этих местах?
Здесь оставаться! Судьба указала сама —
Здесь и постройки свои возводить, и дома.

IV

Жителей князь расселил изволением своим:
Тех ободрит он, участки укажет другим,
Метит границы, назначит наделы земли.
Между участками — пашен межи провели.
С запада Дань-фу проходит страну на восток...
Всюду он задал работу, все сделал, что мог!

V

Дань-фу зовет управителя главных работ,
Также зовет уставителя общих тягот:
Здания он повелел возводить и дома,
Мерить веревкой — так будет постройка пряма;
Доски связать и набить между ними земли...
В строгом порядке храм предков сперва возвели.

VI

Рыхлую землю сыпает в корзины народ —
Плотно ее между связанных досок кладет.
Громко удары звучат — уплотнилась стена,
Мажут, скоблят ее — только была бы ровна...
Многие тысячи футов возвысились в срок;
Ревне большой барабан соразмерить не мог!¹⁵

VII

Ставят большие ворота в ограде дворца.
Очень высокие эти ворота! С крыльца
Ставят у входа дворцовые двери теперь —
В строгом величии высится каждая дверь.
Духам земли величавый алтарь возведен —
Всем начинаниям — место священное он!¹⁶

VIII

Ярость властителя неукротима была —
Слава его преуменьшиться тем не могла.
Выдернул он и дубы, и терновник с пути —

Ехать возможно теперь и свободно идти.
Варваров этих — гунь-и — разбежалася рать,
Быстро бежала, пыхтя и не смея дышать!

IX

Юйский и жуйский князья разрешили свой спор,
Быстро Вэнь-ван возрастил свою силу с тех пор¹⁷.
Я же скажу: те внушали покорность другим,
Те — были первыми, эти — последними с ним;
Те, я скажу, о царе разносили хвалу,
Эти — давали отпор и насплюю и злу!

СЛАВОСЛОВИЕ ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ (III, I, 4)

I

Пышные, пышные — кущею терны стоят —
Дров нарублю я и сделаю добрый запас,
Вы величавы собою, наш царь-государь,
Всюду народ ваш так тесно сплочен вокруг вас!

II

Царь величавый — творит возлияние он¹⁸ —
Чаши для жертвы подносятся с разных сторон.
Чаши подносят, достоинства сами полны,
Лучшие люди — служилые люди страны.

III

Вижу: ладья устремилась по Цзину-реке,
Много гребцов — опускаются весла их в ряд.
Чжоуский царь выступает, я вижу, в поход.
Вслед за царем устремились шесть ратей солдат.

IV

Как широка эта звездная в небе река,
В небе узором сияет светла и ярка.
Разве не царь вдохновляет примером людей?
Чжоуский царь — да живет он века и века!

V

Так вырезают, чеканят прекрасный узор:
Золотом с яшмой украсится тонкий узор.
Царь созидает основы, дал правила нам
В царстве обширном, что нет, не охватит твой
взор!

ПОДНОЖИЕ ХАНЬСКОЙ ГОРЫ

(III, I, 5)

I

Взгляни на подножие Ханьской горы:
Орешник густой и терновник на нем.
Спокоен и радостен наш государь,
Стяжает он славу в веселье своем.

II

На яшмовом скипетре кубок тяжел: ¹⁹
Для жертвы в нем желтое блещет вино.
Спокоен и радостен наш государь —
Вот счастье — ниспослано небом оно.

III

То ястреба в небе высокий полет,
То рыба метнулась под толщею вод!
Спокоен и радостен наш государь,
Не он ли к добру подвигает народ?

IV

Пресветлое в чаше вино, и ярка
Шерсть рыжего жертвенного быка:
Ты в жертву дары принесешь, государь, —
Да будет награда тебе велика!

V

Дубляк низкорослый — густой он, густой! —
Его на дрова собирает народ.
Спокоен и радостен наш государь,
От духов он множество примет щедрот.

VI

Пышнеет, пышнеет вьюнок по полям,
Ползет по ветвям и древесным стволам.
Спокоен и радостен наш государь,
Он счастье снискал, непорочен и прям.

ПОЧТЕНЬЯ БЫЛА ПРЕИСПОЛНЕНА ТАЙ-ЖЭНЬ (III, I, 6)

I

Почтенья была преисполнена Тай-жэнь,
Царя Просвещенного мать она;
Свекровь свою — Цзян²⁰ — почитала с любовью,
Достойная царского рода жена,
И Тай-сы прекрасную славу блюла;²¹
И были потомки царя без числа.

II

Князьям, своим предкам, царь следовал строго,
И светлые духи не знали обид²²,
И светлые духи не знали печали,

Вэнь-ван для жены образцом предстает,
Он братьям высокий пример подает,
К добру направляет страну и народ.

III

Согласье и мир во дворце этом царском,
Царь входит с почтеньем сыновним во храм;
Один — а ведет себя будто при людях,
В труде неустанном блюдет себя сам.

IV

Не мог отвратить он великие беды²³,
Но блеск и величье его без пятна.
Деянья, которым он не был научен,—
И те совершенны, в них мудрость видна.

V

И доблестью духа мужи овладели,
Стремились к ней юноши с этой поры.
Был древний наш царь неустанно прилежен,
И славные царские слуги мудры!

ВЫШНЕГО НЕБА ДЕРЖАВЕН ВЕРХОВНЫЙ ВЛАДЫКА

(III, I, 7)

I

Вышнего неба державен верховный владыка,
В грозном величии вниз он глядит и четыре
Царства предела кругом озирает и ищет
Места народ успокоить в довольстве и мире.
Так увидал он, что оба великие царства²⁴
Сбились с пути — потеряли давно управление;
Так озирал он и стороны света, и царства:
Воли небесной достойных²⁵ — искал в размышленье.

Выбрав достойного, неба верховный владыка
Царства его захотел увеличить границы,
Взор обращает с любовью владыка на запад...
Земли дарует ему, чтобы в них расселиться.

II

Вот очищают там землю от мертвых деревьев —
И подгнивающих стоя, и павших на землю:
Всё подровняли, приводят в отменный порядок
В парках аллей и буйно растущие чащи;
После всего прорядили как надо катальпы,
Лишние прочь удалили прибрежные ивы,
Лишние ветви у всех шелковиц отрубили,
Горные туты, почистив, подстригли красиво.
Светлого доблестью ставит Тай-вана владыка,
Варвары в страхе дороги заполнили... Милость
Небо явило, царю приготовив супругу:
Воля небес над Тай-ваном тогда укрепилась...

III

Вот озирает небесный владыка и гору:
Чащи колючие он разрешил и дубравы,
Сосны и туй нечастыми стали. Владыка,
Царство воздвигнув, достойного ищет державы.
Жил-был Тай-бо, а при нем младший брат его
Ван-цзи²⁶,
Следовал сердца влеченью — Тай-бо возлюбил он!
Нежно любил, почитая как старшего брата.
Ван-цзи свое торжество укрепил, возвеличил —
Был одарен он за это сверкающей славой,
Принял щедроты от неба... Приняв, не утратил —
Так завладел он и всюю обширной державой.

IV

Этому Ван-цзи великий верховный владыка
Сердце измерил — и всюду разносит незримо
Славу о доблести духа и верности Ван-цзи.
С доблестью духа все стало тому постижимо:
Вещи он мог постигать и умел различать их,
Мог наставлять он и был государем народу,

Правя всей этой великой страной, снискал он
Всюду покорность и преданность царскому роду —
Время настало царю Просвещенному править!
Доблесть духовная в нем навсегда безупречна,
Много щедрот он от высшего неба владыки
Принял и передал детям и внукам навечно.

V

Молвил царю Просвещенному неба владыка:
«Людам изменчивым не уподобишься ныне,
Не уподобишься алчным и сластолюбивым!
Шествуя прямо вперед, поднимайся к вершине!»
Люди из Ми²⁷ непочтенье свое показали,
Дерзко осмелясь перечить великой державе,
Вторглись в пределы Юани и Гуна достигли!
Царь поднимается, грозный и в гнев и в славе,—
Царь Просвещенный отряды свои собирает,
Чтоб подавить этой рати пришедшей держанье,
Благо для Чжоу еще укрепить, приумножив,
И утолить Поднебесной страны упованье!

VI

Царь наш спокоен в столице, а царские рати,
Выгнав врага из Юани за наши границы,
Горы проходят высокие; войско чужое
Больше на наших холмах не осмелится биться.
Нашими стали источники, наши — озера.
Хочет наш царь поселиться в прекрасной долине.
Циской горы избирает он южные склоны,
Там, где поблизости — вэйские чистые воды.
Тысячи стран в нем достойный пример обретают,
Слова царя обрели в Поднебесной народы.

VII

«Светлую доблесть и мудрость свою полюбил я,—
Молвил царю Просвещенному вышний владыка,—
Праведный гнев твой, глубоко в груди затаенный,
Вдруг не проявишь ты громким и яростным криком.

Не полагаясь на знания свои и на опыт,
Ты подчинился владыкою данным заветам».
Молвил царю Просвещенному вышний владыка:
«Царства союзные все призывая к совету,
С братьями выступишь ты в единении ныне,
Лестницы ваши стённые захватишь с крюками,
Башни осадные двинув и взяв катапульты,
К городу Чун приступи со своими войсками».

VIII

Медленны, медленны так катапульты и башни,
Высятся, высятся мощные чунские стены.
Чунских людей одного за другим изловили;
Суд учинив, мы обрезали уши у пленных.
Небу и богу войны совершили мы жертвы,
Этим покорно пристать к нам всех пригласили —
Нас не обидел никто в Поднебесной отказом.
Башни по стенам осадные били и били...
Чунские стены стоят нерушимо и крепко...
Царь, нападая, войска посылает, и боле
Рода их нет — он прервался, совсем уничтожен!
Нет в Поднебесной противников царственной воле.

ЧУДЕСНАЯ БАШНЯ

(III, I, 8)

Чудесную башню задумал построить Вэнь-ван,
Он выполнил все измерения и вычертил план.
И вот весь народ принимается строить ее,
И дня не прошло — завершает, усерден и рьян.
Вэнь-ван, начиная, сказал: «Не спешите к концу!»
Приходит народ наш к Вэнь-вану, как дети к отцу.

Вот царь Просвещенный идет в свой чудеснейший
сад —

Олени и лани повсюду спокойно лежат,
И шерсть на оленях лоснится, лоснится, блестит,
И птиц белоснежных сверкает чистейший наряд!
Вот царь Просвещенный выходит на берег пруда —
В нем рыбки резвятся, чиста и прозрачна вода.

Звучащие камни висят под узорным гребнем,
А мы в барабаны большие и в колокол бьем.
И стройно звучат барабаны и колокола,
И в школу средь круглого озера радость пришла!

Как стройно звучат с барабанами колокола,
И в школу средь круглого озера радость пришла! ²⁸
Из кожи каймана ритмично звучит барабан:
Слепые поют свои песни, чтоб слушал Вэнь-ван.

ОДА У-ВАНУ (III, I, 9)

I

Ныне У-ван ²⁹ утверждает правление Чжоу...
Мудрыми слыли цари у былых поколений:
Чжоуских три государя отныне на небе ³⁰—
Их продолжатель в столице обширных владений.

II

Их продолжатель в столице обширных владений,
Хочет поднять он всю доблесть державного рода,
Вечно достоин он неба верховных велений,
Он пробуждает и веру в царя у народа.

III

Он пробуждает и веру в царя у народа,
Землям подвластным примером пребудет надолго.
Вечно сыновней любовью он полн и заботой,
И да пребудет примером сыновнего долга!

IV

Был он один над землею, любимый народом,
Доблесть покорная стала народа ответом.
Вечно сыновней любовью он полн и заботой,
Тем он прославлен, что следовал предков заветам.

V

Так он прославлен, что много грядущих потомков
Следовать будет примеру их предка У-вана.
Тысячи, тысячи лет от всевышнего неба
Будут щедроты они получать непрестанно.

VI

Неба щедроты да будут для них непрестанны;
С данью придут Поднебесной предела четыре!
Тысячи, тысячи лет протекут, а потомки,
Разве опоры себе не найдут они в мире?

ОДА ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ (ВЭНЬ-ВАНУ) И ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ (У-ВАНУ)

(III, I, 10)

I

Царь Просвещенный, он славу имел:
Да, он великую славу имел!
Мира для царства искал он; удел
Мудрого — зреть торжество своих дел.
Был Просвещенный воистину царь!

II

Небо царю повеление шлет,
Он совершает свой ратный поход —
Чун³¹ покарал Просвещенный — и вот,
Город на фынской земле создает³².
Был Просвещенный воистину царь!

III

Стены возвел он по вырытым рвам,
Фын он воздвиг соответственно им.
Мелким не стал предаваться страстям,
К предкам — сыновнепочтителен сам.
Был он, державный, воистину царь!

IV

Славными были заслуги царя,
Только лишь стены он Фына воздвиг,
Стали едины пределы страны —
И точно столп царь державный велик.
Был он, державный, воистину царь!

V

Фын свои воды стремится на восток —
Юй совершил свои подвиги встарь!³³
Стали едины пределы страны —
Царь наш державный им всем государь!
Он, наш державный, воистину царь!

VI

Круглый, как яшмовый скипетр, пруд
В Хао-столице³⁴. С востока идут,
С запада, севера, юга... Смотрю:
Нет уж нигде непокорных царю!
Он, наш державный, воистину царь!

VII

Судит наш царь и гадает о том,
Будут ли в Хао столица и дом.
Будет! — решил черепаховый щит.—
Царь наш Воинственный дело вершит.
Он, наш Воинственный,— истинно царь!

VIII

Травы питает река наша Фын.
Разве У-ван не трудился один?
Планы исполнил для внуков своих,
Будет доволен почтительный сын!³⁵
Царь наш Воинственный — истинно царь!

II

ОДА ГОСУДАРИЮ ЗЕРНО (ХОУ-ЦЗИ) ¹

(III, II, 1)

I

Древен народ наш — с самых первичных времен!
Он Цзянь Юань — праматерью нашей — рожден.
Как порожден был народ наш? Могла Цзянь Юань,
Зная обычай, для жертвы принести свою дань,
Чтобы бесплодь минуло ее, — и в ответ
Пальца большого владыки верховного след
Видит она, на него наступает... И вот,
Вся задрожав, в тот же миг понесла она плод...
Времени мало ждала она — ей суждено
Было родить и питать государя Зерно.

II

Месяцы вышли — был первенец ею рожден
Так же легко, как овцою ягненок рожден.
Он ей не рвал и не резал утробу тогда,
Не было матери славной ни мук, ни вреда.
Это ль не чудо явилось у всех на глазах?
Разве верховный владыка не рад в небесах?
Чистая жертва ему не приятна ль была? —
Первенца очень легко Цзянь Юань родила.

III

В узкий загон для скота положили его ².
Овцы с быками, жалея, укрыли его.
Был он покинут потом на равнине в лесу —
Но дровосеки его подобрали в лесу.

Брошеп младенец на смерзшийся лед в водоем —
Птица его, согревая, укрыла крылом!
Птица едва оставляет ребенка на миг —
Князя Зерно раздается пронзительный крик.
Так был силен и протяжен им изданный звук,
Что все дороги собою наполнил вокруг!

IV

На четвереньках едва только ползает он,
Но, как скала, уже он и могуч и силен!
Пищу едва научился тянуть себе в рот —
А уж бобами успел засадить огород!
Пышно, как флаги, бобы в изобилие стоят,
Пышные злаки красиво посеяны в ряд,
Тучей тучнеет пшеница и с ней конопля,
Многое множество тыкв покрывает поля!

V

В поле Зерно государь изо всех своих сил
Силам природы взрастить урожай пособил.
Дикие сорные травы сгоняет с земли,
Сеет хлеба, чтобы, ярко желтея, росли.
Вот в скорлупе своей все набухает зерно,
Вот прорвалось, вот росток выпускает оно...
Вот и пробился росток, вот и колос стоит:
Зерна окрепли и стали добротны на вид.
Зернами полный склоняется колос — созрел!
Тай, как наследственный дом, получил он в удел.

VI

Много прекрасных семян раздавал он кругом:
Черное просо и просо с двойчаткой-зерном³,
Красное сорго и белое! Всюду подряд
Черное просо и просо-двойчатка стоят,
Сжали и в груды сложили весь хлеб на полях,
Сорго — и красным, и белым — покрыта земля,
Носят его на плечах, на спине по домам...
Жертвы приносит народ, что взлелеял он сам!

VII

Как же нам жертву такую готовить дапо?
Тот обдирает, а тот растирает зерно,
Тот провеваает, тот топчет колосья ногой,
Плещутся всплески — зерно промывает другой.
Варят зерно — вот уж пар над котлами поплыл.
Надо, чтоб каждый посильную лепту вложил!
Надо с полынью для жертвы размешивать жир,
Духам дороги баранов готовить на пир.
Мясо повсюду и варит, и жарит народ,
Чтобы успешно начать наступающий год.

VIII

Мы это мясо кладем в деревянный сосуд,
Чистым отваром сосуда из глины пальют...
Стал уж вздыматься от них к небесам аромат,
Неба верховный владыка доволен и рад —
Благоуханью ль, что не запоздало оно?
Жертве ль, указанной нам государем Зерно, —
Той, непорочной, что, свято блюдя, как закон,
Здесь приносили еще и до наших времеч!

ПИР 4

(III, II, 2)

I

Густо тростник возле самой дороги растет,
Пусть не потопчет и пусть не примнет его скот!
Вот развернется тростник, свой наденет наряд —
Нежные листья его заблестят, заблестят.
Кровные, кровные братья теперь у меня —
Не разлучайтесь, да будет вся вместе родня!
Вот и циновки для пира подстелены вам,
Низкие столики ставят — опору гостям.

II

Столики поданы, мат на циновку кладут,
Слуги, сменяясь все время, подносят еду.
Чаши хозяин сперва наливает гостям —
Гости подносят ему, чтобы выпил он сам.
Чаши омыты, но их наполняют опять:
Каждый отставил в сторонку, не стал выпивать.
Ставят соленья и с соусом острым блюда,
Ставят жаркое и печень. Богата еда!
Лакомый самый кусочек — язык и сычуг.
Гусли поют... В барабаны ударили вдруг!

III

Лук установлен — изогнуты круто углы,
И в равновесии строгом четыре стрелы;⁵
Спущены стрелы, в цель они метко летят...
Судя по меткости, гости поставлены в ряд.
Туго натянуты луки резные, и вот,
Каждый четыре стрелы из колчана берет:
В цель как впиваются стрелы! Закончив игру,
Тех, кто не чванился, ценят гостей на пиру.

IV

Пира хозяин — потомок преславных отцов —
Добрый, приятным вином угостить нас готов.
Вот наливает большими ковшами, а сам
Жизни до желтых волос он желает гостям,
Желтых волос и пятнистой спины, как у рыб⁶, —
Чтобы друг другу советом всегда помогли б,
Чтоб долголетней счастливая старость была, —
Дни благоденствия множатся пусть без числа!

ОДА ХОЗЯИНУ ПИРА

(III, II, 3)

I

Ныне вином напоил допьяна,
Нас напитал от великих щедрот.
Тысячи лет да живешь, государь!
Светлое счастье твое да растет!

II

Ныне вином напоил допьяна,
Данный тобою прекрасен обед.
Тысячи лет да живешь, государь!
Да возрастет лучезарный твой свет.

III

Свет лучезарный твой блещет кругом —
Ясность высокая с добрым концом!
Добрый конец ты теперь заложил —
Мертвых наместник⁷ добро возвестил.

IV

Что возвестил он? Сосуды полны,
Яства в сосудах чисты и вкусны.
В помощь избрал ты достойных друзей⁸ —
В них величавость и строгость видны.

V

В срок величавость и строгость яви!
Сын твой почтительной полон любви.
Не оскудеет любовью твой сын,
Благо вовеки тебе, господин!

VI

Благо какое да будет тебе? —
Вечно счастливый, в покоях дворца
Тысячи лет да живи, государь!
Будет потомство твое без конца!

VII

А каково же потомство твое?
Милость небес навсегда над тобой,
Тысячи лет да живи, государь,
Ты, одаренный великой судьбой!

VIII

Как одарен ты судьбой навсегда?
Ты удостоен преславной жены,
Ты удостоен преславной жены —
Внуков отцами да будут сыны!

ОДА О НАМЕСТНИКЕ МЕРТВЫХ (III, II, 4)

I

Утка и чайка на Цзине-реке — над водой⁹.
Мертвых наместник пришел насладиться едой.
С чистым вином твоим, вижу, сосуды стоят,
Яства твои издалека струят аромат.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Счастье его совершенно, он весел и рад.

II

Утка и чайка сидят на песке у воды.
Мертвых наместник явился отвесть еды.
Ты угощаешь его в изобилие вином,
Яства прекрасны на вкус на обеде твоим.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Гостеприимная радость наполнила дом.

III

Утка и чайка на остров садятся среди вод.
Мертвых наместник теперь на пиру отдохнет.
Чисто отцежено, вижу, для гостя вино,
Яства твои — то крошеное мясо одно.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Радость нисходит на гостя, и счастье полно!

IV

Утка и чайка по устью притока плывут.
Мертвых наместнику — пир и почет воздадут!
Ныне едой насладиться явился он в храм¹⁰,
Счастье и радость нисходят с наместником к нам.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Высшим блаженством и счастьем исполнен он сам!

V

Утка и чайка в стремнине потока меж скал.
Мертвых наместник, он радостным, радостным стал!
Вкусно вино твое и веселым-весело,
И ароматами мясо давно изошло!
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
В будущем минут тебя и несчастье и зло.

ОДА ЦАРЮ

(III, II, 5)

I

Счастлив наш государь, прекрасен он,
Достоинством высоким одарен.
Ведя как подобает свой народ,
От неба принял множество щедрот,
И волей неба верно он храним,
И милость неба непрерывно с ним.

II

Его богатств крупнее не найдешь,
Бессчетно и его потомство тож.
Почтительны державные сыны —
Князья, цари, достойные страны, —
Не умалят того, что сделал он,
Блюдя и помня древний наш закон!

III

У них величья полон строгий вид,
Их слава без ущерба прозвучит,
Чужды им будут ненависть и гнев.
Друзей своих советы рассмотрев,
Они стяжают счастье свыше мер,
Для всей страны кормило и пример!

IV

Кто нам пример, тот явит и закон,
Друзьям и близким мир дарует он.
Владыка, и вельможа, и солдат
К царю с любовью взоры обратят.
Кто не ленив на троне будет, тот
В довольстве успокоит свой народ.

ОДА КНЯЗЮ ЛЮ

(III, II, 6)

1

Великодушен князь — преславный Лю! ¹¹
Он отдыха не знает от работ:
Межи в полях, черты границ ведет,
С полей в амбары жатву соберет.
Зерно сложил в мешки на этот год,
В тюки припасы: думал он свой род
Во славе успокоить. «Пусть народ
Натянет луки, стрелы припасет,
Секиры, копыя и щиты возьмет!»
Князь Лю тогда отправился в поход.

II

Великодушен князь — преславный Лю!
К долине этой обращает лик:
На ней народ числом уже велик.
Народ спокоен: всюду он проник —
Народ вздыхать подолгу не привык!
И вот поднялся князь на горный пик,
Спустился вновь в долину, где родник.
На поясе что было у него?
Редчайшие каменя и нефрит,
И в самоцветных ножнах меч висит.

III

Великодушен князь — преславный Лю!
Идет туда, где сто истоков вод,
Широкою долиною идет;
Поднялся он на южные хребты,
Высокий холм увидел с высоты:
Там место есть для множества жилищ,
Он жителей велел селить на нем.
Для чужеземцев он построил дом,
И здесь за словом слово будет течь,
А там пойдет за мудрой речью речь.

IV

Великодушен князь — преславный Лю!
Себе на горке прочно ставит дом.
Величья полные мужи кругом...
Велит постлать циновки в доме том,
Зовет на пир, и гости входят в дом,
Расселись — приказал он пастухам:
Свинью из хлева выбрали б, — а сам
В простые тыквы льет вино гостям.
И те едят и пьют вино его
И как царя, как предка чтут его ¹².

V

Великодушен князь — преславный Лю!
Его земля обширна — всех сторон
Границы очертил по тени он; ¹³
Где солнечный и где тенистый склон,
Где токи рек, стремится он узнать.
Три легиона — княжеская рать...
Он знает, где возвышенность, где падь.
Межи и подати ввел с этих пор.
Узнал страну он к западу от гор.
Владений Бинь просторным стал простор!

VI

Великодушен князь — преславный Лю!
Лишь временный себе поставил дом.
Как через Вэй устроил он паром,
К себе железо стал возить на нем.
Устроив всех, межи везде ведет —
В довольстве множится его народ.
Строенья сжали весь Хуан-поток,
Достигли мест, где мчится Го-поток, —
Идут они, густы и широки,
До самых до излучин Жуй-реки! ¹⁴

ОДА БЛАГОСКЛОННОМУ ГОСУДАРЮ

(III, II, 7)

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Зачерпните ее, принесите сюда эту воду:
Можно рис отварить и, обед приготовив, подать.
Государь и счастливый, и вместе любезный народу,—
Для народа он словно отец и родимая мать!

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Зачерпните ее, принесите сюда эту воду:
Пригодится она, чтобы вымыть в ней винный сосуд.
Государь и счастливый, и вместе любезный народу,—
И народ, прибегая к нему, обретает приют!

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Соберите скорей, принесите сюда эту воду:
Пригодится, чтоб вымыть сосуды водою такой!
Государь и счастливый, и вместе любезный народу,—
И народ, прибегая к нему, обретает покой!

ОДА ЦАРЮ

(III, II, 8)

I

Где холм стоит, в излучину на нем
Донесся с юга теплый ветер вдруг.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Пришел гулять и песни петь вдвоем;
Услышь же песни этой стройный звук.

II

Прогулки — красят твой досуг они;
С приятностью гуляя, отдохни.
Ты наш счастливый, добрый государь,
Да будет долгой жизнь твоя, и ты,
Как прежние цари, окончишь дни!

III

Обширна и славна твоя земля,
И все растет и крепнет день за днем.
Наш благосклонный, мудрый государь,
Да будет долгой жизнь твоя, и ты
Всех духов, как гостей, да вводишь в дом¹⁵.

IV

По воле неба взыскан ты давно
Щедротами¹⁶, и благо суждено
Тебе, счастливый, добрый государь!
Да будет долгой жизнь твоя! Тебе
Навеки счастье чистое дано.

V

Да будут же помощники царя
Сыновним долгом, доблестью полны —
От них совет и помощь для царя.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Да будешь ты законом для страны!

VI

Величья полон твой достойный вид,
Будь духом чист, как скипетра нефрит¹⁷,
Пусть слава добрая твоя звучит.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Для всей страны ты — правило и щит!

VII

Четою ныне фениксы летят,
В полете крылья их шумят, шумят,
Вот по местам они расселись вдруг.
Есть у царя немало верных слуг,
Почтительных, готовых для услуг:
Сын неба для таких — любимый друг!

VIII

Четою ныне фениксы летят,
В полете крылья их шумят, шумят,
И неба достигает их полет.
Царь много, много добрых слуг найдет:
Коль царь свои приказы им дает,
Они полюбят весь его народ¹⁸.

IX

И ныне фениксы поют четой,
На том хребте поют, что так высок...
Растут утунги на горе на той,
Чей склон глядит под солнцем на восток:
Утунги¹⁹ в зелени густы, густы,
А звуки пенья так чисты, чисты!

X

Есть колесницы ныне у царя —
В его войсках так много, много их.
Есть у тебя и кони, государь,
И быстр привычный бег коней твоих!
Ты песни пел — и липь в ответ на них
Сложил и я короткий этот стих.

НАРОД СТРАЖДЕТ

(III, II, 9)

1

Народ наш страждет ныне от трудов —
Удел его пусть будет облегчен.
Поддай же милость сердцу всей страны²⁰,
Чтоб мир снискать для четырех сторон.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб всяк недобрый был предупрежден.

Закрой пути злодеям и ворам —
Небесный ведь не страшен им закон.
Дай мир далеким, к близким добрым будь,
Да укрепится этим царский трон!

II

Народ наш страдает ныне от трудов —
Пусть он вздохнет немного от работ.
Поддай же милость сердцу всей страны,
Чтоб стал единым ныне наш народ!
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб в страхе был смутьянов шумный сброд.
Закрой пути злодеям и ворам,
Избавь народ от горя и забот.
Не оставляй трудов своих — тогда
Покой и государь наш обретет.

III

Народ наш страдает ныне от трудов!
Чтоб передышку все же он имел,
Столице нашей милость окажи,
И в мире будет каждый наш удел.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб тот был в страхе, кто забыл предел.
Закрой пути злодеям и ворам,
Пусть зло они отныне не творят.
Блюди всегда достойный, строгий вид,
И те придут, кто доблестью богат.

IV

Народ наш страдает ныне от трудов,
Пусть он немного отдохнет пока.
Поддай же милость сердцу всей страны,
Чтоб скорбь людей была не так горька.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Зло обуздай, смири клеветника,

Закрой пути злодеям и ворам,
Чтоб истина не рушилась века!
И пусть теперь ты сам и мал, и слаб,
Твоя заслуга будет велика!

V

Народ наш страждет ныне от трудов,
Он мог бы в мире жить, но мира нет.
Подай же милость сердцу всей страны,
И царство не узнает больше бед!
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб вечно в страхе подлый был клевет,
Закрой пути злодеям и ворам,
Чтоб истине не причиняли вред.
Как яшму, будет царь любить тебя,—
Прими же этот строгий мой совет.

ОДА В ПОУЧЕНИЕ БЕСПЕЧНОМУ

ЦАРЕДВОРЦУ

(III, II, 10)

I

Милость верховный владыка сменил на грозу:
Страждет от гнева его весь народ наш внизу.
Сходное с истинным слово не выйдет из уст,
Так и расчет недалек, что ты строишь, и пуст.
«Нет мудреца и опоры!» — ты скажешь в ответ?
Только воистину правды в речах твоих нет —
Этот расчет, что построил ты, вновь недалек!
В слове моем оттого и великий упрек.

II

В дни, когда небо лишь беды нам шлет с высоты,
Не подобает быть вовсе веселым, как ты.
В дни, когда небо колеблет всю землю,— пред ним
Не подобает быть вовсе беспечным таким!

Если в согласие с истиной слово придет,
Будет в согласии добром отныне народ.
Речь твоя доброю будет — от речи такой
Будут в народе устойчивы мир и покой.

III

Службы хотя и различны у нас, говорю:
Мы, как товарищи, оба на службе царю.
Ныне пришел я, чтоб дать тебе добрый совет,
Слушаешь ты, а к словам и внимания нет.
Ныне о важных делах я веду свою речь —
Этим с усмешкой такую нельзя пренебречь.
Древний народ говорил, что разумен лишь тот,
Кто и у сборщика сучьев советы берет!

IV

В дни, когда небо являет жестокость и гнев,
Не подобает над этим шутить, обнаглев.
Правдою правда в словах у меня, старика, —
Ты же хоть молод, а гордость твоя велика;
Так не считай же безумными сказанных слов! —
Горе в забаву себе обратить ты готов.
Видишь: пожар все сильнее и опасней везде,
Только лекарства не сыщешь ты в помощь беде!

V

В дни, когда ярости неба народу не снести,
Не подобают тебе ни зазнайство, ни лесть.
Вид и достоинство ныне теряешь ты сам!
Добрые люди подобны теперь мертвецам²¹.
В дни, когда плач и стenanье — народа удел,
Вникнуть в причину стenanья никто не посмел!
Смута везде, разоренье и гибель, и вот:
Нет никого, кто б утешил наш бедный народ!

VI

Небо людей просветляет, им радость дарит.
С флейтою нежной согласно сюань так звучит,
Княжеский жезл так слагался из яшм — так оно
Вам покровительствует и ведет вас давно²².
Если ведет, разве спросишь прибавки? И вот
Так же легко небеса просветляют народ!
Много грехов у народа, и ныне при всех
Не выставляй напоказ ты п собственный грех!

VII

Доблести муж величавый — он царства оплот,
Царства ограду собою являет народ,
Сильных удел — перед входом поставленный щит²³.
Род знаменитый — столпом и опорой стоит,
В мире любовью к добру утвердится страна,
Родичи наши — тебе крепостная стена;
Не допускай же, чтоб стены разрушились в прах,
Чтоб не осилил тебя, одинокого, страх!

VIII

Страх перед гневом небес постоянно имей
И предаваться веселью и играм не смей;
Бойся, что небо изменит все судьбы людей,
И на погибель страшись погонять лошадей!
Небо державное — это сияющий свет,
Где б ты ни шел, от него не укроешься, нет!
Небо державное — это как солнца восход —
Всюду беспутство твое озарит и найдет!

III

СЛОВО ВЭНЬ-ВАПА
ПОСЛЕДНЕМУ ГОСУДАРЮ ШАН¹
(III, III, 1)

I

Великий, великий верховный владыка —
Владыка народов, живущих внизу.
Жестокий и грозный верховный владыка —
Дары его злом осквернились внизу!
Хоть небо рождает все толпы народа,
Нельзя уповать лишь на волю творца:
Недобрых совсем не бывает вначале,
Но мало кто добрым дожил до конца².

II

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Насилие и угнетение вижу,
Одна лишь корысть и стяжанье вокруг!
Насильники эти на месте высоком,
А ты из стяжателей выбрало слуг —
Нам небо их, наглых, на муку послало,
А ты подняло их, ты силу им дало».

III

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Имеешь ты к долгу ревнивых людей,

Насильники ж злобу плодят между нами,
Тебе отвечают пустыми словами,
А здесь при дворе только вор и злодей:
С проклятьями злорадия кругом зашумела,
И нет им границы, и нет им предела!»

IV

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
В стране лишь твоя злая воля была,
И доблесть твоя — лишь стяжание зла,
И доблесть царя твоего не светла!
Нет помощи трону кругом, но хула
Идет, что померк твоей доблести свет
И в царстве достойных советников нет».

V

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Вином разве небо поит тебя? — Нет!
Ты следуешь тем, что от долга далеки,
Ты облик достойный теряешь в пороке,
И света от полного мрака невмочь
Тебе различить, только крики и вопли
Я слышу, и день обратило ты в ночь!»

VI

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Гудит, как цикады, и ропщет народ,
Бурлит, как в разливе вскипающих вод:
Великий и малый здесь гибель найдет,
Но ты продолжаешь губительный ход,
И гнев поднимается в царстве Срединном³,
До демонских стран⁴, разливаясь, идет».

VII

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Безвременье шлет не верховный владыка —
Ты, Инь, небрежешь стариною великой:
Хоть нет совершенных и старых людей,
Законов живет еще древнее слово,
Но ты не вникаешь в законы, и снова
Великие судьбы распасться готовы»⁵.

VIII

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Народ поговорку имеет такую:
Коль валятся, корни подняв, дерева,
А ветви их целы, жива и листва,
То были подрезаны корни сперва!⁶
Для Инь недалеко и зеркало есть,
И память о Ся государе⁷ жива!»

ПОУЧЕНИЕ ПРАВИТЕЛЮ (III, III, 2)

I

Прежде всего за достойной осанкой следи:
Признак она, что достоинство скрыто в груди.
Люди теперь поговорку сложили вот так:
Всякий мудрец, говорят, непременно дурак!
В глупости черни, пожалуй, сказать бы я мог,
Главное то, что она прирожденный пророк;
Из мудрецов же бывают лишь те дураки,
Кто поступает природе своей вопреки.

II

Силы мудрей человека воистину нет:
Вся Поднебесная слушает мудрый совет.
Если б явил он и доблести светлой дела —
Вся бы страна за таким государем пошла.
Тверды указы, и планы его широки,
К времени слово, и думы его далеки,
Если блюдет и осанку достойную он,
То для народа правитель — пример и закон.

III

Если же ныне блуждает правитель иной,
Сам поднимает он смуту в правленье страной,
Доблести духа в себе ниспровергнуул давно
И погрузился бездумно в одно лишь вино.
Ты хоть утехам безмерно предаться готов,
Разве не вспомнишь и ты о наследье отцов?
Не устремишься ль душою ты к древним царям,
Правилам светлым ужель не последуешь сам?

IV

Небо державное нас отвергает, и вот,
Не уподобимся ль ныне источнику вод:
В бездне исчезнуть и мы не стремимся ужель?
Раньше вставай и лишь ночью ложися в постель,
Двор свой опрыскай и вымети сор со двора:
Будешь народу примером труда и добра.
Сам же готовь и коней с колесницами ты,
Стрелы и копыа готовь, и мечи, и щиты:
Будешь на страже ты против внезапной войны:
Прочь да изгонишь и варваров южной страны.

V

Да укрепить ты народ свой на добром пути,
Княжеский долг и закон исполняй ты и чти.
Будь наготове, чтоб недруг врасплох не застиг,
Будь осторожен в словах, что пришли на язык.

Вид величавый и вместе достойный блюди:
Будет во всем и добро и покой впереди.
Если с пороком белейшая яшма жезла,
Тут бы шлифовка исправить порок помогла;
Если же в слове твоём оказался порок,
Что б ты ни делал, но слова б исправить не мог.

VI

Пусть легковесного слова не скажут уста,
Речь у тебя да не будет небрежно пуста:
Знай, что не держит никто языка твоего,
Слово нельзя отпустить, не обдумав его.
Знай же, что слово пайдет непременно ответ,
Блага, чтоб кануло без воздаяния, — нет.
Милостив будешь к советникам — станешь любим,
Милостив будь и к народу, как к детям своим.
Внуков пойдет от тебя непрерывная пить:
Тысячи тысяч да будут им вечно служить.

VII

Видят, как ты с благородными дружбу ведешь:
Лик твой приятен и мягок, и сам ты хорош,
Думаешь, как бы не вышло ошибки какой.
Будь же таким и тогда, как заходишь в покой:
Перед отверстием в крыше⁸ своей не красней,
Не говори, что не видно, каков ты под ней,
И что никто за тобой не следит: и тогда
Светлые духи незримо приходят сюда.
Можно ль предвидеть и их появление здесь?
Может быть, паче у них отвращение есть.

VIII

Если, правитель, ты явишь нам доблесть души,
Если поступки добры и всегда хороши,
Если хранишь ты заботливо благостный вид,
Без упущений ведешь себя, как надлежит,
Если чужды тебе будут обида и грех,
Разве не будешь, правитель, примером для всех?

Кто мне подарит душистого персика плод,
Сливу всегда от меня в благодарность возьмет.
Кто ж от ягненка захочет рогов, не шутя,
Только обманом потешит себя, как дитя⁹.

IX

Ствол деревца, если нежен он, гибок, упруг,
Шелковой нитью покроют и сделают лук.
В том, кто исполнен вниманья к другим и тепла,
Доблесть в таком человеке опору нашла.
Если я мудрого разумом вижу и сам
Тут же его поучаю я добрым словам,
Будет добро он послушно творить до конца;
Если ж случится учить от природы глупца,
Скажет, напротив, такой, что я вовсе не прав:
Каждый в народе имеет свой собственный нрав.

X

Малый ребенок недавно явился на свет,
Не понимает еще, что добро и что нет;
Я же не только ребенка за ручку вожу,
Но непременно и дело ему покажу;
Кроме того, что учу его с глазу на глаз,
Уши, бывает, ему надираю не раз.
Если ж ты скажешь, что сам неразумен, — то ложь.
На руки сына и сам ты порою берешь.
Кто, как не полный гордыни, постигнув с утра,
Только к закату исполнил бы дело добра.

XI

Неба державного всепроникающий свет!
В жизни моей ни веселья, ни радости нет.
Вижу я, мрак омрачил тебя, точно во сне,
Болью болеет от этого сердце во мне.
Я поучал тебя, вновь повторяя слова,
С видом небрежным меня ты прислушал едва,

Не за того меня счел ты, кто учит людей,
А за того меня счел, кто другому злодей.
Если ж ты скажешь, что разумом сам не велик,—
Вспомни, что сам ты почтенный глубокий старик!

ХП

Если ж и впрямь ты как малый ребенок теперь,
Древние истины я повествую, поверь!
Слушай и следуй отныне советам моим,
Горьким раскаяньем после не будешь томим.
Небо нам беды и скорби послало пока,
Гибель, скажу я, и этому царству близка.
Мне за примером не надо далеко идти:
Небо державное, знай, не блуждает в пути.
Кто ж исказил в себе доблесть врожденную, тот
Сам навлекает великую скорбь на народ!

ОДА БЕСЧЕСТНЫМ ПРАВИТЕЛЯМ (III, III, 3)

I

Нежная в пышной листве шелковица ¹⁰,
Тень ее всюду под нею ложится.
Листья сорвали, и ствол засыхает:
Люди без тени под нею страдают.
Сердце безмерной точится тоскою,
В скорби своей я не знаю покоя.
Вышнее небо, повсюду твой свет;
Разве ко мне сострадания нет?

II

Кони в четверках могучи, могучи,
Носятся сокол и змея, как тучи,
Мира не стало, и смута родится,
К гибели каждое царство стремится ¹¹.

Черноволоксы в народе не встретишь¹²,
Всюду лишь горе и пепел заметишь.
Горе! Печалью исполнен народ:
Царство опасной дорогой идет!

III

Царство идет к своей гибели скорой,
Небо оставило нас без опоры!
Даже пристанища нам не найти.
Как мы идем, по какому пути?
Коль благородные люди на деле
В сердце охоты к вражде не имели,
Кто ж породил бесконечное зло,
Что нас к несчастью теперь привело?

IV

Скорбное сердце тоскою изныло:
Вспомнил о доме и родине милой.
Видно, родился в недоброе время:
Вынес я гнева небесного бремя.
С дальнего запада шел на восток я:
Места найти, где б укрыться, не мог я,
Много страданий я видел — сильней
Боль испытал у родных рубежей.

V

Держишь советы, и сам ты на страже:
Слабнешь, а смута расширилась даже!
Правду скажу вам про ваши печали —
Если б к себе мудрецов приближали,
Кто же горячее взял бы рукою,
Не остудив его прежде водою?
Можем ли кончить мы дело добром,
Если все вместе в пучину идем?

VI

Ветер навстречу подует — пожалуй,
С ним и не справится путник усталый...
Люди в народе есть доброго нрава,
Но говорят: «Мы не справимся, право!»
Вместе с народом и до утомленья
Любят пахать они вместо кормленья¹³.
И лишь один земледельческий труд
Вместо «кормленья» и ценят и чтут.

VII

Небо нам смуты и смерти послало:
Царь наш лишен уже мощи бывалой.
Шлет оно вредных жуков, угрожая
Хлебные нивы лишить урожая.
Царство в великой печали и в горе:
Все в запустенье окажется вскоре.
Силы не стало хребет распрямить,
Взор на синеющий свод обратить!

VIII

Царь справедливость проявит — и вежды
Люди, очнувшись, поднимут с надеждой...
Планы задумавши, — пусть не однажды
Царь проследит за помощником каждым!
Если ж бессмысленно всех ты неволишь,
Правым считаешь себя одного лишь,
Прихоти следуешь только — и вот,
В ярость безумья приводишь народ!

IX

В чаще лесов ты увидишь: под сенью
Дружно стадами гуляют олени...
Здесь же друзья прекословят друг другу,
Доброе дело не ставят в заслугу!
Есть поговорка: куда ни пойдешь —
Взад ли, вперед ли — все в ров попадешь!

X

Мудрого взгляду и мудрого речи
Сразу сто ли перейти — недалече; ¹⁴
Если же глупого взять для примера,
Рад он безумствовать всюду без меры...
Слово дрожит у меня на устах —
Вымолвить только мешает мне страх...

XI

Добрые люди нашлись бы, но сами
Их не зовут и не дарят чинами;
Тех же, чье жесткое сердце сурово,
Ценят все более снова и снова.
Смуты народ полюбил наш и рад
Горький точить и губительный яд!

XII

Ветер великий путями своими
Долами бродит — пустыми, большими...
Коль человек добронравен — ужели
Добрым себя не окажет на деле?!
Кто же злонравен и дерзостен, тот
Темной и грязной дорогой идет.

XIII

Ветер великий пути свои любит...
Алчный — своих же товарищей губит.
Слушали б — знали бы правду мою;
Ныне ж, как пьяный, лишь песню пою.
Добрыми царь небрежет, — и от дум
Больше и больше мутится мой ум!

XIV

Ныне же, друг ты мой милый, ужели
Песню слагал я, не ведая цели?
Песня моя — точно дротик летящий,
Мелкую мошку порою разящий...
Шел я спасти тебя, песню пропев,—
Встретил в ответ лишь угрозу и гнев.

XV

То, что выходит народ за пределы,—
Это — его совратителей дело!
Зло причинять ему — входит в обычай,
Только, пожалуй, не сладить с добычей!
Те, кто народ наш с пути совратил,
Спрячт над ним изо всех своих сил.

XVI

Будет народ успокоен не скоро,
Грабят народ наш жестокие воры.
«Это нельзя», — говорят лицемеры,
Лгут за спиной и поносят без меры.
«Это не мы!» Но ответите вы,
Песню про вас я слагаю, увы!

ОДА О ЗАСУХЕ

(III, III, 4)

I

Горела ярко звездная река ¹⁵,
Кружа, пересекала небосвод.
И царь сказал: «Увы мне, горе нам!
Чем ныне провинился наш народ?»

Послало небо смуты нам и смерть
И год за годом снова голод шлет.
Все духам я моления возносил,
Жертв не жалея. Яшмы и нефрит
Истощены в казне. Иль голос мой
Не слышен стал и небом я забыт?

II

А засуха ужасна и грозна,
И зной, скопясь, поднялся к небесам.
Я жертвы непрестанно возношу,
Переходя с мольбой из храма в храм.
Давно погребены мои дары¹⁶
И небу, и земле, и всем богам,
Но князь Зерно помочь в беде не мог,
А царь небесный не снисходит к нам.
Чем видеть мор и гибель на земле,
Я кару принял бы за царство сам!

III

А засуха ужасна и грозна!
Ее не отвратить, и смерть кругом,
И страхом я и ужасом объят,
Как будто надо мной грохочет гром.
О царство Чжоу, где же твой народ?
Калек, и тех не остается в нем!
Небес великих вышний государь,
Ужель царя ты не оставишь в нем?
О предки, как нам в трепет не прийти? —
Не станет жертв пред вашим алтарем!¹⁷

IV

А засуха ужасна и грозна!
Ее не угасить, и все в огне,
И все кругом покрыл палящий зной,
И места нет, куда б сокрыться мне.
Надежды нет, куда ни бросишь взор —
Судеб великих близится конец!

Я помощи не вижу от князей,
Издревле правивших в моей стране...
Ужель вы не жалеете меня,
Отец, и мать, и предки в вышине?

V

А засуха ужасна и грозна!
Гора иссохла, и иссяк поток,
И всюду сеет пламя и пожар
Свирепый демон — засух грозный бог.
Изнемогает сердце от жары —
Как бы огонь больное сердце сжег!
Князья, что древле правили страной,
Не слышат нас (мой голос одинок).
Небес великих вышний государь,
О, если б я уйти в изгнанье мог!

VI

А засуха ужасна и грозна!
В смятенье я — бежать мешает страх,
И засухой, не знаю сам за что,
Наказан я, и этот край исчах!
У стран земли моля обильный год¹⁸,
Я жертвы в срок вознес на алтарях.
Небес великих вышний государь,
Ужель забыл ты о моих мольбах?
Пресветлых духов чтил я — не должны
Меня их гнев и ярость свергнуть в прах.

VII

А засуха ужасна и грозна!
Все разбрелись кругом, ослаб закон,
В беде правители моей страны,
Советник царский скорбью поражен.
Начальник стражи нашего дворца,
И конюший, и кравчий — двух сторон

Вельможи ¹⁹ — все спешат помочь, никто
Не говорит, что не способен он ²⁰...
Я взор подъял к великим небесам —
Ужель удел мой только боль и стон?

VIII

Я взор подъял к великим небесам —
Сверкают звезды, предвещая зной!
Мужи совета, доблести мужи,
Свершили все под светлой вышиной.
Судеб великих близится конец —
Не оставляйте труд ваш!.. Я иной
Удел у неба не себе ищу,
А вам, что правите моей страной.
Я взор подъял к великим небесам:
«Да будет милость их и мир со мной!»

ОДА ШЭНЬСКОМУ КНЯЗЮ ²¹ (III, III, 5)

I

Горы святые ²² высоки, велики:
Самого неба достигли их пики.
Духа сошла с них священная тень,
Фу порождает он роды и Шэнь ²³.
Шэнь поднялися и Фу и с тех пор
Стали для Чжоу ²⁴ на место опор,
Царств четырех они стали стеной,
Доблесть явили пред нашей страпой!

II

Трудится Шэнь-князь, по царскому слову
Подвиги предков продолжить готовый.
Жалован в Се ²⁵ был столицею он,
Южным уделом, — в пример и закон.

Шаоский князь, отряженный царем,
Строит для Шэнь и столицу, и дом,
Юг устрояет: пребудут в веках
Подвиги Шэнь у потомства в руках!

III

Шэньского князя царь чтит приказаньем:
«Южным уделам служить назиданьем;
И чтобы жители сеской земли
Город и крепость тебе возвели».
Шао велел царь, чтоб подати все
С шэньских земель собиралися в Се.
Домоправителю велено вдруг
В Се перевести домочадцев и слуг.

IV

В Се начались для князя работы,
Князю из Шао тут было заботы.
Прежде воздвиг он вокруг города вал,
Храм и с пристройками после создал;
Храм тот пространно построенный был.
Шаньскому князю наш царь подарил
Сильных-пресильных четыре коня,
Бляхи блестят на них ярче огня.

V

Царь отправляет его из столицы
В царской с четверкой коней колеснице.
«Думал о доме твоём, не нашли
Места достойнее южной земли.
Яшмовый жезл я тебе подарю —
Знак драгоценный, что служишь царю.
Дядя царя своего ты, иди,
Южные наши владенья блюди!»

VI

Вот шэньский князь отправляется, следом
В Мэй²⁶ его царь угощает обедом.
Шэньскому князю на юг повернуть
Надо, он в Се направляет свой путь.
Князю из Шао приказано: все
Были бы подати собраны в Се,
Чтоб в закромах накопилось зерно,
Князю в пути пригодится оно!

VII

Шэньский наш князь так воинственно, смело
В Се приезжает, и свита поспела;
Тьма колесниц, и спешит пешеход.
В царстве великом ликует народ:
«Добрый оплот ныне будет и щит!
Шэньский наш князь разве не знаменит?!
Дядя старейший царя! Наконец,
Будет для власти живой образец!»²⁷

VIII

Шэньский наш князь трех достоинств радетель:
Мягкий, прямой он, для всех благодетель.
Он успокоил уделы страны,
Славою князя все царства полны.
Цзифу²⁸ сложил эту песню о нем,
Сложена песня с большим мастерством:
Полное звуков согласие творю,
Шэньскому князю ту песню дарю.

ОДА ЦАРСКОМУ НАСТАВНИКУ
ЧЖУН ШАНЬФУ ²⁹
(III, III, 6)

I

Небо, рождая на свет человеческий род,
Тело и правило жизни всем людям дает.
Люди, храня этот вечный закон, хороши,
Любят и ценят безмерную доблесть души.
Небо, державно взирая на чжоуский дом,
Землю внизу осветило горящим лучом,
И, чтобы Сына небес не коснулось зло,
Небо в защиту ему Чжун Шаньфу родило.

II

Доблестью духа был наш Чжун Шаньфу одарен,
Мягок, прекрасен, всегда почитал он закон,
Видом достойным и всем выраженьем лица,
Был осторожен, внимателен был до конца.
Древних реченья как правила жизни любил,
Вид величавый блюдя изо всех своих сил.
Сыну небес был послушен всегда и не раз
Всем возвещал государя пресветлый приказ.

III

Царь говорит: «Чжун Шаньфу, повеленью внимли!
Будь ты примером властителям нашей земли,
Предков своих продолжая заслуги и путь,
Царской особе ты телохранителем будь.
Царскую волю вещая и всюду творя,
Будешь ты сам языком и устами царя!
Наши решенья везде быть известны должны,
Их да исполнят четыре предела страны!»

IV

Важными, важными были приказы царя:
Чжун исполняет их, царскую волю творя.
Был ли послушен иль был непокорен удел —
Светлым умом Чжун Шаньфу это все разумел.
Разума ясность и мудрость ему помогла
И самому оградиться от всякого зла.
Отдыха он не имеет ни в утро, ни в ночь,
Чтоб одному человеку³⁰ в правленья помочь.

V

Мягкий кусочек легко принимают уста,
Выплюнешь твердый кусок не жуя изо рта —
Тоже сложил поговорку такую народ.
Но Чжун Шаньфу человек был, однако, не тот:
Мягкий кусочек его не глотали уста,
Твердый кусок не выплевывал он изо рта —
Не угнетал, как другие, он сирых и вдов,
Сильных отпора не труся, был с ними суров!

VI

Доблесть души человека легка, точно пух,
Редкий поднять ее только найдет в себе дух —
Тоже сложил поговорку такую народ.
Я поразмыслил, подумал над нею, и вот,
Только один Чжун Шаньфу и поднять ее мог,
Я, хоть люблю его, в этом ему не помог.
Царское платье с изъяном бывает³¹, не зря
Лишь Чжун Шаньфу не боится поправить царя.

VII

Жертву приносит Чжун духам дороги: на ней
Крепких из крепких четверка могучих коней.
Быстрые, быстрые люди собрались в поход:
Думает каждый из них лишь, что он не дойдет.
Мощные, мощные кони четверкою в ряд,
Восемь на них колокольчиков звоном звенят.

Царь повеление дал Чжун Шаньфу, чтобы в срок
Крепость построить, он ехал теперь на восток.

VIII

Сильными, сильными были четыре коня,
Восемь бубенчиков брякают, звоном звеня:
В княжество Ци³² Чжун Шаньфу отправляется мой.
О, поскорей, поскорей возвращайся домой!
Цзифу хотел бы, тебе эту песню сложив,
Нежную песню, как чистого ветра порыв,
Чтоб, Чжун Шаньфу, среди долгих раздумий твоих,
В сердце вошел и печали утишил сей стих.

ОДА ХАНЬСКОМУ КНЯЗЮ³³

(III, III, 7)

I

Мощные, мощные Лянские горы³⁴,
Юй лишь один их измерил просторы.
Ханьский наш князь на великом пути,
Должен к царю за указом идти³⁵.
Княжеский жезл царь вручает и званье:
«Дабы продолжил ты предков деянья.
Долг не нарушив пред нами, о князь,
Денно и ночью трудись, не лентясь.
Если ты долг свой исполнишь исправно,
Мы не изменим указ наш державный³⁶.
Дань ко двору не несущих смиря,
Будешь помощником верным царя».

II

Кони в четверке прекрасны и ровны,
Длинные тела их и ростом огромны.
Ханьский наш князь к государю спешит,
С ним его скипетр — чистый нефрит.

Принят был князь государем, потом
Сделаны были подарки царем:
Знамя узорное с перьями птицы,
Верх и резное ярмо к колеснице,
В сбруе чеканные пряжки горят,
Алые туфли и черный халат,
Тут же тигровая шкура лежала,
Вожжи из кожи с кольцом из металла.

III

Жертву приносит всех путников богу
Князь этот ханьский, пускаясь в дорогу.
В Ту ночевал князь, и там для него
Сянь-фу³⁷ готовил уже торжество.
С чистым вином сто кувшинов могли бы
Всех напоить, черепахи и рыбы,
И для приправы к ним поданы лишь
В нежных побегах бамбук и камыш.
Был он одарен, пред тем как проститься,
Царской упряжкой с большой колесницей.
Блюд было множество там, на пиру
Были князя, что пришли ко двору.

IV

Князь избирает супругой желанной
Дочку сестры государя Фэнь-вана³⁸,
Гуй-фу, советника царского, дочь.
Ханьский наш князь, чтобы делу помочь,
К Гуй-фу поехал за девою тою:
Сто колесниц — красота красотою,
Восемь бубенчиков звоном звенят —
Блеск этот разве не радует взгляд?
Вышла невеста и с нею сестрицы —
Словно как туча по небу стремится;
Ханьский наш князь оглядел их в упор —
Словно бы блеском наполнился взор!

V

Гуй-фу с великой отвагою, смело
 Все объезжает на свете уделы
 И не находит для Хань-цзи³⁹ своей
 Ханьского славного царства милей.
 В ханьской земле этой радуют взоры
 Реки большие, большие озера,
 Жирны здесь окуни, жирны лещи,
 Ланей же — сколько угодно ищи,
 Тут и медведи — большой есть и малый,
 Диких котов здесь и тигров достало.
 Доброму месту был Гуй-фу наш рад;
 Будет для Хань-цзи премного услад.

VI

Ханьский был город велик и достоин,
 Некогда яньским народом построен⁴⁰.
 Предкам указ был торжественно дан:
 Править народами варварских стран.
 Снова обласкан был князь государем:
 Чжуй ему дарим и Мо ему дарим.
 Севера земли преемствуя, он
 Станет главой для окрестных племен.
 Стены да строит со рвами и башни,
 Пусть собирает он подати с пашни,
 В дань представляя, другим не в пример,
 Бурых медведей и рыжих пантер.

ОДА ШАОСКОМУ КНЯЗЮ ХУ⁴¹

(III, III, 8)

I

В Цзяне и Хань высока, высока вода...
 Мощным потоком, солдаты, спешим сюда.
 Отдых неведом нам вовсе и чужд покой:
 Ищем мы варваров там, за Хуай⁴² рекой.

Вышли уже колесницы у нас в поход,
С соколом знамя расшитое вновь встает.
Ни отдохнуть не могу, ни замедлить шаг:
Стройное войско сразится и дикий враг.

II

Воды и в Хань, и в Цзяне кипят, кипят...
Грозный из грозных вид у моих солдат!
И, успокоив пределы своей страны,
Мы известить о победе царя должны.
«Мирны теперь пределы твоей земли,
Царским владеньям твердый оплот нашли».
Нынче у нас надолго окончен спор...
В сердце царя нисходит покой с тех пор.

III

...Там возле Хань и Цзяна, где рать у нас,
Вновь Шао Ху получает царя приказ:
«Наши расширить земли мы слали рать,
Здесь, на границах, подать с земли собрать,
Мы не тесним с обидою наш народ,
Пусть, как у нас, и всюду налог идет!
Земли межуйте, делите поля скорей,
Так поступайте до самых южных морей!»

IV

Вновь Шао Ху получает приказ царя:
«Так поступайте всюду, указ творя.
В дни, когда Просвещенный престол снискал⁴³,
Шаоский князь для Чжоу опорой стал.
Нас ты теперь дитятей считать забудь!
Шаоский князь, ты предку подобен будь.
Славны твои заслуги, и по трудам
Счастьем великим ныне тебе воздам!

V

Дам я скипетр из яшмы и кубок в нем⁴⁴,
Для возлияний предкам кувшин с вином.
В храме, где Просвещенный,— его спросив⁴⁵,—
Много я дам тебе горя, земель и пив!

Ныне от Чжоу получишь ты мой указ,
Примешь, как предок Шао, свой сан от нас».
Ху поклонился в землю, сказав в ответ:
«Царь да живет наш долгие тысячи лет!»

VI

Ху поклонился в землю, обряд творя
И восхваляя милость и дар царя.
Запечатлел князь Шао свои дела —
Тысячи лет Сыну неба, царю — хвала!
Светлый-пресветлый принял владыка вид,
Добрая слава о нем без конца гремит,
Доблести дух высокий он нам несет,
Благом исполнив царства и свой народ!

ОДА ПОДВИГАМ ЦАРЯ СЮАНЬ-ВАНА (III, III, 9)

I

Грозный из грозных и светлый-пресветлый у нас
Царь Сюань-ван! Он советнику отдал приказ —
То Хуан-фу, достославного Нань-чжуна внук,
Царского дома великий наставник и друг: ⁴⁶
«В строй расположишь ты ныне шесть ратей моих.
Наше оружие сперва приготовив для них,
С должной опаской (дабы не узнали враги)
Южным делам скорее в беде помоги».

II

Инь господину ⁴⁷ наш царь говорит, торопясь:
«Сю-фу, приказ напиши, чтобы чэнский тот князь
Войско и справа и слева расставил в ряды,
Рати свои остерег бы в пути от беды.
Следуя вдоль по Хуай, по ее берегам,
Сюйские земли ⁴⁸ как надо разведаль бы сам;
Чтобы не ставил солдат, не держал их в пути,
Дабы три рода работ продолжали идти».

III

Грозный из грозных, великий, великий был царь —
Полный величия, истинный наш государь!
Рати царя, мы неспешно, спокойно идем,
В ком не сжимаясь и не разбредаясь кругом.
Сюйскую землю тревога объемлет — и вот
Страхом объятый трепещет весь сюйский народ,
В молниях будто, обрушился грома раскат,
Сюйский народ весь трепещет — он страхом объят!

IV

Наш государь проявил свой воинственный пыл:
Весь вострепнулся — так гнев его яростен был.
Двинул он воинов, храбрых, как тигры, вперед,
Тигру подобный, что в ярости гневной ревет!
Густо отряды усеяли берег реки,
Пленных хватают — их толпы уже велики.
В добром порядке отныне Хуай берега,
Царские рати здесь встали на место врага.

V

Царские рати спешат за отрядом отряд —
Словно на крыльях, вперед устремляясь, летят,
Точно как Цзян и как Хань, велики и быстры,
Несокрушимые, будто подножье горы,
Будто струит свои воды могучий поток!
Строй их порвать и нарушить никто бы не мог.
Неизмеримы и непобедимы никем! —
Сюйское царство они покорили совсем.

VI

Были стремленья царя и честны и ясны —
Вот и склонился народ этой Сюйской страны.
Сюйские земли едины становятся вдруг —
Это плоды государевых были заслуг!

Мирны уже все четыре предела с тех пор;
Сюйские люди теперь посещают наш двор⁴⁹.
Сюйские страны уже не изменят свой путь!
Царь приказал по домам наши рати вернуть.

ЦАРЮ Ю-ВАНУ⁵⁰

(III, III, 10)

I

Я взор подъямлю к небесам,
Но нет в них сожаленья к нам.
Давно уже покоя нет,
И непосильно бремя бед!
Где родины моей оплот?
Мы страждем, гибнет наш народ:
Как червь, его грызете вы,
Мученьям нет конца, увы!
Законов сеть и день и ночь
Ждет жертв — и нечем им помочь!

II

Имел сосед твой много нив —
Но ты их отнял, захватив;
Другой имел людей и слуг —
Ты силой их похитил вдруг;
Кто был безвинен, чист и прав,
Того схватил ты, в узы взяв;
А кто и впрямь закон попрал,
Того простил и обласкал.

III

Мужчина град возвел — умен,
Да женщиной разрушен он!
В жене прекрасной есть, увы,
Коварство злобное совы.

Коль с длинным языком жена,
Все беды к нам влечет она.
Не в небесах источник смут,
А в женщине причина тут.
Ни поучений, ни бесед
Для евнухов и женщин нет.

IV

Пред ложью жен молчат мужи:
Лгут, отрекаясь ото лжи!
Как скажешь: «Вам преграды нет!» —
«Что ж тут плохого?» — их ответ.
Как благородным на базар
Сбывать за три цены товар, —
Так не к лицу жене твоей
Оставить кросна и червей! ⁵¹

V

Зачем же неба грозный глас
И духи благ лишили нас?
Презрев набег диких орд,
Ты лишь со мной гневлив и горд ⁵²,
Перед несчастьем не скорбя!
И нет величья у тебя,
И верных нет людей — и вот,
Все царство к гибели идет!

VI

Нам небо ныне беды шлет;
Увы, уж им потерял счет.
Нет праведных людей в стране —
Скорбь раздирает сердце мне.
А небеса нам беды шлют,
Они близки, они грядут.
Нет, нет людей, день ото дня
Печальней сердце у меня!

VII

Коль бьет и брызжет водный ток —
Тогда исток его глубок.
Коль в сердце горечь так сильна —
Сейчас ли началась она?
Зачем пришел не раньше нас,
Не позже этот скорбный час?
О небо! Так ли сильно зло,
Чтоб ты исправить не могло?!
На предков стыд не навлекай —
Своих потомков, царь, спасай!

ОДА БЕСЧЕСТНЫМ СОВЕТНИКАМ ЦАРЯ (III, III, 11)

I

Небо благое взъярилось и гнева полно —
Щедро нам смерти теперь посылает оно,
Нас удручая, послало нам голод и мор.
Весь наш народ, погибая, разбрелся кругом,
В царстве до самых границ запустенье с тех пор.

II

Карами небо как неводом нас облекло!
Черви, грызущие нивы! Вы сеете зло.
Долга не помня, и мрак и пасилье творя.
Злые смутьяны, вы призваны править страной,
Нашу страну успокоить по воле царя!

III

Горды-прегорды, клеветуют, клеветуют на всех —
Царь и не знает, каков их губительный грех!
Нас же, имеющих совесть, преследует страх...
Очень давно мы покоя совсем лишены:
Нас понижают, однако, все время в чинах.

IV

Это подобно тому, как в засушливый год
Пышно-зеленой трава никогда не растет;
В птичьем гнезде засыхает цветок водяной...
Как посмотрю я на нашу родную страну —
Смуты повсюду, повсюду над этой страной!

V

Были богаты мы в древние те времена...
Что же, богата, — но только несчастьем страна!
Горя такого, как ныне скопилось в ней,
Горя такого еще не бывало сильнее!
Вы — будто в рисе отборном плохое зерно! —
Сами от службы зачем не откажетесь вы,
Чтобы не длилось несчастье, не крепло оно?

VI

Если иссохнет вода, наполнявшая пруд,
Не говорят ли, что берег причиною тут?
Если источник живой высыхает — тогда
Не говорят ли, что в нем иссякает вода? ⁵³
Ширится этот от вас истекающий вред,
Горе растет — и беда за бедою вослед!
Разве я сам не страдаю от тяжести бед?

VII

В дни, когда Чжоу престол приняла, воцарясь,
Люди такие бывали, как шаоский князь: ⁵⁴
За день тогда возрастала земля на сто ли, —
Ныне же за день по скольку теряем земли?
Тоже сто ли ежедневно теряет страна.
Горе нам, горе! Какие пришли времена!
Или среди появившихся ныне на свет
Древним подобных людей на земле нашей нет?

Сун

IV

ГИМНЫ

I. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

В ХРАМЕ

(IV, I, 1)

О, этот храм величественный и чистый!
Помощники светлые¹ в полном согласье, почтенья
И множество служек, толпами, толпами к храму
исполняя,
явившись,
Доблесть царя Просвещенного ныне храня
И отвечая ему, отошедшему в небо,—
Быстро большими шагами шествуют в храм.
Не светел ли он, не чтится ли вечно?!
И люди ему не наскучат!

ГИМН ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

(IV, I, 2)

Неба веленья и путь
Сколь в тайне своей бесконечны!
Разве не блещет в чистом единстве своем
Царя Просвещенного доблесть?!

Если же снидут на нас великие милости неба,
Мы их приемлем! Царю Просвещенному, нашему предку,
Будем из всех наших сил подражать;
Отдаленные наши потомки к тому же да будут
стремиться усердно.

**ГИМН ЗАКОНАМ
ЦАРЯ ПРОСВЕЩЕННОГО**

(IV, I, 3)

Ясны законы царя Просвещенного,
Вечно да будут блистать!
С времени первого жертвоприношенья доньше
Дали они совершенство стране,
Счастье для Чжоу.

ВЫ, КНЯЗЬЯ ПРОСВЕЩЕННЫЕ ²

(IV, I, 4)

Вы, князья просвещенные, славные, нас одарили
Благом и счастьем вот этим —
Милостью этою к нам бесконечной.
Дети и внуки пусть вечно ее сохраняют!

Не вымогали и не расточали вы в княжествах ваших!
Мы, наш владыка, вам почести жалуем ныне за это,
Помня о ваших вот этих высоких заслугах.
Ваши потомки, наследуя, их увеличат!

В мире ничто не бывает сильнее человека:
Царства природы учиться к нему прибегают.
Нет и светлей ничего, чем душевная доблесть,—
Сотни владык подражают ей вечно.
Прежние наши цари да не будут забыты!

ГИМН ТАЙ-ВАНУ И ВЭНЬ-ВАНУ

(IV, I, 5)

Создало небо высокую гору.
Земли вокруг нее — предок Тай-ван ³ обработал,
Дело начавши.
Царь наш, Вэнь-ван, в мире страну успокоил.
Были обрывисты горы — однако
Ровные к Циской горе ⁴ протянулись дороги!
Дети и внуки их да сохраняют!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ВАНУ

(IV, I, 6)

Небо великое определило волю свою возложить:
Два государя⁵ приняли небесную волю.
Царь наш Чэн-ван⁶, в покое остаться не смея,
С утра и до ночи волю небес укреплял,
умудренный и мирный,
Светлую славу отцов он продолжил,
Все сердце свое отдавая державе
И ей покой обеспечив.

ГИМН ВЕРХОВНОМУ ВЛАДЫКЕ НЕБА И ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

(IV, I, 7)

В жертву, как дар, принесли мы овцу и быка.
Неба владыка! Направо от них снизойди —
На почетное место! —

Приняв их за правило, — следуем и подражаем законам
царя Просвещенного,
Царства четыре предела вседневно покоя.
Он, одаривший нас благом, царь Просвещенный,
Направо — на месте почетном — радостно жертву
приемлет.

Мы утром и ночью
Чтим благоговейно величие неба,
Навечно дары его сохраняя.

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ

(IV, I, 8)

Мы в должное время объехали княжества наши.
Небо благое нас сыном признало своим.

Небо поставило Чжоу на месте почетном, преемственность
дав,

И немного мы всех всколыхнули князей —
Так всколыхнули, что каждый затрясся от страха!
Духов же светлых мы всех смягчили, к себе привлекая,
Также и духов рек и священных обрывистых гор.
Истинно стали царем и державным владыкой!

Светлая в блеске своем стала преславною Чжоу,
Мы по закону на должности ставим советников
наших;

Копья, а также щиты повелели собрать,
Луки и стрелы вложить обратно в колчаны.
К доблести мудрой мы тогда устремились,
Распростравяя ее по древнему Ся⁷.
Истинный царь, — мы будем все это хранить!

**ГИМН ЦАРЯМ У-ВАНУ, ЧЭН-ВАНУ
И КАН-ВАНУ
(IV, I, 9)**

Силой и мощью владеет наш предок У-ван!
В славе заслуг с ним поспорить никто бы не мог.
Разве не светлы цари и Чэн-ван, и Кан-ван?!⁸
Был им престол их верховным владыкою дан.

Только Чэн-ван и Кан-ван — эти оба царя
Царства четыре приемлют, так ярко горя,
Светлый их свет разливается, все озаря!

Бьют в барабаны и колокол в лад они, в лад;
Цины с гуанем в согласье звучат и звучат.
Небо послало нам много обильных наград.

Небо нам счастье огромным-огромное шлет,
В нашей осанке торжественный виден почет.
Вот и упились вином и отведали яств.
Счастье и радость великие небо нам шлет.

**ГИМН ГОСУДАРЮ ЗЕРНО
(IV, I, 10)**

О просвещенный Зерно государь!
Смогший быть небу подобным,
Зерном одарил ты народ наш.
Такого, чего не достиг бы ты, — нет ничего!
Нам подарил ты ячмень и пшеницу,
По повелению владыки небес всюду народ наш
питая.

Не зная границ и пределов,
Всюду по древнему Ся вечные распространил ты
законы!

II. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

ПОВЕЛЕНИЕ ЦАРЯ СОВЕТНИКАМ, ВЕДАЮЩИМ ПОЛЕВЫМИ РАБОТАМИ

(IV, II, 1)

О вы, советники наши и слуги,
Ревностны будьте, свой долг исполняя!
Царь дал вам правила эти,
Чтобы над ними размыслить вам и подумать.
О вы, надсмотрщики пашен!
Конец весны наступает.
К чему еще нам стремиться?
Как обработать новые пашни?
О, сколь прекрасны ячмень и пшеница!
Мы соберем этот светлый дар неба.
Светлый, в блеске своем, верховный владыка
Ныне подаст нам год изобильный.
Прикажите всем нашим людям:
Лопаты с мотыгами пусть приготовят.
Скоро увидим: серпы срезают нам жатву!

ПОВЕЛЕНИЕ ЦАРЯ НАДСМОТРИЦКАМ ЗА ПОЛЕВЫМИ РАБОТАМИ

(IV, II, 2)

О, государь наш, покойный Чэн-ван,
В блеске своем присутствует с вами.
Ведите своих земледельцев
Сеять различные виды хлебов.
Личные пашни свои да возделают ныне усердно
На протяжении всех тридцати ли¹.
Пусть будут на пашне прилежны,
Чтобы стократную жатву собрать на каждую
дружную пару!²

ПРИВЕТСТВИЕ ГОСТЯМ

(IV, II, 3)

Мы любовались над западным озером, как
Стаей над водами белые цапли летят.
Гости явились к нам ныне, и думаем мы:
Точно у цапель, прекрасен их вид и наряд.

Гнева и там да не будет на них и стыда,
Здесь не наскучат они никому никогда.
Мы бы желали, чтоб ночи и дни им была
Вечной за это высокая честь и хвала.

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА УРОЖАЙ

(IV, II, 4)

Риса довольно и много теперь ячменя
В год урожайный — и полон высокий амбар!
Ныне несчетные меры зерна у меня.
Сварим хмельное мы и молодое вино:
В жертву да будет всем дедам и бабкам оно.
Все мы исполним обряды — в избытке зерно!
Счастье великое будет нам небом дано.

СЛЕПЫЕ ЯВИЛИСЬ

(IV, II, 5)

Слепые явились, слепые явились
На чжоуский храмовый двор!

Гребень зубчатый ставят на пару опор,
Зубья и перья цветные нам радуют взор,
Вешают малый, а с ним и большой барабан,
Чжу деревянный и юй, цинов звонкий набор³.
Музыка слышится... Вот ударяют в тимпан,
Флейта с гуанем в общий вплетаются хор.

Звуки раздались торжественно, в лад они, в лад —
С должною важностью стройные звуки звучат.
Слушают музыку предки: ⁴приятна она!
Гости, что ныне явились к нам ко двору,
Долго звучанию внемлют: их радость сильна!

**ГИМН ПРИ ПРИНЕСЕНИИ В ЖЕРТВУ РЫБ
(IV, II, 6)**

В Цюй, как и в Ци⁵, в каждой этой реке
Рыбы помпогу бывает в садке.
Жирная стерлядь плывет с осетром,
Карпы, угри и голавль с лещом.
В дар мы приносим их предкам своим —
Счастье великое снидет в наш дом!

**ГИМН УСОПШИМ РОДИТЕЛЯМ ЦАРЯ
(IV, II, 7)**

В полном согласье явились к нам ныне друзья,
Ныне пришли вы, почтительность важную нам
показав,
Здесь помогают в служении предку князья.
Ныне Сын неба и царь величав, величав.

В жертву приносят большого быка, наконец,
Нам помогают дары разложить... Господин,
О наш усопший великий, державный отец!
Будет тобой успокоен почтительный сын.

Ты, человек пронизательной мудрости сам,
Царь Просвещенный, ты был и отважен и смел!
Радость и мир ты державным принес небесам,
В славе своей возвеличить потомство сумел.

Дай долголетье до белых бровей, без конца,
Пусть наше счастье великое также растет!
Ныне почет воздавая заслугам отца,
Матери мудрой мы также окажем почет.

**БЛАГОДАРЕНИЕ КНЯЗЬЯМ,
ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ
В ЦАРСКОМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ
(IV, II, 8)**

Ныне князья предстают пред царем, говоря:
Ищем законы свои утвердить у царя⁶.
Виджу: знамена с драконами так и горят,
В сбруе коней колокольчики звоном звенят.

Кольцами звонко бряцают в упряжке ремни:
В блеске прекрасном и светлом явились они.

В храм пред таблицу усопшего их привели,
Сами сыновнепочтительно дар принесли.

К нам долготелье до белых бровей снизойдет,
Многое множество будет прекрасных щедрот,
Вечно их будем хранить, мы обязаны вам,
Славным заслугами и просвещенным князьям,
Тем, что благами обильно осыпан наш дом.
Блеск их продолжим навек в чистом счастье своем!

ПРИЕМ ДОРОГОГО ГОСТЯ

(IV, II, 9)

Гость к нам явился, гость к нам явился:
Белые кони его!
Полны почтения, — яшме точеной
Люди подобны из свиты его.

Гость к нам явился — он только ночует;
Гость к нам явился — он будет две ночи.
Дать ему надо побольше веревок,
Чтобы коней он своих привязал.

Ах, уезжает! Его мы проводим —
Будет обласкан со всех он сторон.
Он удостоен почета большого,
Счастье нисходит так просто к нему!

ГИМИ ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ

(IV, II, 10)

О державный Воинственный царь,
Равных нет преславным твоим деяньям!
Царь Просвещенный воистину был просвещенным:
Смог он подвиг начать, что завершили потомки;
Ты же, Воинственный царь, наследуя, принял его,
Инь победил, прекращая повсюду убийства⁷, —
Тем утвердил ты свой подвиг.

III. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

ГИМН УСОПШЕМУ ОТЦУ

(IV, III, 1)

Я, исполненный горя, как малый ребенок,
Принял дом наш, а он неустроен; один
Сирота сиротою в глубокой печали.
О усопший отец мой и наш господин,
Ты всегда был и будешь почтительный сын.

В мыслях ты, о державный, преславный наш
предок, —
Воспарить ты и снидешь на храмовый двор! ¹
Только сам я теперь, словно малый ребенок,
Дни и ночи чтить буду тебя с этих пор.

Нет забвения предкам державным моим! —
Мы, наследуя предкам, их труд завершим!

ГИМН УСОПШЕМУ ОТЦУ

(IV, III, 2)

Посоветавшись, свое начинаем правленье.
Следовать будем отцу, чья таблица на озаренной стене.
Ах, далеко, далеко он ушел!
Нам весь его путь не закончить,
Мы бы хотели приблизиться только к нему:
Путь продолжая, еще от него отклонимся!
Мы подобны теперь малому только дитяти:
Трудностей много у нас — нет еще сил побороть.

Но духи всегда во дворе, поднимаясь и вновь
опускаясь,
То воспарят они ввысь, то вновь в этот дом снизойдут.
Знаем: в своей доброте державный отец наш усопший
Нас сохранит навсегда и светом своим просветит.

**ОБРАЩЕНИЕ ЦАРЯ
К СОВЕТНИКАМ
(IV, III, 3)**

Будьте вниманья, будьте почтенья полны:
Небо нам свет свой являет теперь с вышины!
Волю и милость его сохранить нелегко,
Не говорите: оно высоко, высоко.
С высей всегда снисходя, оно около нас —
Наши деянья зрит проникающий глаз!

Мы как дитя, что недавно явилось на свет, —
Силы ума и усердия в нас еще нет.
Но, поучаясь, вседневно идем мы вперед:
Путь наш яснее — он к яркому блеску ведет.
Тяжесть умерьте для нас, что на плечи легла,
И покажите нам доблести светлой дела.

**ПОУЧЕНИЕ ЦАРЯ
(IV, III, 4)**

Опыт нас учит стараться, чтоб всякое зло
В будущем горьких забот причинить не могло.
Мы никогда не тревожили ос или пчел,
Чтоб не навлечь на себя ядовитый укол.
Был поначалу на персике слабый птенец,
Порх! Улетел он и хищником стал наконец.
Трудностей всех побороть не смогли мы, увь!
Вот и сидим, как среди ядовитой травы.

УРОЖАЙ
(IV, III, 5)

I

Прежде сгоняют траву и корчуют все пни,
Землю кругом раздробят и распашут они.

II

Тысячи пар на прополку явились вдруг;
С пашен траву вырывают, с обочин вокруг.

III

Вместе с отцами тут старшие их сыновья,
Средние братья и вся остальная семья,
Тут и чужие на помощь сегодня пришли.
Громко жуют они: жены обед принесли.
Мужу милее становится ныне жена,
Мужа сильнее сегодня полюбит она.
Сохи наточат, чтоб каждая стала остра:
Ныне за южные пашни приняться пора.

IV

Всякого злака посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

V

Пышные, пышные всходы взошли из земли;
Вдоволь набравшие соков — всех выше росли.

VI

Каждый росток теперь землю сосет и сосет,
Всходы пропалывать вышел рядами народ.

VII

Толпами, толпами вышли жнецы на поля,
Грудами хлеба покрылась повсюду земля.
Груды — числа не имеют. Скопилось зерно —
Будет и крепкое, и молодое вино.
Жертвами дедов и бабок своих одарят:
Хватит вина, чтобы выполнить каждый обряд.

VIII

Запах приятный исходит у нас от вина,
Этим прославлена издавна наша страна.
С перцем вино аромат источает такой,
Что старики обретают в нем мир и покой.

IX

Это не только у нас так велик урожай,
Это не только сей год — изобильнейший год:
С древности наша земля урожаем дает!

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА УРОЖАЙ

(IV, III, 6)

I

Соху наточим — она и добра и остра:
Ныне на южные пашни сбираться пора.

II

Всякого злака посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

III

Вас повидать мы на южные пашни придем,
Круглых корзин и прямых мы с собой принесем,
Мы вас накормим сегодня отборным пшеном.

IV

Шапки бамбуковые вдруг в движенье пришли,—
Врезались в землю мотыги, мелькают в пыли,—
Горькие травы повыдерут все из земли.

V

Горькие травы повяли на месте — и вот
Просо метелками пышно и буйно растет.

VI

Режем серпами колосья, пока не темно.
В плотные, плотные груды ссыпаем зерно;
В груды высокие, как крепостная стена,
Гребню густому как будто подобна она.
Двери раскрыты у сотен домов для зерна.

VII

Полными хлеба стали в селенье дома:
Дети ликуют, ликует хозяйка сама!

VIII

Ныне зарежем мы с черною мордой быка,
Кривы рога его будут и рыжи бока;
В жертву, как прежде бывало, его принесем,
Нашим отцам подражая всегда и во всем.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ
К ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ 2

(IV, III, 7)

Шелк их одежд чистотою достойной блистал,
Шапки надели, как должно, почтенья полны; 3
Входят они в переходы из храмовых зал.
После овец осмотрели, как надо, быков...
В малые смотрят, а также в большие котлы,
Кубки поставили из носорожьих рогов,
Доброго, мягкого вкусом налили вина.
Голос их ровен, в манерах надменности нет.
Будет в награду им долгая старость дана.

О, КАК ПРЕКРАСНЫ БЫЛИ РАТИ

(IV, III, 8)

О, как прекрасны были рати царя! 4
Он соответственно их воспитал — времена были
темные,
Вот в чистом блеске время настало,
И вот надевает он латы из кожи большие.
Мы по милости неба приняли это
Отважным, отважным царем совершенное дело.
И, чтобы его продолжать,
Воистину искренно мы подражаем деяням твоим.

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ

(IV, III, 9)

В мире покоятся тысячи царств,
Часто бывает год изобильный:
Небо волю свою не отрешило от нас.
Отважный, отважный Воинственный царь,
Воинов своих сохранил ты;
Поставив их по четырем рубежам страны,
Смог укрепить ты свой дом.
Сколь ты блистаешь на небе,
Наш государь, сменивший иньских царей!

ГИМН ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ ⁵

(IV, III, 10)

Царь Просвещенный прославлен своими трудами,
Эти труды, как и должно, приемлются нами;
Мы их продолжим везде, поучаясь и помня.
Царству идем мы отныне искать укрепленья,
Волею Чжоу свои получая владенья,
Этим трудам всегда поучаясь, их помня.

О ДЕРЖАВНЫЙ ДОМ ЧЖОУ

(IV, III, 11)

О державный дом Чжоу!
Мы перешли высокие горы,
Узкие эти хребты и священные горы крутые; ⁶
Следуя Желтой реке, теперь успокоенной,
Повсюду в стране Поднебесной
Всех собрали, ответили всем,
Такова воля Чжоу.

IV. ГИМНЫ КНЯЗЕЙ ЛУ¹

МОЩНЫЕ БЫЛИ У НАС СКАКУНЫ (IV, IV, 1)

I

Мощные, рослые были у нас скакуны,
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Черные лошади с белым на бедрах пятном,
Серые, желтые и вороные паслись;
С топотом мчат колесницу, и слышится гром.
Кони такие не знают предела, — и что ж?
Только подумал о конях — и каждый хорош!

II

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Белые с желтым есть кони и серые есть,
Есть красно-рыжие кони и черные есть;
Мчат колесницу они, и добры и сильны.
Только без срока и устали кони — легки.
Только подумал о конях — а кони крепки.

III

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.

Как в чешуе, в черно-синий окрашены цвет,
Рыжие, белые с черными гривами есть;
Мчат колесницу они — точно устали нет.
Верно, усталость уж этих коней не берет!
Только подумал — и кони рванулись вперед.

IV

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Серые кони и пегие кони, взгляни:
В белых чулках и с глазами там есть как у рыб;
Мчат колесницу, сильны и могучи они.
Смотрят на этих — порока ни в чем не найдут,
Только подумал о конях — и кони идут!

НА ПИРУ У КНЯЗЯ (IV, IV, 2)

I

Мощные кони, мощные кони,
Пегие кони в четверках стоят.
Утром и ночью в покоях у князя
Светлые гости рассажены в ряд.
Цапель слетается белая стая;²
Белые цапли на землю слетают;
А барабаны звучат и звучат.
Гости пьяны: они пляшут, играя.
Вместе они веселятся.

II

Мощные кони, мощные кони!
Каждая лошадь в четверке сильна.
Утром и ночью в покоях у князя
Гости сегодня за чашей вина.

Цапель слетаются белая стая,
Белые цапли слетаются к нам,
А барабаны звучат и звучат.
Гости пьяны — и пора по домам.
Вместе они веселятся.

III

Мощные кони, мощные кони!
Кони в четверках — как серый металл.
Утром и ночью в дворцовых покоях
Князь, угощая гостей, пировал.
«Чтобы отныне всегда наперед
Был бы у нас урожай что ни год!
Неба щедроты прими, государь,
И передай их в свой княжеский род!» —
Вместе они веселятся.

ПОСЕЩЕНИЕ ШКОЛЫ ³

(IV, IV, 3)

I

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы душистые ныне в пруду этом рвем.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
Вижу распитое знамя с драконом на нем.
Знамя с драконом колышется так на ветру,
Звонкую слышу бубенчиков в сбруе игру.
Не разбирая большого и малого тут,
Люди, стремяся за князем, толпою идут.

II

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы мы рвем из поросших растеньями вод.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
Кони могучи, могучи и рвутся вперед.

Кони могучи, могучи и рвутся вперед;
Слава его в светозарном сиянье растет.
Светло лицо его, и улыбается рот:
Без нетерпения он поучает народ.

III

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы собираем: травую богата она.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
В школе у нас он отведаёт ныне вина.
Если отведаёт доброго в школе вина,
Позднею старостью будет тогда награждён,
Долгим путем и великим последует он,
Будет покорен народ, почитая закон.

IV

Полный достоинств, достоинств высоких наш князь,
К доблести светлой своей неизменно ревнив,
Вид величаво достойный он всюду хранит,
Вечный собою пример для народа явив.
Сколь просвещен он и сколь он воинственно смел:
Предков преславных возрадовать блеском сумел,
Был он почтительным сыном везде и всегда.
Счастье от неба снискал себе прочно в удел.

V

Светлого, светлого разума — луский наш князь!
Может сиять нам достоинством светлым своим:
Ныне устроил для школы и пруд, и дворец.
Варваров этих — с Хуай — мы ему покорим.
Тиграм подобны отважные люди его!
Уши врагов в этой школе кладут перед ним!
Пленников — судьи премудрые, как Гао-яо⁴,
В школе представят ему как добычу свою.

VI

Множество храбрых толпится, и каждый из них
Больше не станет без толку шуметь и кричать,
С жалобой больше не станут являться на суд —
В школу дела боевые свои понесут!
И многолюдная, грозная, грозная рать
Больше не станет без толку шуметь и кричать,
С жалобой больше не станут являться на суд —
В школу дела боевые свои понесут!

VII

Туго натянут рогами украшенный лук —
Сотнями стрелы со свистом взвиваются вдруг;
Сколько имеешь больших боевых колесниц,
Воинов множество крепких и крепких возниц!
Варваров ты за рекою Хуай покоришь,
Больше не встанут они из-за нашей руки!
Тверды да будут предназначенья твои —
И овладеешь народом у этой реки.

VIII

Птицы крикливые к нам залетают сюда —
Сядут они на деревья у школы, и вдруг,
Тутовых ягод лишь только они поедят,
Нас улаждает приятного пения звук.
В разум придут эти варвары — там, на Хуай,
В дар понесут драгоценности с этой поры:
Кости слоновой и местных больших черепах...
С золотом юга великие будут дары!

ПОСЕЩЕНИЕ ХРАМА

(IV, IV, 4)

I

В месте и скрытом, и тихом мы создали храм;
Был он прекрасной постройки и крепок и прям.
Нету нигде Цзян Юани почтенней жены:
Доблесть ее не имела ни в чем кривизны.

Неба верховный владыка послал благодать:
Месяцы вышли, и срок не замедлил настать.
Небом без боли и муки ей было дано
Нашего предка родить — государя Зерно.
Небо ему ниспослало премного щедрот:
Просо и злак, что позднее всех прочих растет.
Рожь и бобы и тот злак, что всех ранее зрел,
Скоро Зерно государь получает удел.
Людам велит он возделывать землю вокруг:
Сорго и желтое просо явились вдруг,
Черное просо и рис появились. Была
Вся Поднебесная скоро научена им.
Так он продолжил преславные Юя дела ⁵.

II

Внука оставил преславный Зерно государь —
Это Тай-ван ⁶ был, великий наш предок и царь.
А поселился он к югу от Циской горы,
Шанское царство он стал подрывать в те поры.
Позже Вэнь-ван воцарился, за ним и У-ван,
Подвиг они продолжали, что начал Тай-ван.
Гнева и воли небес завершился предел,
И на равнине Муе ⁸ этот бой закипел.
«Царь, не смущаясь сомненьем, начни этот бой:
Неба верховный владыка пребудет с тобой!»
Шанскую рать он карает, разбив ее вдруг;
Были другие участники царских заслуг.
«Дядя! — наш царь говорит ⁹ тогда, — я бы хотел
Вашему старшему сыну назначить удел.
Княжить над луской землею ему надлежит;
Да возвеличит он ваши владенья и дом,
Будет весь род ваш для Чжоу опора и щит».

III

Лускому князю ¹⁰ пожалован царский указ:
Княжить и править ему на востоке у нас,
Гор ему дал царь, лугов, и потоков, и нив,
Земли окрестные князю навек подчинив.
Тот, чьим прославленным предком был чжоуский
Сын Чжуан-гуна ¹¹, теперь в этот храм соберясь,
князь,

Жертвы приносит. На знамени шитый дракон,
Вожжи мягки у его колесницы, и он
Гевностно осенью каждой и каждой весной
Жертвы приносит, не пропустив ни одной,
Славному неба владыке и с ним заодно
Предку, великому столь государю Зерно.
Бык красно-рыжий приносится в дар в эти дни —
Жертву приемлют, ее одобряя, они.
Много пошлют они князю за это щедрот.
Чжоуский князь и державные предки твои
Счастьем тебя одаряют, о князь, что ни год.

IV

В осень ты предкам приносишь могучих быков,
С лета им брус деревянный кладут вдоль рогов;
Белый один, красно-рыжая шерсть на другом.
Жертвенный кубок прекрасен, налитый вином.
Тут поросенок, и мясо, и чистый отвар,
Стол в деревянных сосудах, назначенных в дар.
Танцы, все время меняясь, радуют взгляд.
Внукам почтительным предки награду дарят.
В блеске своем ты, всегда процветая, живешь,
Да долголетен ты будешь и будешь хорош!
Будет хранима восточная эта страна,
Лускому княжеству вечность да будет дана!
Нет ей ущерба, утесы ее не падут,
Не задрожит, не падет она в ужасе смут!
Три долголетия князю, да вечно живет,
Точно возвышенный холм или горный хребет!

V

Тысяча, князь, у тебя колесниц боевых,
Красными лентами копыта украшены в них,
Шелком зеленым обвиты два лука стоят;
Ты тридцать тысяч имеешь пехотных солдат —
Раковин шлемы украсила красная нить —
Рать велика, велика, и ее не сломить.
Варварам севера дав надлежащий отпор,
Цзинские орды и Шу¹² остановим, с тех пор
С нами никто не посмеет столкнуться в борьбе.

Пусть же расцвет лучезарный да будет тебе!
Будь же богат, долголетен, да правишь страной
С желтой космою волос и дельфиньей спиной¹³.
Старцев почтенных и мудрых на помощь избрав,
В славе своей да пребудешь ты, князь, величав!
Старости ты не достигнешь и будешь ты сед!
Князь наш да здравствует тысячи, тысячи лет,
Старость до белых бровей, без болезней и бед!

VI

Тайская эта гора высока и крута¹⁴ —
Луские люди глядят на святые места.
Чуйская наша и Мынская наша гора —
Дальним востоком владеть нам настала пора,
Будет достигнут с морями граничащий край.
К нам за союзом придут и народы с Хуай:
Больше не будет страны, чтоб за нами не шла.
Луского князя да будут преславны дела!

VII

Фуские горы и Иские мы сохраним,
Сюйские земли да будут владеньем твоим,
Будет достигнут с морями граничащий край,
Мань покорятся, и мо¹⁵, и народы с Хуай.
Станут покорными варвары южной земли —
Стран да не будет таких, чтоб за нами не шли.
Ныне никто не посмеет оспаривать нас —
Луского князя послушно исполнит приказ.

VIII

Чистое счастье князю от неба дано,
Князю до старости Лу сохранять суждено.
Чан и Сютянь возвратив в их родимый удел¹⁶,
Он восстановит все то, чем князь Чжоу владел.
Счастье и радость да примешь ты, луский наш
князь,
С доброй супругой и матерью старой делаясь;

С ним и вельможи и все остальные чины
Вечно владеют пределами нашей страны.
Милостей много от неба принять будь готов,
Старость до желтых волос и до детских зубов ¹⁷.

IX

Сосны на горных отрогах Цулая росли,
Горные туи мы взяли с синьфуской земли.
Мы их срубили и точно измерили тут:
Мерой служили шнурок в восемь футов и фут.
Балки сосновые были собой велики —
К храму пристройки вышли весьма широки;
Новый прекрасный, прекрасный отстроился храм —
Си-сы, строительный мастер, создал его сам.
Длинен весьма и пространен храм видом своим —
Тысячи разных людей любятя им.

V. ГИМНЫ ДОМА ШАН¹

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ²

(IV, V, 1)

О, сколь прекрасно, сколь изобильно:
И барабаны, и бубны мы расставляем как надо;
Громко, так громко в согласье звучат барабаны.
Нашим прославленным предкам да будет отрада!

Правнук твой с музыкой ныне пришел к тебе, Тан;
Думы мои успокой, их исполнивши вдруг.
Пусть барабаны звучат далеко, далеко;
Чисто, так чисто гуаня разносится звук.
Стройная музыка в полном согласье звучит,
С нею подвешенных цинов сливается звук;

Правнук Чэн-тана, ныне он сколь величав!
Каждый прекрасен, прекрасен той музыки звук.
Мы в барабаны и колокол бьем и гремим;
Танцы прекрасны — следом один за другим.
Ныне прекрасные гости собрались у нас;
Разве не радостно, разве не весело им?

Некогда раньше и с самых древнейших времен
Подав благие примеры нам прежний народ:
Был так приветлив и утром и вечером он,
Дело свершая, был ревностных полон забот.

Предок Чэн-тан, благосклонно на жертвы взгляни;
Правнуком Тана приносятся ныне они!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ

(IV, V, 2)

Царь, сколь преславны дела твоего праотца —
Милости правнуку шлет неизменные он.
Снова и снова щедроты он шлет без конца —
Ими осыпан тобой занимаемый трон.

Чистым вином моим чаши уже налиты;
Мыслей моих исполнение даруешь ты!
Вкусом приятен мясной этот чистый отвар,
Мы осторожно и мирно приносим свой дар.
К жертве явись; мы безмолвны, молчанье храним.
Споров не будет перед приходом твоим.
Белые брови — да будет мне дар праотца,
Желтые волосы — вечная жизнь без конца.

Втулки их в коже, узорные ярма в ремнях...
Восемь бубенчиков звоном звонят в удилах,
Съехались жертву принести тебе вместе со мной: ³
Принял я власть над обширной и мощной страной.
Шлет на страну благоденствие небо с высот;
Жатвы обильны, обильны у нас что ни год.
Жертвы вкушает — приблизился дух праотца —
Счастье пошлет он потомкам своим без конца.

Предок Чэн-тан, благосклонно на жертвы взгляни;
Правнуком Тана приносятся ныне они.

ГИМН ЦАРЯМ ЧЭН-ТАНУ И У-ДИНУ ⁴

(IV, V, 3)

Ласточка, волей небес опустившись с высот,
Шанских царей порождает прославленный род ⁵.
В иньской земле поселясь, возвеличился Шан:
В древности волей владыки воинственный Тан
Правил и ставил границы в пределах всех стран.

Жаловать стал он указы на царства князьям,
Над девятью областями он царствовал сам.
Это был первый из шанских царей властелин,
Твердо владел он властью от неба один —
Ею владеет потомок Чэн-тана — У-дин.

Правнук Чэн-тана, У-дин наш, воинственно смел:
Нету страны, чтобы он победить не сумел.
С тканым драконом десятки упряжек в наш дом
Ныне привозят дары драгоценным пшеном.

Где наш народ поселился, на тысячу ли
Тянутся площади собственной царской земли,
Вплоть до морей рубежи его царства дошли.

Многое множество к нам с побережий морей
Ныне является чтить своих шанских царей.
Цзинский наш холм лишь Река обтекает кругом⁶.
Инь справедливо прияла от неба свой дом:
Милости неба безмерные будут на нем!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ И ЕГО ПРЕДКАМ (IV, V, 4)

I

Шанские предки были глубоко мудры,
Знаки величья являя нам с давней поры.
Воды потопа широко, широко пошли —
Юй приводить стал в порядок пределы земли.
Царства большие, что прежде лежали вовне,
Взяты в границы в нашей возросшей стране⁷.
Суны⁸ сильны — и владыка⁹ их сына берет,
Ставит на царство. Шанский так начался род.

II

Черный наш царь¹⁰ в управленье странкою был смел:
Малый удел ему дали — он в малом успел;
Дали большой — он успел и в большом, говорят.
Без упущений он выполнил каждый обряд;
Только покажет — и все в соответствии вдруг!
Сян-ту¹¹ прославился славой великих заслуг:
Добрый порядок царил за морями вокруг.

III

Воля владыки была нерушима для Шан:
Время пришло — сочетался с ней царь наш Чэн-тан.
Тан родился не поздно, не рано, а в срок;
Мудр и усерден, вперед подвигался как мог,
Долго сиял благочестием блеск его дел,
Чтимый Чэн-таном верховный владыка — ему
Быть образцом девяти областей повелел.

IV

Яшмы держал и большие, и малые он:
Стали уделы кистями у царских знамен¹².
Счастье он принял от неба — и славен с тех пор:
Слабым не быв, — не решал он и силою спор;
Твердым не быв, — был изнеженной мягкости враг;
Правя повсюду, любезен, любезен был всем!
Небо его осчастливило множеством благ.

V

Дани большие и малые принял от царств —
Силу и мощь подчиненных ему государств!
Милость от неба ему неизменно была:
Смелый, отважные всюду вершил он дела.
Не задрожал он от ужаса, неколебим,
Страха не ведал, боязни не знал он совсем —
Множеством благ осчастливленный небом самим.

VI

Царь наш воинственный стяг тогда выставил свой;
Тигру подобный, — он взял свой топор боевой;
Точно огонь, вспылал в нем воинственный жар —
Нет никого, кто б ответить посмел на удар:
Отпрыска три еще выпустил гибнущий ствол¹³,
Но ни один не развился и в рост не пошел.
В девять пределов свой добрый порядок неся,
Княжество Вэй покарал он и княжество Гу,
После Гунь-у покарал и последнего Ся.

Ряд поколений прошел уже в те времена...
 Вся колебалась, в опасности близкой, страна.
 Только явился Сын неба воистину — вдруг
 Шлет ему небо в советники преданных слуг! —
 В помощь Чэн-тану державший кормило ¹⁴ был дан —
 Верный помощник царю — основателю Шан.

ГИМН ПРЕДКУ ¹⁵

(IV, V, 5)

Иньский наш царь, проявив свой воинственный пыл,
 В путь устремился и скоро Цзин-Чу покорил,
 В глубь этих горных ущелий проник он, — и вот
 Разом себе подчиняет весь цзинский народ,
 В добрый порядок приводит страну до конца:
 Тана потомок, идет он путем праотца.

«Вы, обитатели этого царства Цзин-Чу,
 К югу от нас вы живете. Сказать вам хочу:
 Древле, с тех пор как у нас воцарился Чэн-тан, —
 К нам — из вождей отдаленных народов ди-цян
 С данью никто не посмел не явиться пока,
 К нашим царям не посмел не прийти, говоря:
 «Этот обычай от Шан учрежден на века!»

Каждый из многих поставленных небом владык
 В странах, устроенных Юем, столицу воздвиг,
 И что ни год к государю является князь:
 «Ты не карай, не кори меня, царь! — говорит. —
 Об урожае я пекся своим, не ленясь».

Небо следит неустанно, спускаясь с высот, —
 Царь да страшится и свой почитает народ!
 В милостях царь был умерен и в карах не строг.

Вечно трудясь, отдыхать он не смел и не мог.
 Воля владыки небес снизошла на царя,
 Крепкое счастье ему неизменно дая.
 Добрый порядок в столице, устроенной Шан:
 Царь образцом ее сделал для множества стран.

Всюду великий, великий идет о нем слух —
Светом пресветлый блистает усопшего дух.
Царь долголетен был, в мире покоил народ,
Нас, что за ним родились, навсегда соблюдет!

Ныне по склонам на гору Цзиншань поднялись:
Сосны и туи на ней устремились ввысь.
Мы их срубили, сюда привезли, а потом,
Их окорив, обтесали стволы топором.
Толстые балки длины оказались такой,
Как надлежало. Со множеством мощных колонн
Храм завершили. Да будет в нем вечный покой!

КОММЕНТАРИИ

В настоящей работе переводчик ставил своей задачей ознакомить советского читателя с древнейшим памятником китайского художественно-поэтического творчества, сыгравшим большую роль как в развитии китайской литературы, так и в развитии культуры стран Дальнего Востока — Кореи, Японии и Индокитая. Мы рассматриваем «Книгу песен» как один из величайших и древнейших памятников мировой поэзии, памятуя о том, что она является первым по времени памятником, озвученным рифмами. Высокая техника стиха, речь о которой будет ниже, убедительно свидетельствует, что «Книга песен», будучи собранием самых ранних из дошедших до нас произведений китайской литературы, не является самым ранним вообще: ее содержание и форма показывают, что она сложилась на базе многовековой и многосторонней стихотворной культуры. Из такого понимания памятника вытекают и самые принципы нашего перевода.

Песни, оды и гимны «Шицзина» написаны правильными четырехсловными или четырехсложными размерами. Отступлений от этого общего правила так мало, они встречаются столь редко в огромном материале памятника, что мы можем говорить о безукоризненно правильных размерах, которыми написан «Шицзин». Нужно учесть притом, что «Шицзин» дошел до нас в иероглифах, скрывающих звучание обозначенных ими слов древнекитайского языка, и что в настоящее время восстановлены только его рифмы, порядок которых указывался еще во II в. до н. э. ханьскими учеными, когда древнее звучание еще сравнительно мало изменилось. Таким образом, ритмические рисунки «Шицзина» нам неизвестны. Не зная ритмической природы памятника, мы не имеем никакого основания говорить о ритмической бедности

древнего стиха; мы можем только сказать, что этому стиху была уже присуща не примитивная, а пока еще неизвестная нам, но четкая и правильная ритмика.

Проанализируем построение строф и чередование строк в строфе. Рассмотрим, например, строфу вторую оды «Вышнего пса державец Верховный владыка» в дословном переводе, где все добавленные нами слова (выразить одним русским словом значение одного древнекитайского слова зачастую и в данном случае невозможно) мы поставили в скобки:

(Он) вычистил их, (прочь он) удалил их,

(Деревья сухие) стоящие (из) них (и гнилые) лежащие (из) них.

(Он) подрезал их, (он) подровнял их,

(Дикие) заросли (из) них (и культурные) аллеи (из) них.

Здесь мы наблюдаем излюбленный китайскими поэтами стилистический прием — параллелизм, доходящий до последних мелочей. Первая и третья строки и далее — вторая и четвертая — построены совершенно параллельно как в смысловом, так и в синтаксическом отношениях вплоть до расстановки служебных слов. И в первой и в третьей строке мы видим по два сказуемых, выраженных сходными по смыслу словами, почти синонимами, в обеих строках опущены подлежащие и наличествуют местоименные объекты. Вторая и четвертая строки раскрывают нам эти объекты в виде антитез, расчлняясь сами (как первая и третья строки) на два равнозначных компонента. Подобные приемы продолжаются в оде и дальше; вся она в литературном отношении отработана чрезвычайно четко и чеканно.

Мы могли бы привести сотни подобных мест в «Шицзине». Каждому синологу известен параллелизм как изощреннейший и любимейший литературный прием в Китае, и то обстоятельство, что этот прием так четко употребляется в «Книге песен», убедительно показывает, что «Шицзин» ни в коем случае не примитив, а продукт длительного развития поэтической культуры.

Известно, что все песни, оды и большинство гимнов «Шицзина» состоят из двух или большего количества строф. Количество строк в строфе варьируется от двух до семнадцати, но сами строфы не чередуются как придется (исключение составляют только некоторые гимны): их расположение подчинено определенному композиционному замыслу. В песнях этот момент очевиден: это — большей частью произведения из трех, реже из двух, еще реже из большего количества равнострочных и одинаковых по композиции строф. Но в больших произведениях, где порою чередуются строфы различных размеров, такие чередования ни-

когда не носят характера случайности, а связаны с содержанием и смысловым поворотом самого стиха.

Мы предлагаем читателю самому обратить внимание на случаи чередования строф различных размеров и убедиться во внутренней закономерности этого явления и строгости древнекитайской композиции и в этом отношении.

Наконец, мы останавливаем внимание читателя еще на одном чрезвычайно существенном, неотделимом от китайского стиха элементе — на рифме. Вряд ли существует в мире какая-либо другая поэзия, отводившая рифме столь существенное место, как китайская, и какая-либо другая средневековая поэтика, создавшая что-нибудь подобное знаменитому китайскому «словарю рифм» — «Пэйвэнь юньфу», изданному в 1711 году. «Шипзин», оснащенный рифмой на тысячу лет раньше любого другого намятника мировой поэзии, являет нам не случайно вкрапленную в текст рифму, а строгую систему рифм, неразрывно связанную с архитектуроникой строки и всего стихотворения. Рассмотрим с точки зрения рифмы стихотворение «Северный ветер» (рифмы в переводе расставлены точно в тех же местах, где они стоят в китайском тексте):

Северный ветер дыханьем пахнул ледяным,
Снежные хлопья упали покровом густым...
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — вместе отсюда бежим.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Северный ветер... Пронзительный слышится вой —
Снежные хлопья летят над моей головой.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — в путь мы отправимся свой.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Край этот страшный — рыжих лисиц сторона;
Признак зловеший — воронов стая черна.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — у нас колесница одна!
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Здесь мы видим не просто наличие рифмы, а систему рифм, органически связанную с композицией всего произведения. Мы обращаем внимание читателей, как, связанная воедино повтором третьей строки и рефреном, а также повторами начальных полустрок в двух первых строфах, выковалась прекраснейшая форма древнего китайского стихотворения, свидетельствующая о

высокой культуре поэтического творчества и о совершенстве стихотворной техники мастеров, создавших песни, оды и гимны, вошедшие в «Шицзин». Форма эта не случайна, она проходит красной нитью через всю «Книгу песен», которую достаточно расположить в ином порядке, чтобы показать, как эта форма постепенно создавалась и совершенствовалась. Она также и не единственная: «Шицзин» дает нам многочисленные образцы иных форм и поэтических приемов. Самый поверхностный анализ памятника показывает, что «Шицзин» является плодом многовековой стихотворной культуры, предшествующей созданию его песен, и что поэты «Шицзина» владели всей полнотой этой культуры.

Основной трудностью художественного перевода с древнекитайского языка является его крайняя лаконичность. Об этой лаконичности языка неоднократно говорит в своем комментарии к «Шицзин» и Чжу Си. Например, подлежащее в тексте «Шицзина» очень часто опускается, особенно в тех случаях, когда подлежащими мыслятся личные местоимения. Между тем все три личных местоимения встречаются в тексте и даже для каждого из трех лиц (лексическое или грамматическое выражение единственного и множественного числа отсутствовало) существовало по два и по три различных слова. Значит, местоименные подлежащие в тексте песен отсутствовали не потому, что самих местоимений в языке не существовало, а потому, что этого требовал установившийся поэтический стиль.

Ритмы древних китайских стихов, как мы говорили, нам неизвестны. Иногда практиковалась в стихотворных переводах с китайского механическая замена каждого китайского слова двухсложной стопой. За явной бесполезностью этого приема при переводе «Шицзина», в котором строка почти везде состоит из четырех слов, мы от него отказались и предоставили себе полную свободу в выборе русских размеров для нашего перевода.

Сохраняя количество строк китайского оригинала, мы обычно сохраняем в большинстве наших переводов и китайскую архитектуру строк и систему рифм, воссоздавая таким образом своеобразие древней китайской поэзии. Этот элемент древнего стиха тем более заслуживает внимания, что ряд литературных приемов, с ним связанных (рефрены, перемена рифм в смежных строках при неизменности остальных слов, перестановка строк и т. п.), свидетельствуют о высокой технике стихосложения этой эпохи. Технические трудности, связанные с принятым нами методом перевода, помешали нам применить его ко всем без исключения произведениям, вошедшим в «Шицзин». Однако нам удалось выдержать этот принцип в подавляющем большинстве пере-

водов песен из книги «Нравы царств», а также при переводе некоторых од и гимнов.

Нас могут упрекнуть в том, что мы якобы часто применяли будто бы недопустимый для стихов «Шицзина» перенос предложения из строки в строку. Мы должны решительно отвергнуть такое возражение. Насколько часто у нас это встречается, предоставляем судить читателю. Что же касается переноса предложения из строки в строку в самом «Шицзине», то для разрешения этого вопроса берем первую строфу первого стихотворения в «Шицзине» — «Встреча невесты». Если о первых двух строках можно спорить: одно ли это предложение или два, то перенос предложения из третьей строки в четвертую в китайском тексте не оставляет никакого сомнения. Даем дословный перевод этих строк:

Тихая, скромная, милая девушка
(Будет) супругу доброй женой.

Таковы в общих чертах принципы нашего перевода.

«Книга песен» просуществовала в Китае уже более двух с половиною тысяч лет как неувядаемый образец высокого поэтического мастерства. Стилистические приемы «Книги песен» — ее система рифм, повторы слов и особенно параллелизмы смежных предложений — вплоть до последнего времени были и основными стилистическими приемами всей китайской поэзии. Четырехсложный размер «Книги песен» в так называемых «правильных стихах», расстановка рифм (типа «а, а, б, а») в танских четверостишиях, ее зачины и переходы от конкретных образов окружающей природы к лирическому чувству самого поэта просуществовали тысячи лет. Недаром китайские критики, сравнивая блестящую в истории поэзии Китая танскую эпоху (VII—X вв.) с деревом в полном цвету и плодах, говорят, что корни этого прекрасного дерева — в поэзии древней «Книги песен». Но влияние «Книги песен» не кончается древним и средневековым Китаем ни территориально, ни во времени. В средние века китайская культура и развивавшаяся традиции «Книги песен» поэзия хлынули широким потоком в Японию, Корею и Индокитай, и мы могли бы найти мотивы «Книги песен» и цитаты из нее и в поэзии этих стран. И если китайскую культуру мы не можем не назвать культурой мировой, то и «Книгу песен», как один из величайших памятников этой культуры, мы не можем не признать литературным памятником мирового значения¹.

¹ Из послесловия переводчика к изданию: Шицзин. Избранные песни. М., ГИХЛ, 1957.

I

ПРАВЫ ЦАРСТВ

Стр. 24. I. Песни царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него

¹ *Царство Чжоу.*— Племя чжоу в конце XII в. до н. э. покорило земли в центральной части бассейна р. Хуанхэ. С этих пор до времени Конфуция (VI—V вв. до н. э.), эпохи собрания «Книги песен», и позже все сопредельные княжества были в подчинении у царя Чжоу. Центр древнего царства Чжоу, согласно легенде, лежал у горы Ци, на территории нынешней провинции Шэньси.

² *Селезень с уткой* в Китае с древности являются символом супружеской любви и целомудрия.

³ *С цитрой и гуслиами.*— В китайском тексте цинь и сэ, настольные струнные инструменты.

⁴ Водяные растения отваривались и применялись новобрачной при жертвоприношении в храме предков мужа. См. также песни I, II, 2 и I, II, 4.

⁵ Образ дерева, за ветки и ствол которого цепляются вьющиеся растения, появляется также в оде II, VII, 3, где он относится к старшему в роде.

⁶ Песня зародилась, по-видимому, в среде кочевников, для которых саранча не только не являлась бичом (как для земледельческого населения), но могла служить и обильным источником питания. Как обрядовая песня (пожелание плодовитости женам) она не забылась и при переходе к иному способу хозяйствования.

⁷ *Жу* — приток р. Хуай, протекающей в провинции Хэнань.

⁸ Китайский философ и филолог Чжу Си (XII в.) разъяснял эту строку так: «Если рыба утомилась, то хвост ее краснеет. Хвост леща от природы белый, а теперь он стал красным, значит, усталость его весьма велика». Супруг, вернувшийся после года службы царю, крайне утомлен и подобен лещу с покрасневшим хвостом.

⁹ *Линь* — мифическое животное, самка единорога с телом оленя, хвостом быка, копытами лошади и с рогом, имеющим мясистый парост. Появление его предвещает счастье. «Природа линия добра и благородна, поэтому и стопы его добры и благородны. Он не придавит живой травы, не наступит на живого червя» (Чжу Си).

Стр. 30. II. Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него

¹ *Царство Шао* — удел, пожалованный царем Вэнем князю Ши, принадлежавшему к роду царя. Находился к югу от горы Ци на землях древнего царства Чжоу, после передвижения самого царства Чжоу на юго-восток.

² Выезд невесты — песня о выезде княжны, предназначенной в жены правителю другого княжества.

³ Смысл этих строк таков: воробьи живут под пробитую кровлей, но это не значит, что у них есть рога, которыми они могли бы кровлю пробить. Ты вызываешь меня на суд, обвиняя в пренебрежении к брачным обрядам, и, может быть, найдутся люди, которые, узнав об этом, поверят в твою правоту. Однако наш брачный обряд не был закончен, и твое обращение в суд не является доказательством существования брака между нами, как и пробитая кровля — доказательством наличия рогов у воробья.

⁴ Прогрызенная мышами стена не является доказательством того, что у мыши есть клыки (их и на самом деле нет); точно так же и твой вызов меня в суд, обвинение меня в пренебрежении к брачным обрядам не является доказательством того, что эти обряды были в действительности совершены и имеют силу обязательств.

⁵ *Мао* — созвездие Плеяд; *Шэнь* — созвездие Ориона.

⁶ В песне глухим отзвуком раскрывается тема пережитков экзогамного группового брака, видимо, долго существовавших среди древней китайской аристократии, особенно среди удельных китайских князей, которые женились на группе близких между собою родственников, носящих общее родовое имя, не совпадающее с родовым именем их общего супруга.

⁷ *Тэ* — река, впадающая в Янцзыцзян.

⁸ *Пин-ван* — царь (770—720 гг. до н. э.).

⁹ *Сын циского князя* — сын князя (царя) Ци. См. примеч. к I, VIII.

¹⁰ Чжу Си разъясняет: как сплетение шелковых нитей образует лесу, так и соединение мужчины и женщины образует супружество.

¹¹ *Цзоу-юй* — название мифического животного. «Белый тигр с черными полосами, который не пожирает ничего живого» (Чжу Си). Здесь это прозвище дано охотнику.

Стр. 37. III. Песни царства Вэй

¹ *Царство Вэй* — удел, располагавшийся в пределах нынешней провинции Хэнань. По словам Чжу Си, песни, составившие эту главу, собраны после присоединения удела к княжеству Вэй и рассказывают также о событиях в землях Вэй.

² Жалобы жены на мужа, отдавшего предпочтение наложнице, что так же не подобает ему, как ношение зеленого поверх желтого.

³ По мнению Чжу Си, в песне поется о том, как Чжуан-цзян, вдова вэйского князя Чжуана (756—734 гг. до н. э.), провожала свою подругу Дай-гуй (госпожу Чжун), что возвращалась на родину после смерти князя Хуана (733—718 гг. до н. э.), сына Дай-гуй и приемного сына Чжуан-цзян, убитого своим братом Чжоу-юем, захватившим княжескую власть. Бездетная главная жена князя Чжуана — Чжуан-цзян усыновила сына приехавшей из княжества Чэнь (см. примеч. к I, XII) наложницы Дай-гуй, который и стал благодаря этому законным наследником престола, а впоследствии князем Хуанем. После его убийства его мать возвратилась на родину, в Чэнь.

⁴ Иносказательно о себе. В Китае принято было восхвалять собеседника и высказываться о себе уничижительно.

⁵ *Цао* — город в княжестве Вэй. Мобилизуя часть мужского населения на войну, князья проводили земляные работы для обороны своих городов, занимая на них остальное население.

⁶ *Сун* — сильное царство, располагавшееся в древности на части территорий нынешних провинций Хэнань и Цзянсу.

⁷ По положению солнца на небе и по фазам луны женщина определяет счет времени, вспоминая при этом, как долго муж ее несет службу у царя.

⁸ Если у репы портится корневище, остается еще годная в пищу листва... Оставленная жена напоминает: пусть красота ее поблекла, но осталось доброе имя, которым муж пренебрегает более, чем крестьянин листвою репы.

⁹ Горечь одиночества, утверждает женщина, много сильнее горечи молочая.

¹⁰ *Вэй* — река, приток Хуанхэ; *Цзин* — приток Вэй, Цзин мутна, а Вэй чиста, но это бросается в глаза лишь при их слиянии. Да и не всюду мутна Цзин: у разделяющих ее на рукава островов и там, где течение ее несколько замедляется, в ней есть и прозрачные места. Старая жена пользуется этим образом для того, чтобы заметить: увядание ее красоты стало заметным лишь с появлением новой жены. Но и она, стареющая, не утратила известных достоинств.

¹¹ «При всех обстоятельствах,— утверждает женщина,— и в богатстве и в нужде я всегда выполняла свой долг».

¹² В древних исследованиях «Шицзина» сообщается, что мелкое княжество Ли, лежавшее к западу от Вэй, подверглось набегу варваров. Князь и вельможи Ли бежали в царство Вэй. В этом стихотворении и в следующем (I, III, 12) вельможи княжества Ли пеняют своему князю, что не торопится воротиться на родину, жалуются на советников вэйского князя за промедление с оказанием помощи Ли.

¹³ Смысл фразы: разве не к вам, старшие родичи, прибыли наши колесницы с сообщением о нашей беде и с просьбой о помощи? Если к вам, то почему мы не находим в вас сочувствия?

¹⁴ Песнь о тоске женщины, выданной замуж в другое княжество, по своей родине, которую после смерти своих родителей она, в силу обычая, уже не может более посетить. Несоблюдение обычая считалось нарушением долга, приравнивалось к бесчестию.

¹⁵ *Ци* — река в древнем царстве Вэй. Воды потока, стремясь слиться с Ци, бегут на родину тоскующей женщины, которая ныне ей уже недоступна. Мысли женщины также устремлены к берегам Ци.

¹⁶ *Цзи* и *Ни* — местности, которые проезжала новобрачная и ехавшие с нею в качестве вторых жен ее родственницы при путешествии из родного дома в другое княжество, к мужу.

¹⁷ *Гань* и *Янь* — местности, лежащие по дороге в Вэй.

¹⁸ *Фэйцюань* — река, *Цао* и *Сюй* — города в царстве Вэй.

¹⁹ *Гуань* — деревянный духовой инструмент.

Стр. 51. IV. Песни царства Юн

¹ *Царство Юн* — удел в пределах уезда Цзи нынешней провинции Хэнань; был, как и княжество Бэй, поглощен царством Вэй. Песни этой главы традиция также связывает с событиями, имевшими место в Вэй.

² Второе замужество для вдовы считалось в Китае до недавнего времени поступком предосудительным.

³ *Мэй* — город в царстве Вэй.

⁴ Песнь о том, как князь Вэнь переносил свою столицу из местности Цао (см. I, III, 6) в местность Чу после разгрома ее варварами в 659 г. до н. э.

Наивысшее положение над горизонтом созвездия Дин поздней осенью, в десятую луну по календарю древней династии Ся, служило знаком окончания земледельческих работ для крестьян и начала строительных (повинность в пользу князя).

⁵ *Тан* — город в близком соседстве с местностью Чу.

⁶ Речь идет о древнейшем из известных в Китае способов гадания. Археологами обнаружены гадательные черепаховые щиты, относящиеся ко II тысячелетию до н. э.

⁷ Радуга представляется древнему комментатору примером предосудительного соития светлого мужского начала в природе (солнце) с темным женским (дождь), то есть зримым проявлением безудержности неба и земли. Появление радуги указывает на то, что брак, к которому стремится девушка, не удовлетворяет

строгим нормам обычая и осуждается ее близкими, которых она, пренебрегая знаменем, безрассудно покидает.

⁸ *Мчалась утешить* — жалоба вэйской княжны, выданной в царство Сюй, на то, что ей препятствуют посетить в нарушение обычая свою родину после смерти родителей и утешить брата, находящегося в беде.

⁹ *Царские кудри* — растение, считавшееся целебным средством, разгоняющим печаль.

¹⁰ Вэй подверглось набегу варваров и не в состоянии защищаться своими силами; Сюй слишком мало и не может оказать помощь Вэй. Нужно просить помощи в чужом, более сильном царстве.

Стр. 58. V. Песни царства Вэй

¹ *Царство Вэй* было одним из мощных удельных княжеств, сохранившим свою территориальную целостность и независимость во времена правления династии Чжоу вплоть до объединения всего Китая в единую империю династией Цинь в III в. до н. э. Князья Вэй принадлежали к роду царей Чжоу. Государство это занимало части территорий нынешних провинций Хэнань, Хэбэй и Шаньдун.

² Удельные князья в древнем Китае по своему достоинству делились на пять степеней: гун, хоу, бо, цзы, нань. Эмблемой достоинства первых трех степеней был нефритовый жезл — каменная пластинка продолговатой формы, двух последующих — яшмовый кружок с отверстием внутри.

³ Речь идет о колесницах с двумя вертикальными гнутыми столбиками впереди, на которые опирались, когда ехали стоя. Ездить на таких колесницах могли только лица знатного происхождения.

⁴ Песня о приезде в царство Вэй невесты князя Чжуана циской княжны Чжуан-цзян, о ее красоте, знатности ее рода. См. также I, III, 3.

⁵ Восточные покои отводились обычно наследнику княжеской власти.

⁶ *Син* — древнее княжество в пределах нынешней провинции Хэбэй; в 634 г. до н. э. было поглощено царством Вэй. Сестра Чжуан-цзян была выдана замуж за синского князя.

⁷ *Тань* — соседнее с Ци мелкое княжество, присоединенное впоследствии циским князем Хуаном к своим владениям. За таньского князя также была выдана замуж одна из сестер Чжуан-цзян.

⁸ *Щиты* скрывали от постоянных глаз едущую в повозке женщину.

⁹ Вельможи! Спешите домой — не задерживайтесь на приеме у князя, не мешайте ему скорее увидеть невесту.

¹⁰ *Река*. — Имеется в виду р. Хуанхэ.

¹¹ *Ци* — река, *Дуньцю* — местность в царстве Вэй.

¹² Имеется в виду гадание на щите черепахи. Гадали на тростнике, определяли сочетания непрерывных и прерванных прямых линий на стебле тростника и отыскивали такое же сочетание их и ответ в «Книге перемен», которая использовалась для гадания.

¹³ Ягоды тута одурманивают голубей. Точно так же любовь юноши может привести к печальным для девушки последствиям.

¹⁴ И то и другое имеет свои сдерживающие границы, и только ты не сдерживаешь своих поступков никакими нормами поведения.

¹⁵ Женщина вспоминает время своей юности, когда она еще носила девичью прическу.

¹⁶ *Цюаньюань* (Фэйцюань) — река в царстве Вэй.

¹⁷ Пример неправомерного поступка: игла из слоновой кости являлась поясным украшением зрелого мужа, но не отрока.

¹⁸ Дочь вэйской княгини Сюань-цзян, выданная замуж в княжество Сун за князя Хуаня, родила ему сына, но была затем разведена и выслана на родину. Обычай запрещал ей возвратиться в Сун, и мать не имела возможности повидать сына.

¹⁹ *Хэ* — р. Хуанхэ.

²⁰ Существует ряд толкований этой песни. Переводчик считает, что речь в ней идет о похотливом и хитром мужчине, стремящемся воспользоваться бедностью понравившейся ему девушки.

Стр. 66. VI. Песни царской столицы

¹ *Песни царской столицы*. — В эту главу входят песни, собранные в пределах личных владений царей Чжоу вокруг города Ло (вблизи современного Лояна в провинции Хэнань), куда в 769 г. до н. э. царь Чэн перенес столицу из города Хао (территория нынешней провинции Шэньси).

² *Шэн* — духовой язычковый музыкальный инструмент, состоящий из многочисленных бамбуковых трубок, вставленных в тыкву.

³ *Щит*, состоящий из пучка перьев, прикрепленных к древку, являлся обычной принадлежностью танцора.

⁴ Людей, связанных узами родства, не разъединят даже самые неблагоприятные обстоятельства.

⁵ *Шэнь* — древнее княжество, управлявшееся князьями из рода Цзян. К роду Цзян принадлежала мать чжоуского царя Пина (см. I, II, 13); Шэнь подвергалось нападениям со стороны сильного царства Чу, и поэтому чжоуский Пин-ван послал войска для защиты Шэнь.

⁶ *Фу* и *Сюй* — княжества, расположенные вблизи Шэнь. Их князья также принадлежали к роду Цзян.

⁷ Древний комментатор полагает, что речь в песне идет о вынужденном расставании мужа и жены из-за наступившей за суши и вызванного ею голода.

⁸ Переводчик считает, что в песне поется о девушке, которая не решается бежать с тем, кто, одетый в дворцовое платье, сидит в колеснице для царских сановников. Нерешительность той, от чьего лица поется песня, вполне понятна. Многие песни «Шицзин» говорят о печальных для девушки последствиях такого поступка.

Стр. 72. VII. Песни царства Чжэн

¹ *Чжэн* — первоначальное название города, пожалованного чжоуским царем Сюанем (826—781 гг. до н. э.) своему младшему брату — князю Хуаню. Город находился в пределах территории нынешней провинции Шэньси. После нападения на царство Чжоу варваров жун и перенесения столицы Чжоу на восток удел Чжэн был перенесен сыном Хуаня в пределы нынешней провинции Хэнань. Впоследствии княжество Чжэн было поглощено княжеством Хань.

² В стихах о посещении двора царей Чжоу чжэнскими князьями речь, видимо, идет о подворье, отведенном князю в столице Чжоу на время его службы у царя.

³ *Цинские люди*. — Имеется в виду войско, набранное в городе Чжэн и посланное князем для защиты границ от варваров ди.

⁴ *Пэн*, *Сяо*, *Чжу* — названия пунктов (местностей) на р. Хуанхэ.

⁵ *Чжэнь*, *Вэй* — названия рек, протекающих по территории княжества Чжэн.

⁶ Имеется в виду башня на глинобитной стене изогнутой формы, сооружаемой вокруг ворот в главной стене города. Эта стена и башня на ней прикрывали таким образом доступ к воротам в город.

¹ Ци было одним из наиболее сильных царств эпохи Чжоу. Владения его занимали значительную часть Шаньдунского полуострова. Властители Ци принадлежали к роду Цзян.

² *Заслон перед входом* — экран или стена, поставленная непосредственно перед воротами и закрывавшая с улицы вид на дом и внутренний двор; загородка от злых духов, которые, как считалось, летают только по прямой.

³ *Южные горы возвысились*. — Древние комментаторы указывают, что в песне нашли отзвук следующие события. В 708 г. до н. э. князь Хуань, владетель удела Лу, женился на циской княжне Вэнь-цзян, питавшей непопустительную склонность к своему брату, князю Сяну. Когда последний стал правителем в Ци, Хуань посетил Ци вместе с супругой, хотя обычай запрещал Вэнь-цзян возвращение на родину после смерти родителей. Встретившись, брат и сестра вступили в кровосмесительную связь, князь Хуань был убит.

⁴ Похотливому лису, обитающему в высоких горах, уподоблен князь Сян, занявший высокое положение и творивший неправедное.

⁵ Речь здесь идет о приготовлениях к свадьбе, и парность вещей в данном случае символизирует брак.

⁶ Или, если отец и мать уже умерли, сделать провозглашение о будущей свадьбе перед их таблицами в храме предков.

⁷ *Двойное, тройное кольцо* — кольца с подвешенными внутри кольцами меньшего размера.

⁸ Лу — княжество, лежащее к югу от Ци на полуострове Шаньдун.

⁹ Вэнь — река, естественный рубеж между княжествами Ци и Лу.

¹⁰ *И стрелы не выходят за щиты* — то есть за квадратные куски кожи, которые пришивались к центру мишеней.

¹ Удел Вэй, песни которого собраны в настоящей главе, в отличие от царства Вэй (см. примеч. к главам III, IV, V), представлял собой небольшое княжество, занимавшее незначительную территорию в пределах нынешней провинции Шаньси. В 660 г. до н. э. удел был поглощен княжеством Цзинь.

² В древнем Китае правая сторона считалась более почетной,

поэтому отойти в левую сторону, уступив другому место справа, являлось выражением вежливости.

³ *Фэнь* — приток р. Хуанхэ, протекающий по территории современной провинции Шаньси.

⁴ *Правитель княжьих путей* — ведающий колесницами князя. Эти обязанности возлагались на лиц знатного происхождения.

⁵ *Моу* — мера земли; колебалась от 100 до 240 кв. бу (двойных шагов).

Стр. 95. X. Песни царства Тан

¹ *Удел Тан* был пожалован чжоуским царем Чэном своему младшему брату в 1106 г. до н. э. Впоследствии название удела было изменено на Цзинь, а столица его перенесена с территории в нынешней Шаньси на территорию в пределах нынешнего Шаньдуна. Удел Цзинь (Тан) был одним из самых могущественных княжеств эпохи династии Чжоу.

² *Бурные, бурные воды реки..* См. Нравы царств, гл. VI, примеч. 4.

³ *У* и *Ху* — названия селений в Тан.

⁴ *Тройное созвездие.*— Имеются в виду три звезды из созвездия Скорпиона.

⁵ *Рог изголовья* — вырезанный из рога валик, который, отходя ко сну, подкладывают под голову.

⁶ Вдове кажется, что еще очень не скоро соединится она с погибшим мужем в его последнем прибежище.

Стр. 102. XI. Песни царства Цинь

¹ *Цинь* — крупное царство в древнем Китае; постепенно поглощая один удел за другим, подчинило себе весь Китай и впервые объединило его в III в. до н. э. в мощную империю. Древняя столица Цинь находилась на территории нынешней области Циньчжоу в провинции Ганьсу.

² Чжу Си отмечал, что зимой приносят в жертву волков, летом — кабаргу, весной и осенью — оленей и вепрей.

³ Вожжи колесницы продевались для облегчения управления ею в одно подвижное кольцо и затем уже собирались в руках возницы; кольцо это висело, таким образом, между передком колесницы и лошадьми.

⁴ *Тройное копье* — трезубец, копье с тремя остриями.

⁵ *Кони с резными значками* — с металлическими резными пряжками на груди.

⁶ Факт, о котором здесь идет речь, имел место в 621 г. до н. э. Традиция погребения живых людей вместе с покойными князьями держалась в Цинь очень долго. В III в. до н. э. она была соблюдена при погребении первого циньского императора. В других царствах Китая эпохи Чжоу этот обычай сохранился лишь в виде пережитка — захоронения кукол.

Стр. 108. XII. Песни царства Чэнь

¹ *Чэнь* — мелкое удельное княжество древнего Китая в пределах территории нынешней провинции Хэнань. Родовое имя чэньских князей было Гуй, они не принадлежали к роду царей Чжоу.

² *Перо белой цапли* — принадлежность танцора.

³ *Накры* — ударный музыкальный инструмент, напоминающий литавры.

⁴ *Хэские лежи* — лежи из р. Хуанхэ.

⁵ *Цзян из Ци ици.* — Цзян — родовое имя циских князей. Ужели в жены обязательно брать девушку, принадлежащую к княжескому роду?

⁶ *Цзы* — родовое имя сунских князей.

Стр. 113. XIII. Песни царства Гуй

¹ *Гуй* — мелкое удельное княжество в пределах территории нынешней провинции Хэнань; в VIII в. до н. э. было присоединено к владениям княжества Чжэн.

² *Под шапку белой... в белой одежде* — то есть в трауре.

³ Песнь об упадке царства Чжоу, о том, что не осталось уже зависимых от чжоуского двора князей.

⁴ *...ехать на Запад* — то есть в столицу Чжоу.

Стр. 115. XIV. Песни царства Цао

¹ *Цао* — небольшой удел, находившийся в пределах нынешней провинции Шаньдун. В конце XII в. до н. э. был пожалован чжоуским царем У своему младшему брату Чжэньдо. Впоследствии удел был присоединен к сильному княжеству Сун.

² *Алые наколенники* являлись знаком высокого достоинства их носителя.

³ Княжество Сюнь, позднее поглощенное княжеством Цзинь, было расположено в пределах территории нынешней провинции Шаньси. Сюньский князь — потомок первого чжоуского царя Вэня, являясь наместником царя Чжоу, ведал делами нескольких удельных княжеств.

Стр. 118. XV. Песни царства Бинь

¹ *Бинь* называлась территория (современная область Биньчжоу в провинции Шэньси), занимаемая племенем чжоу до его вторжения в XII в. до н. э. на восток и создания царства Чжоу. Песни, собранные в настоящей главе, приписываются князю Чжоу (Чжоу-гуну), регенту царства и опекуну юного царя Чэна (1115—1078 гг. до н. э.). Первая из них воссоздает порядок хозяйственных работ и нравы народа, которые он наблюдал в Бинь. Отсюда и название главы.

² *Звезда Огня* — Антар в созвездии Скорпиона.

³ *Рот не сжат*. — Каждый солдат держал во рту кляп, чем обеспечивалась бесшумность передвижения войск.

⁴ Меркой для нового топорича служит старое, которое я, мастер, держу в руках.

⁵ *Сосуды поставлены в ряд* — для свадебного торжества.

⁶ Изображениями дракона могли украшаться только парадные одежды царя и его высших советников. Царская одежда украшалась изображениями взлетающего и опускающегося дракона, а одежда советника только изображением опускающегося дракона.

II

МАЛЫЕ ОДЫ

Стр. 126. I (глава первая)

¹ *Шэн*. — См. Нравы царств, гл. VI, примеч. 2.

² *...позвана в гости родня* — родственники по отцу, носящие одно с хозяином родовое имя. В этой же строфе есть специальное упоминание о приглашении родственников по матери.

³ *Достоинство духа*... — Утверждение с таким, видимо, смыслом: не пристало нам быть жадными, принимая гостей.

⁴ *Время избрав и очистивши все* — избрав благоприятные дни для жертвоприношений и очистившись постом и омовениями.

⁵ *Жертвы четыре в году принесешь.* — Имеются в виду жертвоприношения царя своим предкам, совершаемые им в храме весною, летом, осенью и зимой.

⁶ *Заместитель* (предков) — лицо, представляющее предков при жертвоприношениях им.

⁷ *Ты, как луна, чье сиянье растет* — то есть подобен нарастающей день ото дня луне.

⁸ Северных варваров сянюнь времени «Шицзина» китайские историки отождествляют с сюнну — гуннами, обитавшими, например, в III в. до н. э. у северо-западных границ Китая. Именно для защиты от гуннов в III в. до н. э. императором Цинь Ши Хуанди была начата постройка Великой китайской стены.

⁹ *Шофан* — область на крайнем северо-западе Китая того времени, в пределах нынешней провинции Ганьсу. Как видно из последующего текста, первые попытки укрепиться стенами от вторжения кочевников с северо-запада, завершившиеся через несколько веков постройкой Великой стены, были предприняты еще в эпоху «Шицзина».

¹⁰ *Сын неба* — так в Китае называли императора.

Стр. 138. II (глава вторая)

¹ *Иль в старости брови не будут густы?* — То есть ужели не доживете вы до глубокой старости, признаком которой являются густые брови?

² *До желтой ужель не дожить головы?* — То есть ужели не проживете вы до глубокой старости, когда седые волосы приобретают желтый оттенок?

Стр. 142. III (глава третья)

¹ *...крепость дал ему* — то есть поместил лук в бамбуковую раму, сохраняя таким образом его упругость.

² *...место справа сохранял ему.* — См. Нравы царств, гл. IX, примеч. 2.

³ Раковины в древности не только служили украшением, но и заменяли деньги.

⁴ Описанная в оде победа над гуннами относится приблизительно к 827 г. до н. э.

⁵ *...тридцать ли мы за день проходили.* — Ли — мера длины,

не имевшая в древности точного стандарта, примерно равная 0,5 км. Медленность продвижения можно объяснить тем, что вместе с колесницами двигались пехота и обоз с ручными телегами.

⁶ *Цзяо* и другие упомянутые в оде местности находились в пределах территорий нынешних провинций Шэньси и Ганьсу.

⁷ Поход, о котором идет речь, был совершен в 825 г. до н. э.

⁸ На каждую колесницу приходилось сто солдат: возница, лучник и копыеносец в самой колеснице, семьдесят два пехотинца, сопровождающих колесницу в бою, и двадцать пять обозных, обслуживающих этот отряд. Таким образом, речь идет об огромной для того времени армии в триста тысяч человек.

⁹ К поясу подвешивались гребень, костяная игла для развязывания узлов и прочее.

¹⁰ Имеется в виду состязание бьющего в гонг с барабанщиком.

¹¹ *Цзин* — древнее название племен южных областей Китая.

¹² *Ао* — название горы на территории нынешней провинции Хэнань.

¹³ Чтобы лучше натягивать тетиву, на большой палец правой руки надевалось кольцо из слоновой кости, а для упора лука на левую руку надевался кожаный налокотник.

¹⁴ День под циклическим знаком *моу* (согласно древнему китайскому календарю) считался благоприятным для охоты, для выступления в поход и т. д.

¹⁵ Речь идет о молении и жертвоприношениях богу, покровителю коней. Охота велась с особых охотничьих колесниц.

¹⁶ День *гэн-у* считался особенно благоприятным для охоты.

¹⁷ Речь здесь идет о принудительном переселении крестьян в новые, отдаленные места на окраины государства. См. также II, IV, 9 (строфа VI).

¹⁸ *Колокольчиков звон* — в сбруе коней в колесницах.

¹⁹ Журавль кричит, скрывшись в глубине девяти болот, но крик его несется до диких полей и самого неба. Рыба живет, то скрываясь в глубочайшей бездне, то всплывая на отмели, являющейся противоположностью этой бездне. В прекрасном саду растет красавица катальпа, но под нею лежат мертвые листья и растет безобразный тутовник. Огромные камни горы могут быть превращены в мелкие осколки, годные для обточки нефрита. Все эти образы показывают противоречивость в развитии и смене явлений природы. Исходя из такого понимания текста, переводчик дал оде название «Противоречия».

¹ *Ратей отец* — царский конюший, ведавший войсками.

² *Яшмовый жезл* — знак княжеского достоинства, вручаемый царем как знак власти при назначении удела. Точно такой же жезл (вторая его половина) оставался у царя как знак подданства владетеля (удельного князя) царю.

³ Багровые наколенники были знаком царского достоинства, багрово-желтые — княжеского.

⁴ *Сыну небес* — то есть царю, приносящему жертву небу как своему отцу.

⁵ Речь идет о междоусобицах князей и крупных владетелей.

⁶ Ода написана в поучение царю Ю-вану (780—770 г. до н. э.), отвергнувшему добрых советчиков и приблизившему злых.

⁷ В древности преступников превращали в рабов. Здесь речь идет о том, что рабами должны стать все безвинные люди погибшего царства, пленники захватчиков.

⁸ Смысл утверждения: некому заглушить голос клеветы.

⁹ Смысл утверждения: меня принимали за образец, идеал, которого не могли достигнуть.

¹⁰ Известная красотой наложница царя Ю-вана Бао Сы своим развратным поведением, завистью, клеветой и лестью пагубно влияла на царя и, по мнению китайских историков, содействовала ослаблению царства Чжоу и падению его столицы — Хао.

¹¹ Совет царю: дорожить испытанными слугами, быть строгим к своему главному советнику, которому доверено управление государством.

¹² В мире, где царят недоброжелательство и жестокость, никто не может быть уверен в своей безопасности.

¹³ Древние китайские историки относят это событие к шестому году правления царя Ю-вана, десятому месяцу лунного календаря и дню, стоящему под циклическим знаком синь-мао (29-й день цикла). Эта дата соответствует 29 августа 775 г. до н. э. Согласно вычислениям европейских астрономов, в этот день действительно происходило солнечное затмение, наблюдавшееся в Китае, причем солнечному затмению предшествовало лунное. Текст оды, таким образом, является убедительным доказательством подлинности Книги песен и гимнов.

¹⁴ Речь идет о Бао Сы, наложнице царя Ю-вана.

¹⁵ *...не скажет, что не время для работ* — то есть что в разгар полевых работ нельзя отрывать земледельцев для выполнения повинностей царю.

¹ Здесь упоминается старинный способ гадания по трещинам на щите черепахи, обжигаемом на огне. Имеется в виду, что беспрерывно повторяемые гадания относительно результатов того или иного начинания бесплодны, ибо щиты черепах в конце концов перестают давать правильные ответы.

² Ода о жалобе царевича И-цзю на немилость отца, царя Ю-вана, лишившего его, старшего сына, прав на отчий престол в пользу Бо-фу — сына своей любимой наложницы Бао Сы.

³ Люди чтут дело рук своих предков, завещанные потомкам традиции.

⁴ Намек на лишение царевича царства незаконным наследником.

⁵ *Великие клятвы* — торжественные, сопровождаемые закланием жертвенного животного клятвы во взаимной верности между царем и удельными князьями.

⁶ *Сюань* — духовой керамический инструмент. Имеется в виду, что старший брат играл на сюани, а младший вторил на флейте.

⁷ *Три жертвы* — собака, свинья и петух, кровью которых скреплялись торжественные, нерушимые клятвы.

⁸ *Созвездие Сита* — четыре звезды созвездия Стрельца. Две из них считаются «языком» созвездия Сита.

⁹ Клевета, распространившаяся вначале в низах, постепенно охватывает верхи.

¹⁰ Звание евнуха дает основание полагать, что автор оды сам пал жертвой клеветы и подвергся мучительному и позорному наказанию оскоплением, существовавшему в древнем Китае.

¹¹ Ода об упадке Хао — восточной столицы царей Чжоу (в нынешнем Шаньдуне) и о возвеличении Лояна — западной их столицы (в нынешней Хэнани).

¹² Млечный Путь остается равнодушным к нашим страданиям.

¹³ Созвездие Ткачихи, образующее угол из трех звезд, проходит, как считали древние китайские астрономы, за сутки полный круг по небесной сфере, поделенной на двенадцать частей: семь делений за день с пяти часов утра до семи часов вечера и пять за ночь с семи часов вечера до пяти часов утра. Пути небесных светил остаются неизменными, говорится в этих строках.

¹⁴ *Бык в ярме* — шея созвездия Орла.

¹⁵ *Звезда зари* и *Чан-гэн* — Венера.

¹⁶ *Созвездие Теней* — созвездие Лавра.

¹⁷ *Хань* и *Янцзы* — большие реки в южном Китае.

¹ Имеется в виду начало нового года.

² *Заместитель* — лицо, определяемое гаданием и происходящее из одного рода с приносящим жертву. Заместитель представляет духов предков: его сажают на почетное место и воздают ему почести как предку.

³ Избрать таких животных, которых требуют правила обряда,—одномастных, с правильно поставленными рогами и т. д.

⁴ *Прорицатель* — лицо, передающее просьбы духам и возвещающее их ответы. Он становится у дверей храма предков, чтобы встретить духов.

⁵ *Духохранитель* — заместитель предков.

⁶ *Юй* — легендарный царь древнего Китая (см. Гимны, гл. IV, примеч. 5).

⁷ *Шерсти клочок от ушей у быка отстрижем* — чтобы доказать духам, что бык чистой рыжей масти.

⁸ Имеются в виду духи четырех стран света.

⁹ *...предку и нив и полей.* — Имеется в виду дух-земледелец Шэнь-нун, легендарный царь Китая.

¹⁰ Шэнь-нун, по преданию, имел власть над стихией огня и назывался также Огненным государем.

¹¹ *Общее поле* сообща обрабатывалось многими земледельцами. Урожай с него шел в пользу владельца земли.

¹² *Ло* — река в центральном Китае. На ее северном берегу находилась древняя столица Китая — Лоян.

¹³ Все должностные лица при дворе делились на левую и правую стороны, чиновники становились на приемах каждый на свое место слева или справа от престола. Речь здесь идет о человеке, достойном и способном занять любую должность.

¹ Победенные на соревнованиях в стрельбе из лука должны были выпивать, как бы в наказание за свою неловкость, чару вина.

² Многозначные иероглифы этой строки содержат такой не вмещающийся в стихи смысл: одарить ли «черной верхней одеждой с вышитыми на ней драконами и юбками с вышитыми на них топорами». Речь, таким образом, идет об одеянии, приличествующем достоинству князей.

³ *Кормление* — уделы, получаемые князьями за службу царю.

Доходы с этих владений поступали в распоряжение князей, приносящих установленную дань парю.

⁴ Удельные князья в установленные сроки должны были являться ко двору царя Чжоу и приносить дань со своей земли. Однако право царя на земли князей и власть его над ними с ослаблением дома Чжоу оказывались нередко чисто номинальными, между тем как аппетиты двора росли. Были случаи, когда князья отказывались являться ко двору с данью.

Стр. 209. VIII (глава восьмая)

¹ *Инь* и *Цзи* — названия наиболее известных родов эпохи Чжоу.

² Экспедиция под командованием шаоского князя Му-гуна для постройки новой столицы княжества Шэнь была отправлена в годы правления чжоуского царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.). *Се* — местность в пределах территории нынешней провинции Хэнань.

³ Отряд состоял из пятисот человек, в рать входило пять отрядов.

⁴ Отвергнутая жена сетует: отличные тутовые дрова использованы ею не в очаге для тепла, а лишь на лучину. Так же поступает и супруг, лишив женщину достоинства главной жены.

⁵ Недостойная наложница заняла место жены, в то время как законная супруга томится в неподобающем ей месте.

⁶ *Би* — созвездие Гиады.

⁷ Голова овцы выглядит непомерно большой, так как тело ее истощено голодом.

⁸ Рыбы в реке нет, и мереже нечего ловить, кроме отразившихся в воде звезд.

III

ВЕЛИКИЕ ОДЫ

Стр. 218. I (глава первая)

¹ *Царь Просвещенный* — *Вэнь-ван* в действительности никогда не царствовал. В XII в. до н. э. был главою удела Чжоу и, по преданию, своим духовным совершенством стяжал милость неба, отвернувшегося от последних представителей династии Инь (Шан) за их недостойное поведение. Сын Вэнь-вана, царь У-ван (Воинственный), вторгся в царство Шан и подчинил себе древний

Китай. Царем Вэнь-ван был наречен посмертно благодарными потомками, подчеркнувшими этим, что нецарствовавший Вэнь-ван явился родоначальником династии Чжоу и по мудрости своей был достоин престола.

² Древний княжеский род Чжоу, управлявший уделом, получил по воле неба царский престол.

³ Разве воля верховного владыки не проявилась своевременно, даровав Чжоу престол?

⁴ Подымется ли дух Вэнь-вана в небо или опустится на землю для принятия жертвоприношений от благодарных потомков.

⁵ *Корню с ветвями* — то есть всевластному царю Чжоу и его родичам, принявшим от царя в управление уделы и мелкие владения.

⁶ *Воля небес* понимается здесь как вручение небом власти в стране какой-либо династии, как бы мандат от неба на престол.

⁷ Ныне побежденные потомки дома Инь в своих древних одеждах и шапках, отличных от наших, прислуживают при жертвоприношениях родоначальнику нашей династии Вэнь-вану.

⁸ Когда внизу, на земле, появляется человек, сияющий светом духовной доблести и совершенной мудрости, на него нисходит величественная воля неба, дарующего ему престол.

⁹ Законный наследник из-за своих пороков отвратил от себя небо и лишился царства.

¹⁰ *Ван-цзи* — отец Вэнь-вана, один из предков дома Чжоу.

¹¹ На берегах рек Ся и Вэй лежало большое княжество Шэнь (в пределах территории нынешней Шэньси).

¹² Старшая дочь шэньского князя вошла в дом Вэнь-вана его супругой, заменив в хозяйстве его покойную мать.

¹³ *Пустыня Муе* — территория в пределах нынешней провинции Хэнань (см. Гимны, гл. IV, примеч. 8).

¹⁴ *Дань-фу* — один из предков дома Чжоу.

¹⁵ Ударами в барабан, видимо, соразмерялся темп работ. В данном случае трудовой ритм был быстрее ударов.

¹⁶ Все походы, общие работы и прочее начинались с жертвоприношения духам земли.

¹⁷ *Юйский и жуйский князья*... — Князья царств Юй и Жуй спорили друг с другом в течение долгого времени из-за пахотного поля и наконец пошли разрешить свой спор в Чжоу к царю Вэнь-вану. Там они увидели, что везде, куда бы они ни пошли, жители Чжоу во всем уступали друг другу. Князья устыдились, повернули обратно и, уступая один другому спорное поле, оставили его свободным. Узнав об этом, сорок с лишним государств присоединились к Вэнь-вану.

¹⁸ Царь совершал возлияние при жертвоприношении предкам.

¹⁹ На яшмовом скипстре (знак царского достоинства) уставливалась чаша для жертвоприношения предкам.

²⁰ *Свекровь свою — Цзян* — то есть супругу чжоуского князя Тай-вана, бабу Вэнь-вана.

²¹ *Тай-сы*, супруга Вэнь-вана, унаследовала и продолжила прекрасную славу своей свекрови.

²² Духи предков Вэнь-вана не были недовольны его поступками и жертвами, которые он приносил.

²³ Последний царь династии Шан заключил Вэнь-вана в темницу, а на княжество его совершали набеги варварские племена.

²⁴ *Оба великие царства* — династии Ся и Инь-Шан, правившие Китаем до династии Чжоу.

²⁵ *Воли небесной достойных* — достойных царского престола.

²⁶ Тай-бо, видя, что от Ван-цзи уже родился Вэнь-ван, и зная при этом, что небо остановило на Вэнь-ване свой выбор, удалился в страну У и не возвращался. После смерти предка царствовавшего дома царство Тай-вана было передано Ван-цзи.

²⁷ *Ми* (Ми-суй) — название древнего матриархального рода. Этим именем называлось царство на территории нынешней провинции Ганьсу, в пределах современной области Цзинчжоу. Там же находились княжество Юань и местность Гун.

²⁸ На острове в своем парке Вэнь-ван устроил школу, в которой молодые люди обучались стрельбе из лука, идеальным нормам поведения и обрядам.

²⁹ *У-ван* — царь Воинственный, основатель династии Чжоу.

³⁰ Предки царствующего дома — Тай-ван, Ван-цзи и Вэнь-ван.

³¹ *Чун* — древнее царство, находившееся на территории нынешнего уезда Хусянь провинции Шэньси.

³² *Фын* — приток реки Вэн, впадающей в Хуанхэ. От него получили название прилегающая местность и столица царя Вэнь-вана.

³³ *Юй* — легендарный царь Китая, прорывший каналы и изменивший течения рек. С этой строфы речь в оде идет о царе У-ване.

³⁴ Царь У-ван перенес свою столицу в город Хао, неподалеку от города Фын. Перед дворцом он приказал вырыть пруд в форме яшмового кольца — знака княжеской власти, в центре пруда на острове основал школу.

³⁵ *Почтительный сын* — царь Чэн-ван (1115—1078 гг. до н. э.).

Стр. 234. II (глава вторая)

¹ *Хоу-цзи* — государь Зерно — легендарный предок племени чжоу, научивший народ возделывать землю и впоследствии считавшийся богом — покровителем земледелия.

² Полагали, что необычайность рождения Хоу-цзи чревата несчастиями, и решили таким образом от него отделаться.

³ Черное просо, содержащее два зерна в одной оболочке.

⁴ В оде описан пир, дававшийся главой знатного рода своим родичам после храмового жертвоприношения общему предку. Пир сопровождался пением под аккомпанемент арф и боем барабанов, а также состязанием гостей в стрельбе из лука.

⁵ Во время состязания каждому стрелку полагалось выпустить четыре стрелы, у которых строго выравнивался центр тяжести, что обеспечивало их прямой полет.

⁶ Речь идет о пожелании дожить до самой глубокой старости, когда белые волосы желтеют, а на спине появляются пятна.

⁷ *Мертвых* *наместник* — лицо, представляющее предков и принимающее от их имени жертвоприношение.

⁸ Имеется в виду помощь при жертвоприношениях общему предку.

⁹ *Цзин* — приток р. Вэй, впадающий в Хуанхэ.

¹⁰ Жертвоприношение совершалось в храме предков, в заднем притворе которого на другой день особо чувствовалось лицо, представлявшее предков.

¹¹ *Преславный Лю* — по преданию, потомок Хоу-цзи и предок дома Чжоу. Князь Лю вывел свой народ из страны западных варваров в сторону Бинь, где и основал свое княжество.

¹² *...как предка чтут его* — признают его главой рода.

¹³ Речь идет об определении сторон света по тени, отбрасываемой шестом.

¹⁴ *Жуй* — приток реки Цзин.

¹⁵ Да продолжишь ты жертвоприношения духам своих предков, как это надлежит главе рода, да воздашь им почести в храме.

¹⁶ Небо давно уже вручило царство твоему предку, твоему роду.

¹⁷ Нефрит и яшма издавна считались в Китае символом чистоты.

¹⁸ Если вы, государь, не будете передоверять свою власть недостойным людям, а будете лично заниматься делами управления, то и ваши слуги будут заботиться о народе и любить его.

¹⁹ *Угунг* — масличное дерево. Согласно легенде, на него садятся чудесные птицы — фениксы.

²⁰ *Сердцу всей страны* — то есть столице.

²¹ *...подобны... мертвецам* — то есть совершенно беспомощны.

²² Небо просветляет народ с такой же легкостью, с какою

звучат вместе сюань и флейта, с какою складывается из двух половин яшмовый княжеский жезл.

²³ *Перед взходом поставленный щит.*— См. Нравы царств, гл. VIII, примеч. 2.

Стр. 251. III (глава третья)

¹ Последний царь династии Шан (1766—1122 гг. до н. э.) по имени Чжоу, известный распутством и жестокостью, был свергнут с престола вторгнувшимся в пределы его царства с запада племенем чжоу, которое основало свою династию — Чжоу. Вэньван — царь Просвещенный, глава племени чжоу, предупреждает шанского царя Чжоу о близкой гибели и призывает его положить конец своим беззакониям.

² Человек от рождения добр, но натура его искажается из-за приобретаемых в течение жизни пороков, и это приводит в гнев верховного владыку.

³ *В царстве Срединном* — в Китае.

⁴ *До демонских стран* — до самых отдаленных стран, где обитают варвары и демоны.

⁵ *... снова великие судьбы распасться готовы.*— Небо, давшее трон династии Шан, готово изменить свое решение, и тогда династия падет.

⁶ Если царство, на которое не нападают извне и где нет восстаний внутри, со стороны князей, находится все же на краю гибели, то, значит, сам корень этого царства — государь его — утратил сознание долга и сам является виновником гибели.

⁷ Судьба тирана Цзе, последнего царя первой китайской династии Ся, свергнутого с престола первым царем шанской династии, могла бы служить зеркалом и примером для самой династии Инь (Шан) в лице ее последнего представителя.

⁸ В северо-западных, наиболее интимных, помещениях дворца обычно не делали окон, и свет в них проникал через особые отверстия в крыше. *Перед отверстием в крыше* — в месте, где тебя никто не видит.

⁹ Если правитель явит народу добрые качества, то и народ воздаст ему добром. Если же правитель захочет добра от народа, не давая ему примера сам, то он уподобится человеку, желающему получить от ягненка бараньи рога.

¹⁰ Под шелковицей подразумевается царство Чжоу, прежде цветущее, а затем все более приходившее в упадок.

¹¹ Гибель — неизбежная судьба враждующих между собой удельных князей.

¹² Все молодые мужчины взяты в войско или погибли, остались лишь седые старики.

¹³ Речь идет о тех, кто предпочитает плоды своего личного сельскохозяйственного труда доходам от должностей и поместий, жалуемых царем, и не хотят идти на службу.

¹⁴ Мудрец предвидит событие по его признакам, сам находясь вдалеке от места его свершения; слова мудреца широко распространяются.

¹⁵ *Звездная река* — Млечный Путь.

¹⁶ *Погребены мои дары*. — Одним из способов передачи жертвы духам было погребение ее в землю.

¹⁷ Царство падет, и династия прервется.

¹⁸ Дословно: обратившись с мольбой к духам всех четырех сторон и к духам земли.

¹⁹ *Двух сторон вельможи* — стоящие по левую и правую сторону от трона высшие советники царя.

²⁰ Никто не желает уйти в отставку — все остаются на своих местах.

²¹ *Князь Шэнь* был старшим дядей чжоуского царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.).

²² Святыми горами называли Тайшань (в пределах нынешней провинции Шаньдун), Хуашань (в Шэньси), Хэншань (в Хэбэй) и Суншань (в Хэнани). На этих горах царь совершал жертвоприношения.

²³ *Фу* и *Шэнь* — названия родов, а затем княжеств в пределах нынешней провинции Хэнань. Оба рода происходят из знаменитого в древнем Китае рода Цзян, основатель которого был, по преданию, высшим сановником легендарного царя Яо и хранителем четырех святых гор.

²⁴ *Чжоу* — название царствующей династии.

²⁵ *Се* — княжество в пределах нынешней Хэнани.

²⁶ *Мэй* — селение в пределах нынешней Шэньси.

²⁷ Будет образцом для военной и гражданской власти.

²⁸ *Цзифу* (Инь Цзифу) — советник царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.), автор оды.

²⁹ *Чжун Шаньфу* — первый советник, наставник и телохранитель чжоуского царя Сюань-вана.

³⁰ *Одному человеку* — то есть царю.

³¹ И у царя есть свои недостатки.

³² *Княжество Ци* находилось на территории полуострова Шаньдун.

³³ *Хань* — княжество в пределах нынешней провинции Шэньси.

³⁴ *Лянские горы* служили как бы естественным укреплением княжеству Хань.

³⁵ Ханьский князь после смерти своего отца должен явиться к царю за получением указа, утверждающего его наследственное право на его княжество, и яшмового скипетра.

³⁶ Ты не будешь лишен княжеского достоинства и власти.

³⁷ *Сянь-фу* — советник царя Сюань-вана, дававший от имени государя прощальный пир ханьскому князю.

³⁸ *Фэнь-ван* — царь реки Фэнь. Так был назван чжоуский царь Ли-ван (878—827 гг. до н. э.), свергнутый с престола за жестокости и поселившийся на берегах р. Фэнь.

³⁹ *Хань-цзи* — дочь Гуй-фу и сестры Ли-вана, жена ханьского князя.

⁴⁰ Город построен был жителями княжества Янь (в нынешнем Хэбэе). В «Шицзине» есть ряд упоминаний о том, как население различных княжеств сгонялось к границам царства Чжоу для постройки укрепленных городов.

⁴¹ *Шаоский князь Ху* (Шао Ху) — выдающийся полководец и строитель укрепленных городов на границах царства Чжоу в годы царствования Сюань-вана.

⁴² *Цзян* (Янцзыцзян), *Хань* (приток Янцзы) и *Хуай* — крупные реки на юге древнего Китая.

⁴³ ...когда *Просвещенный престол* снискал — когда основателю дома Чжоу, царю Просвещенному (Вэнь-вану), небо передало власть над страной.

⁴⁴ Такие скипетры употреблялись для возлияний при торжественных жертвоприношениях предкам.

⁴⁵ Готовясь к торжественной церемонии в храме предков и как бы испрашивая на нее одобрения перед таблицей основателя династии — царя Просвещенного.

⁴⁶ *Хуан-фу* — царский советник и великий наставник при жестоком царе Ю-ване (781—770 гг. до н. э.), внук Нань-чжуна, усмирителя гуннов (см. II, I, 8).

⁴⁷ *Инь-господин* — Инь Цзифу.

⁴⁸ *Сюйские земли* считались варварскими. Населявшие их племена часто опустошали южные княжества царства Чжоу.

⁴⁹ ...посещают наш двор — являются данниками царя.

⁵⁰ *Царь Ю-ван*, согласно китайской исторической традиции, вновь привел в упадок царство Чжоу.

⁵¹ Женщине так же не пристало вмешиваться в государственные дела, оставив свое ткачество и уход за шелкопрядом, как человеку знатному торговать на рынке втрдиорога.

⁵² Не принимая мер против усиливающихся варварских пле-

мен, которые свободно вторгаются в нашу страну, ты умеешь гневаться только на меня за мое правдивое слово.

⁵³ Не оттого ли высыхает пруд, что высокие берега препятствуют притоку воды? Не оттого ли высыхает ключ, что вода в его глубинах иссякла? Не оттого ли растет наше горе, что вы, бесчестные правители, все больше сеете зла?

⁵⁴ *Шаоский князь* Кан был ближайшим помощником основателя дома Чжоу — Вэнь-вана и непрестанно заботился об увеличении его владений.

IV

ГИМНЫ

Стр. 280. I. Гимны дома Чжоу

Помощники светлые — князья, принимающие участие в царском жертвоприношении общему предку.

² Древние комментаторы видят в этом гимне благодарность князьям, участвовавшим в царском жертвоприношении предкам.

³ *Тай-ван* (Великий царь) — титул, присвоенный посмертно деду первого чжоуского царя. В действительности Тай-ван был вождем племени чжоу и никогда не царствовал.

⁴ *Циская гора* находится в пределах провинции Шэньси. Местность вокруг нее была заселена племенем чжоу до его вторжения в центральные княжества.

⁵ *Два государя* — основоположник династии Чжоу У-ван и его отец Вэнь-ван.

⁶ *Чэн-ван* — царь (1115—1078 гг. до н. э.).

⁷ *Ся* — название первой китайской династии; древнейшее название Китая.

⁸ *Кан-ван* — царь (1078—1052 гг. до н. э.).

Стр. 284. II. Гимны дома Чжоу

¹ Личные наделы десяти тысяч земледельцев были равны квадрату земли со сторонами в 30 ли по периметру.

² Обычно два земледельца объединяли свои хозяйства и совместно вели все земледельческие работы.

³ *Чжу* — деревянное било в виде открытого, суживающегося книзу ящика, в который бьют изнутри колотушкой. Юй — трещотка. *Дин* — каменный гонг.

⁴ *Слушают музыку предки* — духи предков, явившиеся на

устроенное в их честь торжественное жертвоприношение, сопровождаемое пением гимнов, музыкой и танцами.

⁵ *Цюй* и *Ци* — названия притоков реки Вэй в пределах территории нынешней провинции Шэньси.

⁶ Князья предстают перед таблицей покойного царя в храме предков и просят утвердить их инвеституры, а также законы правления в их княжествах.

⁷ У-ван (царь Воинственный) победил последнего царя предшествующей Иньской династии и положил этим предел его жестокостям.

Стр. 288. III. Гимны дома Чжоу

¹ Считалось, что дух предка то поднимается к небесам, то опускается на храмовый двор для принятия жертвоприношений.

² В гимне описаны приготовления к царскому жертвоприношению общему предку, которое обычно производилось князьями, родичами царя.

³ В торжественных случаях в Китае принято было не снимать шапки, а надевать их.

⁴ Древние комментаторы считают, что это гимн основателю династии Чжоу — царю Воинственному.

⁵ Гимн исполнялся в храме при церемонии раздачи инвеститур князьям на их владения.

⁶ *Священные горы круглые.* — На них царь приносил жертву небу.

Стр. 295. IV. Гимны князей Лу

¹ *Лу* — небольшое княжество на Шаньдунском полуострове, родина Конфуция и конфуцианства, официально принятого в Китае со II в. до н. э. философского, политического и этического учения.

² *Цапель слетается белая стая* — танцоры, украшенные перьями этих птиц и подражающие им в танце.

³ В учреждаемых князьями по примеру Вэнь-вана школах, обязательной принадлежностью которых был пруд, преподавались правила поведения, музыка, письменность, счет, стрельба из лука, а также искусство управления боевой колесницей. Школы подготавливали управленческий аппарат княжеств, бывший одновременно и командным составом армий.

⁴ Гао-ю — советник легендарного царя Шуня, прославившийся мудростью.

⁵ Легендарный царь Юй после постигшего страну потопа (легенду о потопе породили периодические разливы р. Хуанхэ, причинявшие стране огромные опустошения) изменил русла рек, провел каналы, разделил страну на девять областей и обложил окрестные племена данью; предок чжоуских царей и луских князей — государь Зерно (Хоу-цзи), продолжая дело Юя, научил народ земледелию.

⁶ Тай-ван.— См. Гимны, гл. I, примеч. 3.

⁷ Привлекал к себе народ как добродетельный правитель (вождь племени чжоу), ослабляя этим царствовавшую династию Инь (Шан).

⁸ Равнина Муе находится в пределах территории нынешнего уезда Цисянь провинция Хэнань. На этой равнине произошел бой между племенем чжоу и войсками последнего шанского царя.

⁹ Дядя! — наш царь говорит...— Под дядей здесь разумеют по традиции Чжоу-гуна, брата У-вана, основателя династии луских князей; царь — Чэн-ван, сын У-вана.

¹⁰ Лускому князю — князю Бо-циню, сыну чжоуского князя.

¹¹ Сын Чжуан-гуна — то есть правящий князь Си-гун, которому посвящен гимн.

¹² Цзинские орды и Шу.— Княжество Цзин (Чу) — сильное государство у юго-западных окраин Китая. Государство Шу было с ним в союзе.

¹³ Пожелание править страной до глубокой старости.

¹⁴ Тайская гора — священная гора Тайшань (см. Великие оды, гл. III, примеч. 22).

¹⁵ Мань и мо — племена, обитавшие к югу от княжества Лу.

¹⁶ Чан и Сютянь — города в западной части княжества Лу, отторгнутые от него во время внутренних междоусобиц князей.

¹⁷ Старость... до детских зубов.— Древние китайцы верили, что у древних старцев на месте выпавших зубов вновь вырастают «детские», молочные зубы.

Стр. 304. V. Гимны дома Шан

¹ Шан — китайская династия (1766—1154), переменившая в 1401 г. до н. э. свое название на Инь.

² Чэн-тан (Тан) — основатель династии Шан. В гимне вызывается его дух принять жертву, принесенную его царствующим потомком.

³ Автор имеет в виду удельных князей.

⁴ У-дин (1324—1265 гг. до н. э.) — царственный потомок Чэн-тана.

⁵ Согласно легенде, Цзянь-ди — дочь князя Сун и жена цари Гао-синя — вместе со своим супругом совершала весеннее жертвоприношение, моля о ниспослании ей потомства. К ней слетела ласточка и положила яйцо. Цзянь-ди проглотила яйцо и родила мальчика, которого назвали Се. Когда Се вырос, он был взят на службу легендарным царем Яо, поставлен главным советником царя по делам просвещения и пожалован уделом в Шан (нынешняя область Шанчжоу в провинции Шаньси). От него произошел род шанских царей.

⁶ Цзинскую гору (в нынешней Хэнань), у подножья которой расположена столица Бо, обтекает р. Хуанхэ.

⁷ ... в нашей возросшей стране — в стране, протяженность границ которой весьма увеличилась.

⁸ Сун — название рода шанских царей.

⁹ Владыка. — Имеется в виду небесный владыка.

¹⁰ Черный царь — Сюань-вап. Так посмертно был титулован Се, предок шанских царей, рожденный от «черной птицы», ласточки (см. Гимны, гл. V, примеч. 5). В действительности Се никогда не царствовал.

¹¹ Сян-гу — внук Черного царя Се.

¹² Князья стали являться к нему со своими яшмовыми жезлами, и их уделы признавали свою зависимость от нового царя.

¹³ Три княжества — Вэй, Гу и Гунь-у в союзе с последним государем династии Ся (первая китайская династия) еще пытались оказывать сопротивление Чэн-тану.

¹⁴ Державший кормило — так именовался главный советник Чэн-тана И-инь.

¹⁵ Предок (Возвышенный) — Гао-цзун. Так был посмертно титулован царь У-дин, совершивший победоносный поход на южное княжество (царство) Цзин (Чу) (см. Гимны, гл. IV, примеч. 12).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Федоренко. Древнейший памятник поэтической культуры Китая</i>	3
I. ГОФЫН. ПРАВЫ ЦАРСТВ	

I. Песни царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него	
Встреча невесты (I, I, 1)	24
Стебли простерла далеко кругом конопля (I, I, 2)	25
«Мышиные ушки» (I, I, 3)	25
На юге у дерева долу склоняются ветви (I, I, 4)	26
Саранча (I, I, 5)	26
Песнь о невесте (I, I, 6)	27
Охотник (I, I, 7)	27
Подорожник (I, I, 8)	28
Река Хань широка (I, I, 9)	28
Вдоль плотины иду (I, I, 10)	29
Линь-единорог (I, I, 11)	29
II. Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него	
Выезд невесты (I, II, 1)	30
Кувшинки идет собирать она (I, II, 2)	30
Цикада в траве зазвонит, запоет (I, II, 3)	31
Травы водяной набрала... (I, II, 4)	31
Память о добром правителе (I, II, 5)	32
Песня невесты, отвергающей жениха (I, II, 6)	32
В шубах овчинных идут они в ряд (I, II, 7)	33
Гулко грохочет гром (I, II, 8)	33
Песня девушки, собиравшей сливы (I, II, 9)	34
Звезды (I, II, 10)	34
Девушка шла к жениху (I, II, 11)	35
Убитая лань на опушке лесной (I, II, 12)	35
Свадьба царевны (I, II, 13)	36
Цзоу-юй (Белый Тигр) (I, II, 14)	36

III. Песни царства Вэй

Песнь забытой жены (I, III, 1)	37
Одежда зеленого цвета (I, III, 2)	38
То ласточки (I, III, 3)	39
Песнь забытой жены (I, III, 4)	40
Ветер все дует... (I, III, 5)	40
Лишь барабан большой услышал (I, III, 6)	41
Песнь о сыновьях, которые не сумели покоить старость матери (I, III, 7)	42
Как пестрый фазан далеко улетает (I, III, 8)	42
У тыквы зеленые листья горьки... (I, III, 9)	43
Песнь оставленной жены (I, III, 10)	43
Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны (I, III, 11)	45
Взросла конопля над пологим холмом (I, III, 12)	46
Песнь танцора (I, III, 13)	46
Песнь жены об оставленном родном доме (I, III, 14)	47
Вышел я из северных ворот (I, III, 15)	48
Северный ветер (I, III, 16)	48
Тихая девушка (I, III, 17)	49
Новая башня (I, III, 18)	49
Двое детей садятся в лодку (I, III, 19)	50

IV. Песни царства Юн

Кипарисовый челнок (I, IV, 1)	51
Чертополох (I, IV, 2)	51
С супругом вместе встретишь старость ты (I, IV, 3)	52
В тутах (I, IV, 4)	53
Четой перепелки кружат у гнезда (I, IV, 5)	53
Созвездие Дин высоко наконец (I, IV, 6)	54
Радуга (I, IV, 7)	54
Ты на крысу взгляни... (I, IV, 8)	55
Встреча знатного гостя (I, IV, 9)	55
Мчалась утешить (I, IV, 10)	56

V. Песни царства Вэй

У меня есть милый (I, V, 1)	58
Там радость явилась... (I, V, 2)	59
Ты величава собой (I, V, 3)	59
Ты юношей простым пришел весной (I, V, 4)	60
Тоска женщины, выданной в чужую сторону (I, V, 5)	62
Песнь об отроке, украсившем себя поясом зрелого мужа (I, V, 6)	63
Скорбь матери, разлученной с сыном (I, V, 7)	63

Тоска о муже, посланном в поход (I, V, 8)	64
Рыщет, ищет подругу лис (I, V, 9)	64
Мне ты в подарок принес плод айвы (I, V, 10)	65

VI. Песни царской столицы

Там просо склонилось теперь (I, VI, 1)	66
Тоска о муже (I, VI, 2)	67
Радость возвращения из похода (I, VI, 3)	67
Думы солдат о доме (I, VI, 4)	68
Глухая крапива (I, VI, 5)	68
Заяц медлителен (I, VI, 6)	69
На чужбине (I, VI, 7)	70
Уйду ли, мой милый, на сбор конопли (I, VI, 8)	70
Колесница большая грохочет (I, VI, 9)	71
Вижу, вдали конопля (I, VI, 10)	71

VII. Песни царства Чжэи

Пригожи вы, князь (I, VII, 1)	72
Чжуна просила я слово мне дать (I, VII, 2)	72
Шу на охоту поехал (I, VII, 3)	73
Шу на охоте (I, VII, 4)	74
Цинские люди под городом Пэн (I, VII, 5)	75
Баранья придворная шуба (I, VII, 6)	75
Вдоль дороги большой я прошла (I, VII, 7)	76
Жена сказала (I, VII, 8)	76
Дева вместе со мной в колеснице (I, VII, 9)	77
На горе растут кусты (I, VII, 10)	77
Лист пожелтелый (I, VII, 11)	77
Хитрый мальчишка (I, VII, 12)	78
Коль обо мне ты с любовью подумал (I, VII, 13)	78
Как он дороден (I, VII, 14)	78
Площадь просторная есть у восточных ворот (I, VII, 15)	79
Ветер с дождем (I, VII, 16)	79
Ворот одежды блестит бирюзовый на нем (I, VII, 17)	80
Бурные воды реки (I, VII, 18)	80
Вот из восточных ворот выхожу (I, VII, 19)	81
В поле за городом травы ползучие есть (I, VII, 20)	81
В третью луну, праздник сбора орхидей (I, VII, 21)	82

VIII. Песни царства Ци

«Слышу, давно уж пронел петух...» (I, VIII, 1)	83
Взаимные похвалы охотников (I, VIII, 2)	83
Встреча невесты (I, VIII, 3)	84
Солнце ль с востока поднимется днем (I, VIII, 4)	84

В тумане (I, VIII, 5)	85
Южные горы возвысились (I, VIII, 6)	85
Не надо запахивать пашню, что так велика (I, VIII, 7)	86
Охотник (I, VIII, 8)	87
Совсем обветшала мережа (I, VIII, 9)	87
Гонишь, торопишь коней (I, VIII, 10)	87
Сколь видом величав ты (I, VIII, 11)	88

IX. Песни царства Вэй

Легкие туфли (I, IX, 1)	89
Над рекою Фэнь (I, IX, 2)	89
Персиком благоухают сады (I, IX, 3)	90
Взбираюсь ли я на высокий хребет (I, IX, 4)	91
На сборе листьев тута (I, IX, 5)	92
Удары звучат далеки, далеки (I, IX, 6)	92
Большая мышь (I, IX, 7)	93

X. Песни царства Тан

Давно уже в доме сверчок зазвонил (I, X, 1)	95
Песнь о скупце (I, X, 2)	96
Бурные, бурные воды (I, X, 3)	96
Песнь о процветании и могуществе рода (I, X, 4)	97
Дважды хворост жгутом охватив, я вязанку сложила (I, X, 5)	97
Песнь об одиноком дереве (I, X, 6)	98
Песня о верности господину (I, X, 7)	98
Гуси (I, X, 8)	99
Разве можно сказать (I, X, 9)	99
Одинокая груша (I, X, 10)	100
Прочно окутан терновник плющом (I, X, 11)	100
Собрала я лакрицу (I, X, 12)	101

XI. Песни царства Цинь

Гром колесниц все слышней (I, XI, 1)	102
Князь на охоте (I, XI, 2)	102
Боевая колесница (I, XI, 3)	103
Тростники с осокой сини, сини (I, XI, 4)	104
Песнь о посещении циньским князем чжуннаньских гор (I, XI, 5)	104
Там иволги (I, XI, 6)	105
Тоска по мужу (I, XI, 7)	106
Кто сказал: нет одежды (I, XI, 8)	106
Брата матери я провожаю (I, XI, 9)	107
О скупости князя (I, XI, 10)	107

ХII. Песни царства Чэнь

Ты стал безрассуден (I, XII, 1)	108
Там вязы растут у восточных ворот (I, XII, 2)	108
Радость удалившегося от княжеского двора (I, XII, 3)	109
Есть у восточных ворот водоем (I, XII, 4)	109
Там, у восточных ворот, зеленеют ракиты (I, XII, 5)	110
У врат могильных (I, XII, 6)	110
Вьет гнездо сорока на плотине (I, XII, 7)	110
Вышла на небо луна (I, XII, 8)	111
Чем я там буду так занят (I, XII, 9)	111
Там, где плотина (I, XII, 10)	112

ХIII. Песни царства Гуй

Вы в шубе барашьей (I, XIII, 1)	113
Коль путника встречу (I, XIII, 2)	113
Дикая вишня (I, XIII, 3)	114
Не ветер порывист (I, XIII, 4)	114

ХIV. Песни царства Цао

Жук-одинодневка (I, XIV, 1)	115
Ходят они на приемы (I, XIV, 2)	115
На той шелковице голубка сидит (I, XIV, 3)	116
Течет на поля ледяная вода... (I, XIV, 4)	117

ХV. Песни царства Бинь

Песня о седьмой луне (I, XV, 1)	118
О ты, сова (I, XV, 2)	121
Возвращение из похода (I, XV, 3)	121
Песнь о походе князя Чжоу на восток (I, XV, 4)	123
О скором сватовстве (I, XV, 5)	123
С девятью кошелями поставлена сеть (I, XV, 6)	124
Подгрудок отвисший волк лапой прижал (I, XV, 7)	124

II. СЯО Я: МАЛЫЕ ОДЫ

I

Встреча гостей (II, I, 1)	126
На службе царю (II, I, 2)	127
На службе царю (II, I, 3)	127
Братская любовь (II, I, 4)	128
О дружбе (II, I, 5)	130
Славословие царю (II, I, 6)	131

В походе на гуннов (II, I, 7)	133
Ода о походе воеводы Нань Чжуна против гуннов (II, I, 8)	135
В ожидании мужа, ушедшего в поход (II, I, 9)	136

II

Радужному хозяину (II, II, 3)	138
Радужному хозяину (II, II, 5)	138
Славословие гостям (II, II, 7)	139
Высоко польнь возросла (II, II, 9)	140
На пиру (II, II, 10)	141

III

Встреча гостя (II, III, 1)	142
Густые поляны (II, III, 2)	142
О походе воеводы Инь Цзифу на гуннов (II, III, 3)	143
О походе воеводы Фан Шу на южных варваров (II, III, 4)	145
Царская охота (II, III, 5)	146
Царская охота (II, III, 6)	148
То гуси летят (II, III, 7)	149
Ночь во дворце (II, III, 8)	149
Думы о смуте в стране (II, III, 9)	150
Противоречия (II, III, 10)	150

IV

Жалоба воинов, слишком долго задержанных на службе царю (II, IV, 1)	152
Белый жеребенок (II, IV, 2)	152
На чужбине (II, IV, 3)	153
Там, по дикой пустыне (II, IV, 4)	154
Новый дворец (II, IV, 5)	154
Хозяину стад (II, IV, 6)	157
Ода благородного Цзя Фу, обличающая царя и царского советника Иня (II, IV, 7)	158
Пал летом белый иней (II, IV, 8)	160
О знаменьях небесных и земных, предвещающих бедствия (II, IV, 9)	164
Велик ты, неба вышний свод (II, IV, 10)	166

V

Ода о неправых советниках (II, V, 1)	169
Ода о воспитании (II, V, 2)	170
Вороны по воздуху крыльями бьют (II, V, 3)	172
Ода о клеветниках (II, V, 4)	174
Ода о вероломном друге (II, V, 5)	176

Ода о клеветниках (II, V, 6)	178
О неверном друге (II, V, 7)	179
Кувшинки-цветы (II, V, 8)	180
Ода о запустении в восточных царствах (II, V, 9)	181
Ода о смуте в стране (II, V, 10)	183

VI

Ода о несправедливости (II, VI, 1)	185
Не думай о печалях (II, VI, 2)	186
Еще одна ода о дальнем походе (II, VI, 3)	187
Разлив реки Хуай (II, VI, 4)	188
Жертвоприношение предкам (II, VI, 5)	189
Жертвоприношение предкам (II, VI, 6)	191
Широкое поле (II, VI, 7)	193
Большое поле (II, VI, 8)	194
Встреча царя, выступающего в поход (II, VI, 9)	196
Прекрасны, прекрасны цветы (II, VI, 10)	196

VII

Царь приветствует своих гостей (II, VII, 1)	198
Ода царю (II, VII, 2)	198
Пир у старшего в роде (II, VII, 3)	199
Радость новобрачного (II, VII, 4)	200
Синья муха (II, VII, 5)	202
О вине (II, VII, 6)	202
Приветствие царю в столице (II, VII, 7)	204
Встреча князя с царем (II, VII, 8)	205
Поучение царю (II, VII, 9)	206
Там ива (II, VII, 10)	208

VIII

Ода о запустении в столице Хао (II, VIII, 1)	209
В ожидании мужа (II, VIII, 2)	210
Ода о постройке города в Се (II, VIII, 3)	211
Тут (II, VIII, 4)	211
Жалобы отвергнутой жены (II, VIII, 5)	212
Песня о войне, изнемогшем в походе (II, VIII, 6)	214
Скромный пир (II, VIII, 7)	214
Воин в походе восточном (II, VIII, 8)	215
Цветы на вьюнке (II, VIII, 9)	215
В походе (II, VIII, 10)	216

III. ДА Я. ВЕЛИКИЕ ОДЫ

Ода Вэнь-вану (III, I, 1)	218
Ода о царях Вэнь-ване и У-ване и о покорении царства Инь-Шан (III, I, 2)	220
Ода о переселении племени чжоу (III, I, 3)	222
Славословие царю Просвещенному (III, I, 4)	224
Подножие Ханьской горы (III, I, 5)	225
Почтеья была преисполнена Тай-жэнь (III, I, 6)	226
Вышнего неба державен верховный владыка (III, I, 7)	227
Чудесная башня (III, I, 8)	230
Ода У-вану (III, I, 9)	231
Ода царю Просвещенному (Вэнь-вану) и царю Воинственному (У-вану) (III, I, 10)	232

II

Ода государю Зерно (Хоу-цзи) (III, II, 1)	234
Пир (III, II, 2)	236
Ода хозяину пира (III, II, 3)	238
Ода о наместнике мертвых (III, II, 4)	239
Ода царю (III, II, 5)	241
Ода князю Лю (III, II, 6)	242
Ода благосклонному государю (III, II, 7)	244
Ода царю (III, II, 8)	244
Народ страждет (III, II, 9)	246
Ода в поучение беспечному царедворцу (III, II, 10)	248

III

Слово Вэнь-вана последнему государю Шан (III, III, 1)	251
Поучение правителю (III, III, 2)	253
Ода бесчестным правителям (III, III, 3)	257
Ода о засухе (III, III, 4)	261
Ода шэньскому князю (III, III, 5)	264
Ода царскому наставнику Чжун Шаньфу (III, III, 6)	267
Ода ханьскому князю (III, III, 7)	269
Ода шаоскому князю Ху (III, III, 8)	271
Ода подвигам царя Сюань-вана (III, III, 9)	273
Царю Ю-вану (III, III, 10)	275
Ода бесчестным советникам царя (III, III, 11)	277

IV. СУН: ГИМНЫ

I. Гимны дома Чжоу

В храме (IV, I, 1)	280
Гимн царю Просвещенному (IV, I, 2)	280

Гимн законам царя Просвещенного (IV, I, 3)	281
Вы, князья просвещенные (IV, I, 4)	281
Гимн Тай-вану и Вэнь-вану (IV, I, 5)	281
Гимн царю Чэн-вану (IV, I, 6)	282
Гимн верховному владыке неба и царю Просвещенному (IV, I, 7)	282
Гимн царю Воинственному (IV, I, 8)	282
Гимн царям У-вану, Чэн-вану и Кан-вану (IV, I, 9)	283
Гимн государю Зерно (IV, I, 10)	283

II. Гимны дома Чжоу

Повеление царя советникам, ведающим полевыми работами (IV, II, 1)	284
Повеление царя надсмотрщикам за полевыми работами (IV, II, 2)	284
Приветствие гостям (IV, II, 3)	285
Благодарение за урожай (IV, II, 4)	285
Слепые явились (IV, II, 5)	285
Гимн при принесении в жертву рыб (IV, II, 6)	286
Гимн усопшим родителям царя (IV, II, 7)	286
Благодарение князьям, принимавшим участие в царском жертво- приношении (IV, II, 8)	286
Прием дорогого гостя (IV, II, 9)	287
Гимн царю Воинственному (IV, II, 10)	287

III. Гимны дома Чжоу

Гимн усопшему отцу (IV, III, 1)	288
Гимн усопшему отцу (IV, III, 2)	288
Обращение царя к советникам (IV, III, 3)	289
Поучение царя (IV, III, 4)	289
Урожай (IV, III, 5)	290
Благодарение за урожай (IV, III, 6)	291
Приготовления к жертвоприношению (IV, III, 7)	293
О, как прекрасны были рати (IV, III, 8)	293
Гимн царю Воинственному (IV, III, 9)	293
Гимн царю Просвещенному (IV, III, 10)	294
О державный дом Чжоу (IV, III, 11)	294

IV. Гимны князей Лу

Мощные были у нас скакуны (IV, IV, 1)	295
На пиру у князя (IV, IV, 2)	296
Посещение школы (IV, IV, 3)	297
Посещение храма (IV, IV, 4)	299

V. Гимны дома Шан

Гимн царю Чэн-тану (IV, V, 1)	304
Гимн царю Чэн-тану (IV, V, 2)	305
Гимн царям Чэн-тану и У-дину (IV, V, 3)	305
Гимн царю Чэн-тану и его предкам (IV, V, 4)	306
Гимн предку (IV, V, 5)	308
Комментарии	310

Ш65 Шицзин: Книга песен и гимнов /Пер. с кит. А. Штукина; Подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; Коммент. А. Штукина.— М.: Худож. лит., 1987.—351 с.

«Шицзин» — «Книга песен и гимнов» — древнейший китайский литературный памятник. Входящие в него пародные песни, оды и культовые гимны создавались в XII—V веках до н. э. Собранные Конфуцием в одну книгу «для торжества идеального порядка вещей, правления, обрядов и долга», как говорил в I веке до н. э. древний китайский историк Сыма Цянь, они составили поэтическую летопись, отразившую жизнь, духовные интересы и древнюю культуру китайского народа.

4703000000-032

Ш
028(01)-87

209-87

ББК 84.5Кит

Ш И Ц З И Н

Книга песен и гимнов

Редактор *Г. Ярославцев*

Художественный редактор *С. Гераскевич*

Технические редакторы *М. Плешакова, Л. Синицына*

Корректор *М. Миримская*

ИБ № 4344

Сдано в набор 09.03.86. Подписано в печать 21.08.86. Формат 84×108^{1/32}. Вумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 16,18. Тираж 50 000 экз. Изд. № VIII-1989. Заказ № 769. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в Тульской типографии Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109

Отпечатано во Владимирской типографии Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7